

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ

Language
and
Text

langpsy.ru

МГППУ

№1 (6) 2019 год

international
electronic
journal

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК

по материалам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы тюркологии и востоковедения», посвящённой 75-летию профессора Айдера Меметова, проведенной 21-22 марта 2019 г. кафедрой крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского» (Таврическая академия) совместно с кафедрой «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Содержание

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Literary space in the novel of Ismail Kadare: The palace of dreams (One semiotic approach) <i>Brahaj M.</i>	6
Лев Толстой и крымскотатарская литература <i>Джемилева А.А.</i>	17
Литературно-художественный процесс на страницах «Алем-и субьян» («Детский мир») <i>Меметова Л.А.</i>	22
Мотив возвращения как национальная идея в рамках бинарной оппозиции «изгнание – возвращение» в дискурсе крымской прозы <i>Караманов Р.Н.</i>	29
Виды и выражение обстоятельств образа действия, использованных в романе Ю. Болати «Саф юреклер» <i>Фетиева Э.О.</i>	33
Образы Италии в эпистолярном наследии Достоевского <i>Дергачева И.В.</i>	38
Красота человека русского и иностранного? (По страницам произведений Ф.М. Достоевского) <i>Бурлакова И.И.</i>	45

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Актуальные вопросы создания КИМов (контрольно-измерительных материалов) в условиях функционирования инновационных образовательных программ в начальной школе <i>Муратова С.Д.</i>	53
Специфика паремий, вербализующих концепт «Родина», в рутульской и русской концептосферах <i>Ибрагимова М.О.</i>	57
Координация деятельности учителей начальных классов в развитии умения говорить в билингвальной среде <i>Халик С.К., Муратова Э.Д.</i>	62

Лингвометодическое обеспечение билингвального образования в начальной школе тестовыми материалами <i>Сулейманова С.Н.</i>	66
Межпредметные связи в начальной школе в аспекте развития билингвальных аудитивных умений <i>Ибрагимова Э.К., Меджитова З.С.</i>	70
Методические проблемы предупреждения и преодоления интерференции в условиях формирования русско-крымскотатарско-английского трёхязычия <i>Зиядинова Э.М., Аслаева Э.А.</i>	75
Роль современных информационных технологий в повышении качества образования <i>Мухамади К.Т., Сансызбаева Г.С.</i>	80
Учебная и методическая сущность билингвального обучения в условиях функционирования инновационных образовательных площадок в Крыму <i>Девлетов Р.Р.</i>	85
Будущее-прошедшее время на -джакъ эди крымскотатарского языка в сопоставлении с глагольными формами английского языка <i>Швед Е.В.</i>	89
Модернизация учебного перевода как методического приема обучения русскому языку в турецкой аудитории <i>Шеремет О.В.</i>	97

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

К столетию Таврического университета: зарождение высшей школы иранистики в Крыму <i>Сухоруков А.Н.</i>	105
Образы мужчины и женщины в дагестанской языковой картине мира (на материале рутульского языка) <i>Махмудова С.М.</i>	117
Функционирование названий космических объектов в крымскотатарском языке <i>Абсемиева Л.С.</i>	122
Проблема перевода звукоподражательных слов в крымскотатарском языке <i>Аджимуратова З.Н.</i>	126
Лексико-семантические и лексико-грамматические особенности компонентов парных слов (глаголов и формах глагола) в крымскотатарском языке <i>Ваапова М.Р.</i>	131
Известные американцы и изучение русского языка в США в XIX веке <i>Зенкевич И.В.</i>	135

THEMATIC ISSUE

Based on materials from the International Scientific and Practical Conference "Actual problems of Turkic and Oriental studies", dedicated to the 75th anniversary of Professor Ayder Memetov, held March 21-22, 2019 by the Department of Crimean Tatar Philology of the Faculty of Crimean Tatar and Eastern Philology of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky (Taurian Academy) together with the Department "Linguodidactics and Intercultural communication" of the institute "Foreign languages, Modern Communications and Management" of FSBEI HE "Moscow State University of Psychology and Education"

Contents

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Literary space in the novel of Ismail Kadare: The palace of dreams (One semiotic approach) <i>Brahaj M.</i>	6
Lev Tolstoy and Crimean Tatar literature <i>Dzhemileva A.A.</i>	17
Literary and artistic process on the pages of "Alem-i Subyan" ("Children's World") <i>Memetova L.A.</i>	22
The motive of returning, as the national idea in the context of binary opposition "exile-return" to the discourse of the Crimean prose <i>Karamanov R.N.</i>	29
The types and expression of the circumstances of the course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf Yurekler" <i>Fetieva E.O.</i>	33
Images of Italy in Dostoevsky's epistolary heritage <i>Dergacheva I.V.</i>	38
The beauty of a man of Russian and foreign (According to the works of FM Dostoevsky) <i>Burlakova I.I.</i>	45

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Topical issues of creation of CMMs (control and measuring materials) in the conditions of functioning of innovative educational programs in primary schools <i>Muratova S.D.</i>	53
The specificity of the paremias, verbalizing the concept of "Motherland" in the Rutul and Russian concept spheres <i>Ibragimova M.O.</i>	57
Coordination of primary school teachers in the development of the ability to speak in a bilingual environment <i>Halik S.K., Muratova E.D.</i>	62
Linguomethodical provision of bilingual education in primary school with test materials <i>Suleymanova S.N.</i>	66

Interdisciplinary communication in elementary school in the aspect of the development of auditory skills in bilingual learning <i>Ibragimova E.K., Medzhitova Z.S.</i>	70
Methodological problems of prevention and overcoming of interference in the conditions of formation of the Russian-Crimean-Tatar-English trilingualism <i>Ziyadinova E.M., Aslaeva E.A.</i>	75
The role of modern information technologies in improving the quality of education <i>Mukhamadi K.T., Sansyzbaeva G.S.</i>	80
Educational and methodical essence of bilingual studying in conditions of functioning of the innovative educational sites in Crimea <i>Devletov R.R.</i>	85
Crimean Tatar Future-Past Tense Ending in -джакъ эди Contrasted With English Verb Forms <i>Shved E.V.</i>	89
Modernization of educational translation as a methodical method of teaching Russian in a Turkish audience <i>Sheremet O.V.</i>	97

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

On the centenary of Tavrichesky University: the birth of Iranian higher education in Crimea <i>Sukhorukov A.N.</i>	105
Images of men and women in the Dagestan language picture of the world (based on the Rutul language) <i>Makhmudova S.M.</i>	117
Functioning of space objects in the Crimeantatar language <i>Absemieva L.S.</i>	122
The problem of translation of onomatopoeic words in the Crimeantatar language <i>Adzhimuratova Z.N.</i>	126
Lexical-semantic and lexical-grammatical features of the components of paired words (verbs and verb forms) in the Crimeantatar language <i>Vaapova M.R.</i>	131
Famous Americans and learning of the Russian Language in the USA in the XIX century <i>Zenkevich I.V.</i>	135

Литературное пространство в романе Исмаила Кадаре: Дворец Снов (Один семиотический подход)

Брахадж М.,

Доктор философии по литературе, Тиранский университет, Тиран, Албания
brahajmanjola@hotmail.com

Это исследование будет сосредоточено на социальном семиотическом подходе романа Исмаила Кадаре под названием «Дворец снов». Мы выбрали этот роман для изучения и анализа, поскольку эта книга считается одной из самых важных работ Кадаре. Роман «Дворец мечты» раскрывает многие аспекты албанского общества, в том числе злоупотребление властью со стороны правительства в эпоху коммунистического режима Албании.

Анализ литературного пространства в этом романе будет сосредоточен на поиске литературного дискурса в тексте и пространствах текста, которые производят дискурс с их формой, наличием и расширением. Кроме того, мы проанализируем эти места, где происходили действия, чтобы увидеть, влияют ли такие действия на путешествие субъекта (новый персонаж) и, если да, на каком уровне. Цель данного исследования - увидеть, как и каким образом значение передается через пробелы, а также как и в какой форме они служат всеобъемлющим идеям романа. Наша цель состоит не только в том, чтобы подчеркнуть ценности этого романа, но и дать возможность понять огромное значение, которое пространство играет в рабочей среде людей и в их личной жизни (персонажах), а также насколько важно пространство для их жизни и судьбы.

Ключевые слова: дворец, мечта, космическое значение, личное пространство, общественное пространство.

Для цитаты:

Брахадж М. Литературное пространство в романе Исмаила Кадаре: Дворец Снов (Один семиотический подход) [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Brahaj.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060101 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Brahaj M. Literary space in the novel of Ismail Kadare: The palace of dreams (One semiotic approach) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Brahaj.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060101 (Accessed dd.mm.yyyy)

Литература

1. *Dado, F. Teoria e veprës letrare, Shblu, Tiranë, 2003.*
2. *Greimas, A. J., J. Courtés. SÉMIOTIQUE, Dictionnaire raisonné de la théorie du langage, Hachette, France, 1979.*
3. *Greimas, A. J. Structural semantics: An attempt at a method, University of Nebraska Press, USA, 2008.*
4. *Greimas, A. J. Maupassant, sémiotique du texte: exercices pratiques, Seuil, Paris, trad. it. Maupassant. Esercizi del testo, a cura di G. Marrone, Centro scientifico editore, Torino, 1995.*
5. *Genette, G. Figures III, aux Éditions du Seuil, Paris, 1972.*

Брахадж М.
Литературное пространство в романе Исмаила Кадаре:
Дворец Снов (Один семиотический подход)
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 6–16.

Brahaj M.
Literary space in the novel of Ismail Kadare: The
palace of dreams (One semiotic approach)
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 6–16.

6. Kadare, I. *Pallati i ëndrrave, Onufri, Tiranë, 1999.*
7. Kadare, I. *The palace of dreams, Vintage Classics, London, 2008.*
8. Lotman, Juri M. *Universe of the Mind, A semiotic Theory of Culture, translated by Ann Shukman, Introduction by Umberto Eko, Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis, Great Britain, 1990.*
9. Louis, H. *Tools for Text and Image Analysis: An Introduction to Applied Semiotics [Electronic resource] The publication is official. - Montreal, Canada, 2018. – URL: <http://www.signosemio.com/documents/Louis-Hebert-Tools-for-Texts-and-Images.pdf> (reference date: 08/07/2018). 49 – 50.*
10. Louis, H. *The Actantial Model [Electronic resource] // Signo's Website, 2006. URL:*
11. *<http://www.signosemio.com/greimas/actantial-model.asp> (reference date: no date).*
12. Marrone, G. *Corpi sociali: processi comunicativi e semiotica del testo, Einaudi, Torino, 2001.*
13. Marrone, G., 2000. *L'efficacia simbolica dello spazio [Electronic resource] // libero.it, 2000, 6 – 8 ottobre. URL: https://digilander.libero.it/marrone/pdf_testi/2_efficacia_dello_spazio.pdf (reference date: 6 – 8 / 10/ 2000).*
14. Propp, V. *Morphology of folktale, University of Texas Press, Austin, 2009.*
15. Wellek, R. Warren, A. *Theory of literature, Harcourt, Brace and Company, New York, 1949.*

Literary space in the novel of Ismail Kadare: The palace of dreams (One semiotic approach)

Brahaj M.

PhD. In Literature, University of Tirana, Tirana, Albania brahajmanjola@hotmail.com

This research study will be focusing on the social semiotic approach of Ismail Kadare's novel called "The Palace of Dreams". We chose this novel to study and analyze since this book is considered to be one of the most important works of Kadare. The palace of dreams novel brings out many aspects of the Albanian society including its governmental abuse of power during the era of Albania's communist regime.

The analyses of literary space in this novel will focus on locating the literary discourse in the text and the spaces of the text that produce discourse with their form, presence and extension. Moreover, we will analyze these spaces where actions were taking place to see if such actions affect the subject's journey (novel character) and if so, at what level. The goal of this research study is to see how and in what way the meaning is transmitted through spaces, and also how and in what form they serve the comprehensive ideas of the novel. Our purpose is not only to highlight the values of this novel, but rather to make it possible to understand the great importance that space plays in people's work environments and in their private lives (the characters), and how crucial space is for their lives and destinies.

Keywords: palace, dream, space meaning, personal space, public space.

Social semiotics also known as social semantics is a new discipline of the field of semiotics which focuses on literary 'space' as semiotics' most important object. Thus, in the dictionary of Greimas and Courtés we can notice that the construction of a space object can be observed from a geometric point of view or from a psycho-physiological point of view...which means that space with its form and extent is already an object that carries and conveys meaning, symbolically marking a certain reality which can be seen as a body that exists to communicate. [2]

The theory of Greimas began during the sixties (1966, p. 174 – 185 and 192 – 212) by proposing the actantial model based on Propp's theories. [2] The actantial model is a device that is theoretically used to analyze any real or thematic action, particularly those actions depicted in literary texts or images. In the actantial model, an action may be broken down into six components, called actants. Actantial analysis consists of assigning each element of the action which is described in various actantial classes. [10] This theory has six actants which are divided into three oppositions. The axis of desire - (1) subject versus (hereinafter 'vs.') (2) object: where the subject is directed towards the object. The axis of power - (3) helper vs. (4) opponent: here the helper assists in achieving the desired junction between the subject and object, whereas, the opponent obstructs. The axis of communication (the axis of knowledge, according to Greimas) - (5) sender vs. (6) receiver: where the sender is the element requesting the establishment and success of the junction between the object and subject. [3] As aforementioned, based on this theory we will analyze Kadare's novel "The Palace of Dreams" by using both, the Albanian version [6] and also the English version [7] of the book. Considered to be one of the first texts ever written and published overtly and indirectly against the Albanian communist regime, this novel was immediately banned and censored when it was first published in Albania, back in 1981. Albania was ruled by a dictator named Enver Hoxha for over four decades (between 1945 to 1985), hence, this hallucinatory novel unfolds as an extended parable of the

dictatorship which controlled the lives of Albanian citizens by emblematically monitoring their ‘dreams’ at that time too. Built on the basis of analogy by pointing to the power of the Ottoman Empire Kadare’s novel, it in fact talks about the communist regime in Albania.

Mark Alemi is the type of character in the novel who essentially works in the bureau world of ‘sleeping’ and ‘dreaming’. This person collects, sorts and analyzes tens of thousands of dreams duly reported by an abject, who portrayed as a compliant to a state that declares the interpretation of a dream fallen like a stray spark into the brain of one out of millions of sleepers, dreams to help save the country or its Sovereign from disaster. Assisted by his powerful uncle named the Vizier who was a State minister, Mark Alemi enjoys a meteoric rise in the dream palace. Due to his failure to decipher the real meaning of political dreams, however, the State takes an opportunity to lash out against his patriotic but yet aristocratic family, by executing his family members and leaving behind a pile of corpses. In other words, in the "palace of dreams" even the closest members of the palace were eliminated if they did not do the job properly or if they were seen as a risk to the State. The palace of dreams, called “Tabir Saray” in the book, is a place with an absolute control of power which portrays the totalitarian power of a State. In short, this novel speaks about communism in Albania through the symbolic parabolas, and through ways in which the dictator violates the rights of his own population, who were metaphorically not allowed to breathe freely or even dream freely.

Furthermore, this novel will be interpreted based on the theory of space semiotics alternating with Greimas theory since this theory will help interpret the symbolism of the novel and its ideas. This text has spaces which talk in a unique language, one that has special signs and meanings.

Recognizing space in text is important since the spatial discourse was seen as one of the most peculiar and the most important discourse in social semiotics. This discourse produces meaning and is considered to be a separate discourse in modern literature theories. Gianfranco Marrone states that "in the case of space, the system and the meaning of the process can be denied since it is not easy to talk about textuality, and above all it is difficult to talk about its borders. Rather, decisions about spatial boundaries of the text in some ways are supposed to be the basic text act. As such, it is clear that space, except for its senses has an effective symbolism which brings semantic and somatic changes in within a text." [12]

This way of looking at space is a novelty where such novelties can be applied to literary texts, in turn, producing and maintaining space. A semiotic observation of this nature in the literary work reveals deeper sides which in analysis of different nature do not get noticed. The same analysis will be completed here with Ismail Kadare’s "Palace of Dreams" work. This paper will demonstrate spaces in the text where literary discourse was set up and, where spaces as text produce the discourse with their form, presence and extent. All things considered, “the same place takes different importance and markings according to the points one chooses to observe. These points may be "subjective" of an individual located at a certain point in the space of the novel in question or "objective" that considers space without taking into account the concrete human experience.” [11] The point and the relationship that the subject creates with literary space is also one that determines meaning and the role of that space. This research will further analyze whether spaces affect the path of the subject or the figure of the novel character, and if so at what level? On one hand, how deep is the sense transmitted through them, and on the other hand, how much and at what level do they serve the comprehensiveness and ideals of the work [5] and [1]

1. Space in Text and its Types

Space in text has its role and importance but, in literary discourse especially, space plays an even greater importance. In the literary work boundaries, space becomes first-hand since here space is ‘the place

where events take place'. This fact is found in Yuri Lotman's study which focuses its observation on the space where the events take place, and the importance of space as a geographical extension. A couple of questions may be asked when thinking about space and its style: on one hand, how much has space and its style changed over the history of literature? And on the other, in observing different literary works, how much of it has remained essential for understanding literary texts and their symbolism? Lotman states that these spaces often do not only have a structural function of the work, but they also carry a moral function in giving the message. "Moreover, notions of moral value and of locality fuse together, as places have a moral significance and morals have a localized significance. Geography becomes a type of ethics in literary space; therefore, "any movement in geographical space is significant in the religious and moral sense. In medieval literature, a person's journey to hell or to heaven is always thought of in geographical terms. This explains the composition of "La Divina Commedia..." [8, p.172]

In particular books, events taking place are located in certain spaces. These events include particular societal moves which talk about the connection between space where the particular work is developed and the work of art that is created as part of such spaces. Different books may include the content of the amount spent on a certain space where the story is taking place, and the depth of the relationship between work and the country reflected in the novel. Wellek and Warren claim that "literature reflects life, and life is in itself a social reality. Literature "imitates" "life" and "life" is, in large measure, a social reality, even though the natural world and the inner or subjective world of the individual have also been objects of literary "imitation." [14, p. 89]

According to this statement, we may claim that the action figures of the work are those that live in literary space and are in contact with such spaces which help or prevent them from realizing their goals. Space and the society in literary work are closely related to each other, therefore, in many cases the society is the space where stories begin. In other cases literature is the one that presents the society as self-created space. Such examples help us understand that space in literary work is created by discourse. If we refer to the "Dream Palace" novel as a topic taken for discussion, we will see that space in this particular novel is broad and it seems almost infinite. The main events are placed in one part of this space. However, in this case there are other places as part of space which include a long ranged empire going to distant lands, from Fushë Kosovë (in Kosovo), the Balkans, Bulgaria all the way to central Albania. These sites are evoked and behaved as part of the text through dreams as well, which dreams have their own space in the novel in question as they express the expansion of the empire, making space the root of this literary work.

As we can see, space is one of the most important components of literary work, the approach of one that varies from one novel to the other or as Lotman says; one that from time to time has changed our point of view in the geographic aspect of literary works. Scientific thinking of the modern era has changed our experience of geographical space. The asymmetry of geographical space and its close link to our general picture of the world have resulted in our modern way of thinking of geographical space as a domain of semiotic modeling. When we use different labeling concepts such as the East and West, we make the renaming of geographical places significant for literary space. "It is easy to make geography symbolic of literary space as for example; a geographical point becomes important when a particular event occurs in certain geographical areas where there are persistent wars or national and religious conflicts; or in a place where significantly different values or different national traditions are located. The history of geographical maps is the notebook of historical semiotic." [8, p.177] In support of Lotman's thoughts, we have explored literary space and its types within the text, hence, we consider space within literary work to be one of the most important components of structural, symbolic and conceptual construction of the work.

1.1. Personal Space

The body of a human being with its space is no longer a body as an organism only today, but rather a social body put together with a physique, as it was defined by the social semantics who have worked in this aspect.[11] Thus, the human body is part of the society. A human being's working body lives in a social space where it creates its own space, it does so, on the basis of her/his relationship with it, but not only; she/he creates spaces on the basis that she/he considers personal too. Wherever we have physical persons, we also have these phenomena. The same applies to literary work, where in this novel Mark Alemi is the central character of the work that has his personal spaces where he lives and works too. But, what are those spaces and how many of them are there? Also, do we really have such spaces?

Although, Mark Alemi is an artistic figure that is portrayed in the novel with his physical features too. The social boundaries that he creates with the other acting figures in the work are of different kinds, they vary depending on his relationship with them such as:

- 1) Close boundaries, these are cases which include: family spaces and his meetings with his mother;
- 2) Little space boundaries: here is the case that includes moments with his uncles;
- 3) Distant places such as: the ones that are only work related spaces and spaces of people that he works with, which spaces are rare in this book. These are spaces with his supervisors and controllers with whom he has meetings and small exchanges, which spaces become closer during coffee breaks and
- 4) Highly remote spaces: these are spaces or boundaries between him and the main directorate.

Moreover, personal spaces are scarce throughout the operating space of this figure. He surely does have his own personal space but one that is very limited; hence, such space shows his shrunk and suppressed personality in the novel. He lives in an imperial state and its power is such that narrows one's individual freedom, where the person in question does not do what he wants to do, but he has to do what he is told to do so, in other words he has to do the things that are commanded to him. The character of this novel gradually leaves his personal spaces, he leaves the space of his home, he abandons it and instead of being rewarded he ends up being punished for it. As Lotman says "There are many interesting consequences of this fusion of geographical and ethical space. First of all, the motivation to leave home is often not a personal one but rather, it is the need to seek reward for virtue or punishment for vice." [8, p.172] In this novel, there is also the semi-personal space (which is shared with family members) of the Mark Alemi figure in his house only and in one case in his personal room. In the first case he evokes it with his remembrance in the environment of his workplace "...Through his thoughts he remembered his big house in the Royal Road, and his powerful tribe who often gathered in the afternoon in the great chamber of friends", a short fragment taken from the book. [6, p.9] And in the second case he is in his home on only one single vacation day: "He stretched shortly and then, removed the hair net and rose from the bed..." book fragment. [6, p. 109 – 111]

1.2. Social Spaces

Social spaces, although more distant and less desirable, occupy most of the action spaces in this book. The novel figure comes from a particular house and is in search for a job in an institution, which makes one understand that he is looking for a good governmental job. Once he reaches this goal and gets employed in the governmental institution, he spends his time mostly in the workplace environment, in his spaces. Metaphorically speaking, in such wars, the strongest and the hostile one wins thus, the character in this novel is part of these events and spaces. He has his own life, but whose life others lead, including spaces and other phenomena. He is in search of an escape from lonely spaces which escape he gradually achieves.

In the beginning the work space takes a good part of his time which he initially desires, but over time this space becomes compelling. He is obliged to work overtime- “And you, Mark Alemi, you will work overtime tonight”. [6, p. 93] Fragment taken from the book. This situation becomes an inseparable part of Mark which he accepts it in the absence of any other alternatives. Such States rule an individual forcing to become alienated. Be that as it may, how does the State achieve such goals? By using its “weapons” where one of them is the work space. In other words, it is the State that sacrifices or limits ones freedom. In this case, there comes a moment where the character gets only one day off which he doesn’t like, therefore, after a while he decides not to take a single day off work.

1.3. Topic spaces

As previously mentioned, topic spaces are somewhat of a mixture of two types of spaces (personal and social spaces), since topic areas are nothing but spaces where the hero acts. [4, p. 86 – 89] These are spaces in which the heroes pass their obstacles and ultimately triumph or fail. They are such spaces where different characters operate, including the hero in question. This happens due to the possession of different functions which are classified as follows:

1.3.1. Paratopic spaces

Paratopic spaces are ones where the acting subject is equipped with respective competencies in order to continue his/her narrative journey. Without such competencies we cannot have the journey or the narrative, as this is seen not only on literary works of Greimasi, but it is also seen in semiotics and social semiotics of different discourses. [9, p. 49 – 50] In this narrative we have several types of space:

1. The space where he takes competency “to take”- he takes this competency from the family space and is ready, in terms of liking, to continue. Affected, by other subjects present in that shared action space, he takes the ‘wanting to do’ competency, in other terms known as, the axis of desire: “- So you entered the Tabir Saraj, - said the great uncle to Mark Alemi, who had finally finished his confession. – You finally decided. - We all decided together, - said Mark’s mother”- book fragment. [6, p. 52]

2. The competency space where “you have to do”- the subject in question takes this competency in the environment of the dream palace and is in need of knowing what he “has to do” narrative: these are selective work spaces where he gets familiarized with the things that ‘he has to do’, in order to continue. Here we also have to do with the axis of desire.

3. The spaces where the subject is equipped with a “knowing how to do it” narrative- these are selective work spaces where he is familiarized with different things that he will do. As it is described in the novel “That week, as his boss had ordered him, he spent half of his working days in every Selection hall for the purpose of familiarizing himself with the employment process”. [6, p. 42] The subject is in some way lacking other necessary space competencies in this case such as, the axis of power competency.

4. The “to be able to do” narrative- the subject here learns to do his work and in turn, he can or is able to complete the tasks assigned. This narrative once again affirms the multi-functionality of different literary spaces taking place in the novel based on subjects and situations. Furthermore, when the subject has the power or is able to complete the task, the space narrative of the axis of power competency is completed.

1.3.2. Heterotopic spaces

Heterotopic spaces are important in every narrating space. Heterotopic spaces are all of those spaces where the signing contracts between the subject and the consignee take place. Heterotopic spaces in this book describe the parties which agree on the realization of a certain performance and which parties in the end, based on Mark's performances, reach an approval. The role of the consignor in this case is precisely the space which equipped the subject with the 'you have to do' narrative, since this contract in question, is in other words an order. The headquarters of the palace signs the contract and the subject is obliged to do as they have agreed. The following sentence of the book supports this narrative "...but one thing you shall never forget, my son, the request for keeping a secret. This is not just a request. This is a grand order of Tabir Saraj. And now start working...Congratulations!" [6, p.19] This space will follow Mark through the entire narrative program, including parts of his program realization. This part of the program includes spaces that will send help to tell him how to continue his journey on one hand, and spaces that will help his journey according to his goals and interests, on the other. This indication brings us to an understanding of the axis of knowledge narrative.

1.3.3. Utopic spaces

Places or spaces where the performance is reached are differently called utopic spaces. In the palace of dreams, these include spaces where the subject performs, works and acts at his workplace in the palace. For the text extensions the utopic spaces are the largest. The subject and his journey remains one of the main spaces in this book. The essence of the subject in these spaces is constituted based on his performance. By standing there, the subject reveals spaces that show the way a State and empires function in maintaining and realizing their State power.

1.4. Dream spaces

This novel is a literary work dedicated to dreams, where all its discourse revolves around unrealistic dreams. In it there is the palace in the center, an institution, and the whole empire that deals with dreams. We have the whole space with all its forms and shape that deal with dreams only. This is basically the whole essence of the novel. What is a dream nonetheless? - A dream is essentially an illusive reality, a desire, and a personal matter. At the same time, what happens when the state interferes in such private matters? These individual dreamers and if their dreams are against the State, the dictating state denounces them and it destroys or shatters them. Therefore, dreams become the cause of persecution and extermination for individuals in such cases. In this novel, the controlling state deals with citizen's collection, selection and interpretation and the whole process becomes strict for the purpose of keeping its citizens under control and observation. In this novel, spaces of the whole state serve these objectives, including persecution, as a terrible and an obscure nightmare. Whereas, the dream in essence is freedom, the empire in this novel is against individual freedom. In short, this novel portrays the power of struggle against the individual, followed by the war for complete destruction all the way to one's mysterious extermination by the totalitarian regime of a state.

2. Space as a text

Space with its forms, layout and composition is viewed as a text which produces and conveys meaning. Space can take on many roles as it all depends on the narrating program and the form of spaces that the subject carries. Such narrating programs also depend on whether they are in the subject's favor or not. Space, in the case of the subject taken as a study, has many functions, and in its forms these spaces take different roles. Our subject has a narrative program that is clear, a program that starts to be realized in a certain way where the premises of the palace come out as: deceiver- as a manipulator and dispatcher-

adjudicator (director office), as the directorate is the one that leads and orders. The directorate plays with the subjects in this novel as if they were dolls by sending them where they please. This is an institution of a country unfolding in the eyes of the subject with all its sides. The auxiliary part is the working environment: selections, archive and interpretation. Moreover, the subject's barriers or anti-subjects are: dark halls, multiple closed doors and doors with no names on them. These spaces are used by the exterminator to hinder other subjects in furtherance of wanting to show greater superiority and power.

3. Types of Space

Our subject during his journey is faced with different forms of spaces where he has some rapports with them, such as:

1. Familiar/unfamiliar spaces: in the premises of the palace the subject is faced with familiar and unfamiliar spaces. Where there are known spaces they portray auxiliaries and where there are unfamiliar spaces they portray barriers. Here is another example of it taken from the book "The galleries seemed familiar at times and not so familiar at other times. Not a single door was heard open anywhere." Or, "Those halls he had never even seen before, in fact, he didn't even know which side of the palace they belonged to..." [6, p. 73 – 90]

2. Allowed/forbidden spaces: our subject here is faced with allowed and prohibited spaces, where the prohibited ones are quite numerous. He is allowed to go to the selection and interpretation department when he is transferred to the archive, but only by special orders, i.e. "-What are you looking for? – said a stranger. It is forbidden for you to pass here". [6, p. 74]

3. The far/close space: when these spaces seem close they are easier to be used and when they are far away such spaces become more difficult. Based on them, sometimes there are easier facilitations to reach the object, in turn, causing confidence and security, other times there are obstacles caused by distant objects which cause fear and doubt, i.e. "And in front of him came a far-sighted reality" "Wondering what is there in the distance". [6, p. 70 – 103]

4. The up/down space: in the palace there are up and down spaces emphasized in the way the work is designed to function. These spaces have a contagious structure of the bottom up view. The 'up' structure is one that reminds you of a hellish structure since it passes through 7 scalable scales as follows: Directorate, Dispatchers, Archive, Interpretation, Selection, Collection and Lunch Room.

5. The center/periphery space: here the subject knows the bottom/up organizing method of these existing spaces in the palace, therefore, he somewhat understands the spaces center/periphery. The dispatcher is also the center, while others gradually go according to their functions towards periphery.

6. The light/dark space: this particular space is sometimes influenced not only by its shape, but also by other elements including the elements of light becoming an obstacle or aid based on its presence or absence. These spaces in the palace are also illuminated by numerous lights (workrooms), but those spaces take us to complete darkness too, as they include halls and corridors to the exit of the semi-dark archive, i.e. "The dimming light of the lanterns is lost in the distance". [6, p. 101]

7. Doors that open/doors that do not open: this controversy is probably the most highlighted and the most important one in the novel. An open door is a helping perspective, whereas, a closed one is the opposite, i.e. “There were doors on all sides. Mark Alemi pushed the doors forward one after the other, until one of them opened...”. [6, p. 8]

8. Labeled and unlabeled spaces: these are spaces that cause even more confusion bringing greater barriers for the subject. This is more pronounced with the doors that do not show differences between them because they are all the same in appearance and are not known in the status or function, but logic itself says that they should not be the same. He is faced with closed and unlabeled doors every time he leaves the room, and whenever he is told to go somewhere, he is confused by unguarded places, i.e. “The hall was long and gloomy. The doors appeared in dozens, high and with no numbers”. [6, p. 9]

4. Meaning and Function

All of these forms and types of literary spaces in this novel, as said above have, have one meaning as they are used for one purpose only. The meaning and function of this literary work is used in service of the basic idea of the novel. These unrecognized, unlabeled, banned, distant, obscure, unattended, and closed spaces convey the message of individual's strict limits. The individual is in service of the State as a center piece, where they convey the idea of the tyrannical, the invincible, the fearsome, and mysterious State, being in control of it with a hand that is strong, torturing, and a dominant one that commands them all. This space portrays such subjects where the tyrant can once reward, and then punish them. This is about the palace as a weapon of power where you stand up, and then fall. All of these spaces are a major obstacle for any subjects that attempt to work in it; they are spaces portrayed as obstacles for every individual inside or outside of the palace. Furthermore, the subject in question turns into a phantom that cannot act according to his own wishes within the novel. He works in a space that makes him feel dreadful due to the object's sights. From the position of the subject in these spaces we understand the institution, the state. The subject reveals the dark side of an imperial and totalitarian power where the individual's right to freedom, to dream or act, is violated, not only one's rights who are out of their power, but rather the rights of those who are part of their service.

This novel is built on the basis of analogy, pointing to the power of the Ottoman Empire. Thanks to the linguistic and spatial traces (infrastructure and architecture of the palace corresponding to those of the city center of Tirana and the Ministry of Interior, [6, p. 201 – 231] which the author purposely keeps in text, this analogy addresses the totalitarian communist regime in Albania. Through the empire explanation we come to the true story, that of the totalitarian power as intended by the author. This analogy shows that this novel is unique and universal at the same time, since this work corresponds with many totalitarian powers in the world. These mysterious spaces of governmental institutions exercising unlimited power over individuals, describe spaces of totalitarian powers around the world which existed throughout the history of mankind. In this novel, power is the one that uses space against the subject, for his/her purposes, such as: for control, domination, abuse of power, and violence in all respects. As a result, the subject in this book is submissive, weak, obstructed, imprisoned and has no freedom, and where even his dreams are crushed. The subject thinks that he has a program where he targets a valuable object; as a matter of fact, he aims at freedom of action, but he never achieves this goal because he is used and consumed by the spaces described in the novel. Therefore, this literary space has been used to show punishment, lack of freedom, persecution of individuals to their smallest details, taking those details away and leaving Mark with nothing. In other words, the totalitarian regime rules with its space, which space is also totalitarian, dominant and violent. The space has precisely the same function just like the totalitarian power to which it belongs.

Брахадж М.
Литературное пространство в романе Исмаила Кадаре:
Дворец Снов (Один семиотический подход)
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 6–16.

Brahaj M.
Literary space in the novel of Ismail Kadare: The
palace of dreams (One semiotic approach)
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 6–16.

5. Conclusion

Space is an essential element of literary work where by observing space with this method, this study highlights the symbolic function of space and its possible ways and forms that literary space may have in function of one or more ideas of the work. This study also observed how space can take roles which depend on the narrative program that the subject has, and whether the forms of space are in his favor or not. In the reviewed novel, we saw that literary spaces in the text and the place where the events took place were totally against the character. There were more unknown, distant, dark and unnamed areas which brought Mark Alemi to complete failure and personal collapse.

This study observes how space of literary work designed for the subject(s) acting in it can greatly affect the achievement of its overall perfection. The symbolism of space goes along with the conceptual-sense construction of the whole work as it affects the formation of its narrative and its narrative path. Furthermore, space with its forms and extension are viewed as separate text that produce and transmit meaning. Such meaning suggests ideas and builds sub-textual messages. The construction based on space and other elements in this novel makes one understand that this literary work was built on the basis of analogy and symbolic parables. In conclusion, this novel is the war of power against individuals, an attempt for power hungry leaders to cause complete destruction over an individual leading all the way to his/her mysterious extermination.

References

1. Dado, F. *Teoria e veprës letrare*, Shblu, Tiranë, 2003.
2. Greimas, A. J., J. Courtés. *SÉMIOTIQUE, Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*, Hachette, France, 1979.
3. Greimas, A. J. *Structural semantics: An attempt at a method*, University of Nebraska Press, USA, 2008.
4. Greimas, A. J. *Maupassant, sémiotique du texte: exercices pratiques*, Sueil, Paris, trad. it. Maupassant. *Esercizi del testo*, a cura di G. Marrone, Centro scientifico editore, Torino, 1995.
5. Genette, G. *Figures III*, aux Éditions du Seuil, Paris, 1972.
6. Kadare, I. *Pallati i ëndrrave*, Onufri, Tiranë, 1999.
7. Kadare, I. *The palace of dreams*, Vintage Classics, London, 2008.
8. Lotman, Juri M. *Universe of the Mind, A semiotic Theory of Culture*, translated by Ann Shukman, Introduction by Umberto Eko, Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis, Great Britain, 1990.
9. Louis, H. *Tools for Text and Image Analysis: An Introduction to Applied Semiotics* [Electronic resource] The publication is official. - Montreal, Canada, 2018. - URL: <http://www.signosemio.com/documents/Louis-Hebert-Tools-for-Texts-and-Images.pdf> (reference date: 08/07/2018). 49 – 50.
10. Louis, H. *The Actantial Model* [Electronic resource] // Signo's Website, 2006. URL: <http://www.signosemio.com/greimas/actantial-model.asp> (reference date: no date).
11. <http://www.signosemio.com/greimas/actantial-model.asp> (reference date: no date).
12. Marrone, G. *Corpi sociali: processi comunicativi e semiotica del testo*, Einaudi, Torino, 2001.
13. Marrone, G., 2000. *L'efficacia simbolica dello spazio* [Electronic resource] // libero.it, 2000, 6 – 8 ottobre. URL: https://digilander.libero.it/marrone/pdf_testi/2_efficacia_dello_spazio.pdf (reference date: 6 – 8 / 10/ 2000).
14. Propp, V. *Morphology of folktale*, University of Texas Press, Austin, 2009.
15. Wellek, R. Warren, A. *Theory of literature*, Harcourt, Brace and Company, New York, 1949.

Лев Толстой и крымскотатарская литература

Джемилева А.А.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского» (ФГАОУ «КФУ им. В.И.Вернадского»), Симферополь, Крым, Россия Ayshe66-2008@mail.ru

Одним из замечательных писателей русской литературы, к произведениям которого обращаются крымскотатарские писатели, является Лев Толстой. В настоящее время возрастает интерес к творческому наследию писателя: его произведения читают и изучают на многих языках мира. Переводы произведений Л. Толстого в крымскотатарской литературе, как и в других национальных литературах, актуализировались в 1930-х гг. XX века. В числе талантливых переводчиков произведений Л. Толстого на крымскотатарский язык следует назвать Умера Ипчи. Писатель переводит на родной язык «Аджи Мурат» («Хаджи Мурат») и «Казаклар» («Казак»). Особую ценность для крымскотатарского читателя представляют переводы повести «Хаджи-Мурат», осуществлённые крымскотатарским деятелем Абдуллой Лятиф-заде. Классик крымскотатарской литературы Эшреф Шемьи-заде перевёл на родной язык произведения Толстого «Хаджи Мурат», «Казак» и «Севастопольские рассказы».

Ключевые слова: крымскотатарская литература, Лев Толстой, «Хаджи Мурат», перевод, крымскотатарский язык.

Для цитаты:

Джемилева А.А. Лев Толстой и крымскотатарская литература [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Dzhemileva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060102 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dzhemileva A.A. Lev Tolstoy and crimean tatar literature [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Dzhemileva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060102 (Accessed dd.mm.yyyy)

В настоящее время возрастает интерес к творческому наследию Л. Н. Толстого: его произведения читают и изучают на многих языках мира. Как и в других национальных литературах, переводы произведений Л. Толстого в крымскотатарской литературе актуализировались в 1930-х гг. XX века. Именно тогда в азербайджанской, башкирской, татарской, казахской и др. литературах появились первые переводы.

Одним из великих писателей русской литературы, к произведениям которого обращаются крымскотатарские писатели, является Лев Толстой. В национальном литературоведении вопросы исследования перевода произведений Л. Толстого являются неизученными, вследствие чего возрастает актуальность выбранной темы.

Цель и задачи работы - осветить некоторые вопросы перевода произведений Л. Толстого в крымскотатарской литературе, представить обзор переводов писателя на родной язык.

Методика исследований: в работе использованы библиографический метод и историко-литературный.

Следует отметить, что в середине XIX и начале XX века в Крыму побывали многие замечательные писатели и поэты, в том числе А. Чехов, Л. Толстой, М. Горький. Автор интересных и необыкновенно лирических «Крымских очерков» С. Елпатьевский пишет: « На моих глазах в Ялте и

вообще в Крыму, побывали, кажется, все заметные тогда люди литературы... Многие из писателей вначале фыркали и бранили Крым за камни и скалы..., но обыкновенно кончали тем, что покорялись Крыму, приезжали и второй, и третий раз, и подолгу заживались» [1; 123]. Сам Елпатьевский очень любил Крым и с большим увлечением писал о нём: "Крым - узорчатый, расписной, как старые турецкие шали, как персидский ковёр. Там нет двух кусочков земли, двух гор, двух долин, похожих друг на друга, как похожи лесные чащи, степные дали. У каждой крымской долины свои ветры, своя солнечность, своя влажность и сухость, свои краски, свои запахи, свои звуки... свой климат, своя почва, своя растительность [2; 113].

Исследователи отмечают, что Л.Н. Толстой был в Крыму трижды: первый раз во время севастопольской обороны 1854-1855 годов; второй — в марте 1885 г. и третий — последний — в 1901 — 1902 годах. В действующую армию подпоручика Толстого перевели после его настойчивых требований. Сюда, в сражающийся Севастополь, он стремился «больше всего из патриотизма», как рассказывал позднее брату [3; 50]. В общей сложности писатель прожил на полуострове почти два года. Толстой писал в Гаспре повесть «Хаджи-Мурат» [4]. Здесь его посещают Чехов и Горький. А.П. Чехов в письме М. Горькому писал о Толстом: «Ему Крым нравится ужасно, возбуждает в нем радость, чисто детскую». Некоторые крымские впечатления того времени Толстой перенёс затем в свои произведения. Осматривая однажды Воронцовский дворец, писатель с вниманием вглядывался в портреты, развешанные на стене; спутникам он рассказывал подробности из жизни изображённых вельмож. Живое одухотворённое описание этой живописи можно найти в «Хаджи-Мурате» [3; 58].

Творчество Л.Н.Толстого — школа художественного мастерства для писателей. Яркий интерес к наследию Толстого проявляли крымскотатарские писатели. Они учились у русского писателя широте охвата жизни, мастерству психологического анализа, высокому художественному совершенству, необычайному гуманизму. Одним из первых переводчиков произведений Л. Толстого на крымскотатарский язык по праву следует считать Мидата Рефатова. М. Рефатов оставил яркий след в истории крымскотатарской культуры, был одним из передовых и известных людей своего времени, сочетающим в себе качества успешного политика и способности литературоведа. Исследователи пишут о том, что примерно в 1912-18 гг. он перевёл произведение Л. Толстого «Война и мир» («Дженк ве барышыкълык») [5; 26]. Не лишены оснований данные о том, что М. Рефатов перевел на крымскотатарский язык роман «Анна Каренина» и пьесу «Живой труп» Л.Н. Толстого.

В период становления и развития крымскотатарской художественной прозы в 20-30 годах XX века в числе талантливых переводчиков произведений Л. Толстого на крымскотатарский язык необходимо отметить известного писателя Умера Ипчи. И. Керимов пишет о том, что 139 номер газеты «Новый мир» («Еньи дюнъя», 1936 с., июнь 18), выходящей в Крыму в 1920-30 гг., посвящён юбилею писателя. Наряду с собственными произведениями прилагается список произведений, в которых У. Ипчи выступает как переводчик. Писатель даёт вторую жизнь произведениям Гоголя, Горького, Крылова, Некрасова и др. В их числе - повесть Л. Толстого «Казачьи» («Казаклер»). В газете «Яш кьувет» («Молодая сила») за 1937 г. помещена статья, посвящённая анализу перевода писателем «Казачьи» (март 12, «Казаклер»нинь терджимеси) [5; 136]. В 1939 г. в Крыму была издана повесть Л. Толстого «Казачьи» («Казаклер») в переводе У. Ипчи, редактор перевода Эшреф Шемьязеде. Тираж книги составлял 2000 экз.

«Хаджи-Мурат» принято считать самым крупным и значительным произведением Толстого 1900-х гг. Повесть - одно из лучших и любимых произведений писателя, вызвала глубокий интерес у крымскотатарских просветителей. Повесть опирается преимущественно на дагестанский фольклорный и этнографический материал. Фольклор в повести использовался писателем как одно из средств создания и раскрытия образов горцев, развития сюжета и формирования композиции. В «Хаджи-Мурате» Толстой достиг совершенства в обращении с фольклорно-этнографическим материалом, необычно синтезируя фольклор и литературу. Фольклор в повести органически сливается с творческим замыслом автора, преломляясь в необыкновенно интересное литературное произведение. Живой интерес проявляет к творчеству классика Умер Ипчи. Перу писателя принадлежит переводы на родной язык повести «Аджи Мурат» («Хаджи Мурат») (1930 г.) и «Казаклар» («Казачьи»).

Замечательный поэт и теоретик крымскотатарской литературы Абдулла Лятиф-заде придавал творчеству Л. Толстого особое значение. Большую ценность для читателя представляют переводы повести «Хаджи-Мурат», которая издавалась в Крыму несколько раз. В 1931 и в 1938 г. произведение было издано латинской графикой тиражом в 2000 и 500 экз. В 1939 году книга «Аджи-Мурат» («Хаджи-Мурат») была выпущена на кириллице. Глубоко почитал русскую литературу и, в частности, творчество Л. Толстого, классик крымскотатарской литературы XX века Эшреф Шемьи-заде. Писатель внёс вклад в дело изучения произведений Л. Толстого на родном языке, представив читателю свой вариант перевода «Севастопольских рассказов». Переводы произведений Л. Толстого печатались и в литературном журнале «Эдебият ве культура» («Литература и искусство»), издававшегося в Крыму в 1930-е гг. В числе переводчиков произведений Л. Толстого следует назвать и известного поэта 30-х гг. XX века Ыргата Кадыра. Он перевёл на родной язык произведения «Хаджи Мурат», «Казаклы» и «Севастопольские рассказы», которые заслуживают пристального внимания исследователей.

Примечательно, что тексты о великом писателе на родном языке находим в учебниках по литературе довоенного времени. Так, в «Книге для чтения за 7 кл.» («Окъув китабы». Тертип эткен Н. Эмиров. Кърым АССР Девлет нешрияты, 1939) помещены отрывки из произведений Л. Толстого «После бала» («Балдан сонъ»), «Казаклы» («Казаклар»), «Война и мир» («Дженк ве Акълаш»). Важное место в учебнике по литературе за 8 и 9 классы (Эдебият дерсилиги. Орта мектепнинъ 8-нджи ве 9-нджи сыныфлары ичюн. Кърым АССР Девлет нешрияты, 1940. - 210 с.) занимают рассказы о жизни и деятельности писателя, о его гражданской позиции: Омрю ве чалышувы (Жизнь и деятельность); Балалыгы ве яшлыгы (Детство и отрочество); Тыш мемлекетлерге сеят (Путешествия в другие страны); Толстой - помещик; Толстойнынъ озь сыныфынен мунасебетининъ композициясы (Классовые отношения Л. Толстого); Толстойнынъ патриархат койлюлик позициясына кечмеси (Переход Толстого в позицию сельского патриархата) и др. Включение в учебники по крымскотатарской литературе переводов рассказов Л.Н. Толстого свидетельствует о том, что писатели-просветители еще в конце 1930-40-х гг. прошлого столетия сумели оценить важность содержания, народность, воспитательное значение его произведений малой формы. Короткие, но необыкновенно яркие и выразительные рассказы Л. Толстого «Смерть дерева» («Терекнинъ олюми») и «Летний дождь» («Яз ягъмуры») нашли место в учебнике по литературе за 6 класс (Эдебият. Там олмагъан орта ве орта мектепленнинъ 6-джи сыныфлары ичюн. Тертип эткенлер М. Сулейман, Э. Шемьи-заде. - Симферополь, Къырымдевнешр, 1940).

Среди других переводов произведений Л. Толстого отметим «Ягоды» - «Тав емишлери» преположительно в переводе Аблякима Ильмия (Симферополь, Къырымдевнешр, 1930. - 24 с.), «Тихон и Маланья». (Симферополь, Къырымдевнешр, 1930. - 32 с.), «Три медведя» - «Учь аюв» (Симферополь, Къырымдевнешр, 1937. - 10 с.). Кроме того, в 1941 г. в переводе Ибраима Акманайлы были изданы «Айванлар акъкъында икяелер» («Рассказы о животных») тиражом 3000 экз. Из более поздних переводов назовём перевод современного прозаика И. Паши рассказа Л. Толстого «Охота пуще неволи» - «Эсареттен бетер авджылыкъ. (Авджынынъ икяеси)», который помещён в книге «Къафиф рузгяр эскенде». Икяелер ве повесть. (Ташкент, Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1989. - 143 с.).

Таким образом, в работе сделана попытка осветить вопросы перевода произведений Л. Толстого в крымскотатарской литературе. Представленный обзор переводов писателя на родной язык свидетельствует о том, что творчество Л. Толстого близко и понятно крымскотатарским писателям. Обращение к переводам произведений Л. Толстого было вызвано стремлением творчески освоить художественный опыт русской литературы, постичь метод и стиль писателя.

Литература

1. Елпатьевский С. "Крымские очерки". Год 1913. Феодосия: Издат. дом Коктебель (биб-ка альманаха «Крымский альбом». Вып. 4) 1998. - 144 с.

2. Печаткина Г.А. Лики Тавриды. Очерки. Воспоминания. Эссе. - Симферополь, Бизнес - Информ, 2003. - 208 с.
3. Дегтярёв П.А., Р.М. Вуль. У литературной карты Крыма. Изд-во Крым, Симферополь. - 1965. - 400 с.
4. Макаров. М. Здесь жил Л. Н. Толстой. — «Курортная газета» (Ялта), 1959, 25 февраля. О пребывании Толстого в 1901—1902 гг. в Гаспре. Макаров М. Н. Ялта. Историко - краеведческий очерк / М. Н. Макаров. - Симферополь : Крымиздат, 1956. - 211 с.
5. Керимов Исмаил. Теренлик. Эдебий-библиографик очерк. - Т.: Эдебият ве санъат неширяты, 1988. - 114 б.

Lev Tolstoy and Crimean Tatar literature

Dzhemileva A.A.,

candidate of philological sciences, senior lecturer of the Department of Crimean Tatar Philology, faculty of Crimean Tatar and Oriental Philology, Taurida Academy, Crimean Federal University of V. I. Vernadsky" (FGAOU "KFU of V. I. Vernadsky"), Simferopol, Crimea, Russia Ayshe66-2008@mail.ru

One of the great writers of Russian literature, whose works are addressed by Crimean Tatar writers, is Leo Tolstoy. At present, interest in the creative heritage of the writer is growing: his works are read and studied in many languages of the world. Translations of works by L. Tolstoy in the Crimean Tatar literature, as in other national literatures, were updated in the 1930s. Twentieth century. Among the talented translators of works of L. Tolstoy into the Crimean Tatar language should be called Umer Ipchi. The writer translates into his native language "Aji Murat" ("Hadji Murat") and "Kazaklar" ("Cossacks"), which will soon be published as a separate book. Of particular value for the Crimean Tatar reader are the translations of the story "Hadji Murat", made by the Crimean Tatar leader Abdullah Latif-zade. The classic of the Crimean Tatar literature Eshref Shemii-Zadeh also contributed to the study of the works of L. Tolstoy in his native language. He translated into his native language the works of Tolstoy "Hadji Murat", "Cossacks" and "Sevastopol Stories".

Keywords: Crimean Tatar literature, Leo Tolstoy, "Hadji Murat", translation, Crimean Tatar language.

References

1. Elpat'evskij S. "Krymskie ocherki». God 1913. Feodosiya: Izdat. dom Koktebel' (bib-ka al'manaha «Krymskij al'bom». Vyp. 4) 1998. - 144 s.
2. Pechatkina G.A. Liki Tavridy. Oчерki. Vospominaniya. EHSse. - Simferopol', Biznes - Inform, 2003. - 208 s.
3. Degtyaryov P.A., R.M. Vul'. U literaturnoj karty Kryma. Izd-vo Krym, Simferopol'. - 1965. - 400 s.
4. Makarov. M. Zdes' zhil L. N. Tolstoj. — «Kurortnaya gazeta» (YAlta), 1959, 25 fevralya. O prebyvanii Tolstogo v 1901—1902 gg. v Gaspre. Makarov M. N. YAlta. Istoriko -kraevedcheskij oчерk / M. N. Makarov. - Simferopol' : Krymizdat, 1956. - 211 s.
5. Kerimov Ismail. Terenlik. EHdebij-bibliografik oчерk. - T.: EHdebiyat ve san"at neshriyaty, 1988. - 114 b.

Литературно-художественный процесс на страницах «Алем-и субьян» («Детский мир»)

Меметова Л.А.,

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Крымский инженерно-педагогический университет, Научно-исследовательский институт крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Республика Крым, Lily-qirim@ukr.net

В последние десятилетия в отечественной научной среде активизировался интерес к крымскотатарским периодическим изданиям конца XIX – первой половины XX века, как к хроникам, запечатлевшим литературный фон довоенного периода. Современные исследования в этой области – результат консолидации научных сил по восполнению лакун в историографии крымскотатарской филологической мысли. Цель статьи – обзор и анализ литературно-художественного процесса на страницах первого специализированного периодического издания для детей на крымскотатарском языке – журнала «Алем-и субьян» («Детский мир»). В работе исследуются оригинальные и переводные художественные произведения, опубликованные в различных номерах издания, осуществляется атрибуция отдельных сочинений, определяется роль «Алем-и субьян» («Детский мир»), служившего платформой для презентации творчества художников слова, в развитии крымскотатарской детской литературы, и в целом в эволюции крымскотатарской эстетической мысли начала XX века. Реализованное исследование способствует формированию новых знаний в истории крымскотатарской литературы и в развитии этнической журналистики.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, произведения для детей, начало XX века.

Для цитаты:

Меметова Л.А. Литературно-художественный процесс на страницах «Алем-и субьян» («Детский мир») [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Memetova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060103 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Memetova L.A. Literary and artistic process on the pages of "Alem-i Subyan" ("Children's World") [Elektronnyy resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Memetova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060103 (Accessed dd.mm.yyyy)

Вторая половина XIX столетия ознаменовалась своеобразной активизацией общественного сознания и стала точкой отсчета новой эпохи в истории развития и культурного возрождения крымских татар. В этот период начинают издаваться различные словари, учебники, учебные пособия и предоставляются народному служению.

С началом активной общественной деятельности мыслителя, публициста, реформатора Исмаила Гаспринского и его единомышленников зарождается крымскотатарская периодическая печать. Результатом многократных целенаправленных попыток И. Гаспринского создать национальное периодическое издание является газета «Терджиман-Переводчик», первый номер которой вышел в апреле 1883 года. В последующем в типографии «Терджиман» издается различная печатная продукция – книги, брошюры, берут истоки специализированные издания – «Алем-и нисван» («Женский мир»), «Алем-и субьян» («Детский мир»), «Ха-ха-ха» («Ха-ха-ха») и другие.

В ряде периодических изданий, выходявших приложением к «Переводчик-Терджиман» отдельное интерес вызывает журнал «Алем-и субьян» («Детский мир»). Обращение нашего внимания к данному изданию вызвано его малоизученностью, отсутствием научных изысканий на предмет литературной направленности журнала. Изучение издания «Алем-и субьян» («Детский мир») является необходимым условием в формировании объективных знаний о крымскотатарской детской письменной литературе, в целом о литературном процессе начала XX века, об истории национальной периодической печати.

«Алем-и субьян» («Детский мир») было первым специализированным периодическим изданием для детей на крымскотатарском языке. Оно издавалось на арабской графике, используемой крымскими татарами до 1928 г. [2, с. 129].

Сегодня существуют различные мнения относительно хронологических рамок журнала «Алем-и субьян» («Детский мир»). Ряд авторов (Х. Кырымлы, И. Керим) обозначают началом издания 1906 год. «Алем-и субьян» («Детский мир») впервые был представлен читателю в марте 1906 года и издавался с перерывами до 1915 года» [10, с. 30], – пишет Х. Кырымлы.

В различных интернет источниках также можно встретить информацию о том, что издание начало издаваться с 1906 года и продолжало выходить до 1912, 1914, 1915 гг .

В трудах В. Ганкевича, Н. Яблоновской, Я. Акпынара начало издания относится к 1910 году [1, с.136; 3, с. 56; 5, с. 454], что на наш взгляд наиболее достоверно, так как аналогичную дату указывает и сам редактор в «Терджиман»е за 1910 год 22 октября. Он обращает внимание читателя на то, что к газете еженедельно будут прилагаться приложения: одну неделю «Алем-и нисван» («Женский мир»), другую неделю «Мектеб-и субьян» («Школьный мир») [9, с.1],

Подобное начинание Исмаила Гаспринского не остается не замеченным французским современником «Терджиман»а «Revue du monde musulman» («Взгляд на мусульманский мир»). В журнале говорится о том, что с 8 (21) октября 1910 года приложением к «Терджиман»у выходит новое издание – «Мектеб-и субьян» («Школьный мир») с периодичностью раз в две недели и будет чередоваться с «Алем-и нисван» («Женский мир») [11, с. 459].

Исследователь печатанных трудов И. Гаспринского ученый Я. Акпынар утверждает, что «Алем-и субьян» («Детский мир») является продолжением «Мектеб-и субьян»а («Школьный мир»), впервые вышедшего в свет 9 (22) октября под номером 41, аналогичным с номером «Терджиман»а. Последующим был номер 43. Начиная с 45 номера, название приложения изменяется на «Алем-и субьян» («Детский мир»), однако никаких комментариев со стороны редакции по данному вопросу не дается [5, с. 455].

На сегодняшний день располагаемые номера за 1910, 1911, 1912 годы дают основание полагать, что «Алем-и субьян» («Детский мир») начал издаваться с 1910 года.

Говоря о структурных особенностях приложения, необходимо отметить, что каждый номер состоял из двух листов, четырех страниц форматом А 4.

На первой странице каждого номера посередине указывалось наименование издания арабской графикой «Алем-и субьян» приложение к «Терджиман»у и кириллической – «ДЕТСКИЙ-МИРЪ» Прибав. к Терджиману». С правой стороны полосы указывался год и номер издания. С левой стороны шла надпись: «Две страницы данного приложения предназначены для детей, остальные две для школьного обучения и учителей» [4, с. 1]. На всех страницах кроме первой указывалась нумерация страниц в верхнем правом углу. Каждый номер издания соответствовал номеру «Терджиман»а.

Последующий текст располагался в трех колонках, к отдельным материалам помещались тематические иллюстрации, чертежи. Заголовки выделялись жирным шрифтом.

На первой странице размещались различные задания, письма читателей, особые обращения редактора к аудитории. Вторая и третья полосы заполнялись заметками, различными статьями, художественными произведениями, на последней странице чаще всего располагались объявления как на крымскотатарском, так и на русском языках.

Публикации в «Алем-и субьян» («Детский мир») имели общую идейно-содержательную направленность – ориентировались на повышение уровня просвещенности крымскотатарской детской аудитории, имели цель духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в

русле патриотизма, гуманизма. Перелистывая страницы журнала можно встретить публикации различного жанра и тематики, подготовленные сотрудниками издания, сочинения поэтов и писателей, письма юных читателей. Среди публикационного материала можно отметить следующие заметки и статьи информационного и дидактического характера: «Бильмек иле бильмемекнинь фаркы» («Разница в знании и не знании»), «Ялан» («Ложь»), «Вакъыт» («Время»), «Дюнъяда энъ буюк саат» («Самые большие часы в мире»), «Деньизде хем кьуруда» («В море и на суше»), «Къушларнынъ фаидеси» («Полезь птиц»), «Лондон хырсызлары» («Лондонские воры»), «Узун омюр» («Длинная жизнь»), «Къахраман чоджукъ» («Мальчик герой»), «Сербистан» («Сербия»), «Африкада насыл яшар ве насыл окъурлар?» («Как живут и обучаются в Африке?»), «Къадынлар да сайланса не олур?» («Что будет, если и женщины будут избираться?»), «Русиеде миллетлер» («Народы в России»). Данные публикации свидетельствуют о стремлении редакции издания к расширению знаний читателей о родном крае, о мире, побуждают их размышлять над различными явлениями в природе и жизни.

На страницах «Алем-и субьян» («Детский мир») публикуются как оригинальные, так и переводные произведения. Авторский состав довольно пестр – представители крымскотатарской, тюрко-мусульманской интеллигенции Российской Империи того периода, турецкие поэты и писатели, сподвижники детской и юношеской литературы. В издании мы видим как хорошо знакомые, так и совершенно неизвестные современному исследователю истории крымскотатарской литературы и периодической печати имена. Среди встречающихся авторов следует отметить И. Гаспринского, А. Ульви, А. Хильми, А. К. Максудова, Дж. Меинова, Джевада, Х. Фехми, Х. Шейхзаде, Къарт муаллима, М. Вехби, М. Эмина, О. Акъчокъракълы, С. А. бин Бекира, Т. Фикрета, У. Сами, Я. Н. Байбуртлы, Я. Бадракълы, З. Бешири, З. Бояджыеву и др. Попытка атрибуции данных имен свидетельствует о том, что география авторов представлена Идиль-Уралом, Крымом, Турцией и Туркистаном.

В личной библиотеке Исмаила Гаспринского сохранились некоторые периодические печатные издания Турции, Азербайджана, ориентированные на детскую аудиторию, что дает основание полагать о постоянном интересе издателя к развитию детской периодики братских народов.

Многие творения крымскотатарских авторов, извлеченные из страниц «Алем-и субьян» («Детский мир») являются не известными до сегодняшнего дня произведениями. К примеру, стихотворение «Ана ве Бала» («Мама и ребенок») крымскотатарского педагога, поэта, писателя конца XIX начала – XX вв. Ягъйи Наджи Байбуртлы. Произведение повествует о любви матери к своему дитя. Написано исконно тюркским метрическим слогом и является прекрасным образцом крымскотатарской детской литературы.

Посредством «Алем-и субьян» («Детский мир») читатели знакомятся с художественным миром персидской, французской, индийской, русской, турецкой и др. литератур. Выборка из «Гулистана» Саади Ширази – галерея высокохудожественных образов, советы и наставления нравственного характера. Дидактические рассказы индийской культуры – практическая человеческая мудрость. Произведения классиков русской литературы – лаконичные переводы басен И. Крылова, выполненные О. Акчокраклы, отдельные произведения из творчества И. Сурикова представленные в авторском переводе Дж. Меинова, поучительные рассказы И. Тургенева – новые горизонты для юного крымскотатарского читателя. Произведения известных турецких авторов, трудящихся на лоне детской литературы периода Танзимата (Преобразований) Тефвика Фикрета, Мехмеда Эмина, Али Ульви были образцами для подражания многим представителям тюрко-мусульманского мира. Их стихотворения помимо «Алем-и субьян» («Детский мир») публиковались и в учебниках начала XX века (Сами О. Чоджукълара аркъадаш, 1910, 1914).

Разнообразные образцы мирового словесного искусства составляли интересный контент и привлекали читательскую аудиторию, которая имела возможность на родном языке ознакомиться с художественным миром, идеями и идеалами, особенностями жизни людей в других регионах своего края и мира в целом.

Тонкий ум, накопленный годами педагогический опыт, ориентирование на толерантность в образовательной деятельности помогают редактору формировать приложение в соответствии с функциями детских периодических изданий. На страницах «Алем-и субьян» («Детский мир») публикуются пословицы, поговорки, которые и сегодня составляют кладезь народной мудрости. Например, «Хюнерсиз адам мейвасыз агъач» [6, с. 3] – «Человек без профессии как дерево, без плодов» или «Садыкъ дост акърабадан якъдыр» [6, с. 3] – «Верный друг лучше родственника» и другие. Особое внимание привлекают изречения великих мыслителей, писателей, поэтов. Например, «Чоджукъ – бир кучюк адам, адам – бир буюк чоджукъдыр» (Ламартин) [7, с. 3] – «Ребенок – маленький человек, человек – большой ребёнок» или «Фена сохбетлер гузель табиатлары бозар» (Пушкин) [8, с. 3]– «Дурные беседы портят хорошие нравы» и др. Подобные цитаты знакомили крымскотатарского читателя с философскими воззрениями мировых мыслителей.

На сегодняшний день нет точных данных о дате прекращения издания. Взгляды исследователей крымскотатарской периодической печати в этом вопросе также различны. Некоторые ученые считают, что номера за 1912 г. были последними [5, с. 454], по сведениям других исследователей «издание печаталось и после смерти И. Гаспринского и постепенно перестало выходить с 1915 г. [1, с. 161]. Надеемся, что дальнейшие изыскания в этой области прольют свет на этот и многие другие вопросы крымскотатарской культурной хроники первой половины XX столетия.

В целом в приложении публиковались сказки, рассказы, уроки, произведения дидактического характера, стихотворения, пословицы, загадки, интересные сведения о школьных изданиях, учебных пособиях рассмотренных и разрешенных Таврическим Духовным мусульманским управлением.

«Алем-и субьян» («Детский мир») был важным орудием в привлечении крымскотатарского подрастающего поколения к просвещению, образованию и воспитанию, он стал импульсом в развитии национальной литературы, детской в частности, и педагогической мысли. Журнал был общеразвивающим изданием столь необходимым крымскотатарскому социуму в начале XX века.

Анализ существующих номеров способствовал формированию знаний о структуре приложения, характере публикаций. Изучение художественных сочинений позволило дополнить существующие суждения о крымскотатарском литературно-художественном процессе второго десятилетия XX века, помогло выявить новые имена в истории крымскотатарской литературы и ранее неизвестные произведения, охарактеризовать зарождающуюся крымскотатарскую детскую письменную культуру.

Литература

1. Ганкевич Ю. В. На службе правде и просвещению / Ю. В. Ганкевич. – Симферополь: Доля, 2000. – 122 с.
2. Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде: Жизнь, судьба, эпоха / Д. П. Урсу. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2004. – 276 с.
3. Яблонувська Н. В. Этническая пресса Крыма: история и современность-Етнічна преса Криму: історія та сучасність / Н. В. Яблонувська. – Симферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2006. – 312 с.
4. *Alem-i subyan*. 1910. № 52. S. 1.
5. Akpınar Y. İsmail Gaspirali'nin Yayınladığı *Älem-i Sibyan Adlı Çocuk Dergisi* / Y. Akpınar // *Türk Halkları Edebîyatı (II) Beynälxalq Usaq Edebîyatı Kongresi materiallar*. 1. Kitap. Qafqaz Üniversitesi, 2008. S. 453-458
6. *Atalar sözü* // *Alem-i subyan*. 1911. № 23. S. 3.
7. *Hikmetli sözler*. // *Alem-i subyan*. 1911. № 23. S. 3.
8. *Hikmetli sözler. Puşkin* // *Alem-i subyan*. 1911. № 41. S. 4.

Меметова Л.А.,
Литературно-художественный процесс на страницах
«Алем-и субьян» («Детский мир»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 22–28.

Memetova L.A.
Literary and artistic process on the pages of
"Alem-i Subyan" ("Children's World")
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 22–28.

9. *İsmail. İhtar / İsmail // Terciman. 1910. №41. S. 1.*

10. *Kırımlı H. İsmail Bey Gaspıralı / H. Kırımlı. – Ankara, 2001. – 46 s.*

11. *L.B. La Presse Musulman Russie /L. B. // Revue du Monde musulman. 1910. Vol. XII, № X. P. 459.*

Literary and artistic process on the pages of "Alem-i Subyan" ("Children's World")

Memetova L.A.,

Ph.D. in Psychology, Candidate of Philological Sciences, Researcher, Crimean Engineering and Pedagogical University, Research Institute of Crimean Tatar Philology, History and Culture of the Crimean ethnic groups, Republic of Crimea Lily-qirim@ukr.net

In the recent decades, interest in the Crimean-Tatar periodicals of the late XIX and first half of the XX centuries has been intensified in the domestic scientific community, as to chronicles that have captured the literary background of the pre-war period.

The modern researches in this area are the result of the consolidation of scientific forces to fill in the gaps in the historiography of Crimean Tatar philological thought.

The purpose of the article is to review and analyze the literary and artistic process on the pages of the first specialized periodical for children in the Crimean Tatar language - the journal Alem-i Subyan ("Children's World").

The work analyzes original and translated creations published in various issues of the publication, assigns the individual works, defines the role of Alem-i Subyan ("Children's World"), which served as a platform for the presentation of the writers works' in the development of Crimean Tatar children's literature, and in general, in the evolution of the Crimean Tatar aesthetic thought early XX century.

The implemented research contributes to the formation of the new knowledge in the history of the Crimean Tatar literature and in the development of the ethnic journalism.

Keywords: Crimean Tatar literature, works for children, the beginning of the twentieth century.

References

1. Gankevich Ju. V. Na sluzhbe pravde i prosveshheniju. Ju. V. Gankevich. – Simferopol': Dolja, 2000. – 122 p.
2. Ursu D. P. Bekir Choban-zade: Zhizn', sud'ba, jepoha. D. P. Ursu. – Simferopol' : Krymuchpedgiz, 2004. – 276 p.
3. Jablonovs'ka N. V. Jetnicheskaja pressa Kryma: istorija i sovremennost'-Etnichna presa Krimu: istorija ta suchasnist'. N. V. Jablonovs'ka. – Simferopol': Krimsk'e navchal'no-pedagogichne derzhavne vidavnictvo, 2006. – 312 p.
4. Alem-i subyan. 1910. № 52. P. 1.
5. Akpınar Y. İsmail Gaspıralı'nın Yayımladığı Âlem-i Sıbyan Adlı Çocuk Dergisi. Y. Akpınar. Türk Halkları Edebiyatı (II) Beynəlxalq Uşaq Edebiyatı Konqresi materiallar. 1. Kitap. Qafqaz Üniversitesi, 2008. P. 453-458
6. Atalar sözü. Alem-i subyan. 1911. № 23. P. 3.
7. Hikmetli sözlər. Alem-i subyan. 1911. № 23. P. 3.
8. Hikmetli sözlər. Puşkin. Alem-i subyan. 1911. № 41. P. 4.
9. İsmail. İhtar. İsmail, Terciman. 1910. №41. P. 1.

Меметова Л.А.,
Литературно-художественный процесс на страницах
«Алем-и субьян» («Детский мир»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 22–28.

Memetova L.A.
Literary and artistic process on the pages of
"Alem-i Subyan" ("Children's World")
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 22–28.

10. Kırımlı H. İsmail Bey Gaspıralı. H. Kırımlı. – Ankara, 2001. – 46 p.

11. L.B. La Presse Musulman Russie. L. B. Revue du Monde musulman. 1910. Vol. XII, № H. P. 459.

Мотив возвращения как национальная идея в рамках бинарной оппозиции «изгнание – возвращение» в дискурсе крымской прозы

Караманов Р.Н.,

аспирант, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Крым temirqaya@gmail.com

В статье в рамках бинарной оппозиции Изгнание – Возвращение в дискурсе крымской прозы художественно, метафорически, концептуально раскрывается национальная идея крымских татар, питаемая несокрушимой верой и наделяемая смыслами с позиции религиозного и национального самосознания, требующего усилия воли в борьбе, в которой циклически воспроизводятся архетипы, вечные образы, бинарные оппозиции и универсалии, существующие в общечеловеческом сознании, а значит понятные человечеству в истинном смысле.

Ключевые слова: крымская проза, национальная идея, самосознание, архетип, вечные образы, бинарная оппозиция, универсалии.

Для цитаты:

Караманов Р.Н. Мотив возвращения как национальная идея в рамках бинарной оппозиции «изгнание – возвращение» в дискурсе крымской прозы [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Karamanov.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060104 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Karamanov R.N. The motive of returning, as the national idea in the context of binary opposition "exile-return" to the discourse of the crimean prose [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Karamanov.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060104 (Accessed dd.mm.yyyy)

Конец 80-х – 90-е гг. 20 века были ознаменованы беспрецедентным и уникальным как в историческом, так и гуманитарном отношении явлением – массовым возвращением крымского народа в Крым из изгнания, в котором народ принудительно удерживался с 1944 года. Именно вследствие репрессивного характера воздействия властей на крымский народ в прозе нашли выражение ряд ситуаций бинарного оппонирования с позиции как религиозного, так и национального самосознания крымских татар, с включением в свою структуру архетипов и универсалий.

В данном контексте интерес представляет проза вышеозначенного периода, которую с уверенностью можно назвать прозой «изгнания – возвращения», именно в рамках этой бинарной оппозиции рассмотрение поднятых в прозе проблем приобретает общечеловеческую значимость.

В воспоминаниях крымских прозаиков, детьми познавшими горечь преступного выселения из родного Крыма, Крым представлялся тем гармоничным миром и жизненным укладом, в котором все герои были счастливы, в то время как сущность преступных репрессий и природа их вершителей доносится ими метафорическим языком, передающим их бесчеловечность, обезчеловечивание через своеобразную механизацию, где противостояния наблюдается по линии бинарных архетипов порядок-хаос, гармония-дисгармония, рай-ад, в контексте именно разлуки с родным Крымом.

Есть еще немало сюжетов, мотивов, тем единых и сродненных по смыслам, или базовым архетипическим схемам, но разных по формам выражения и стилям творческого преображения

действительности. Одна из этих тем – это базовая тема «кьайтув»-возвращение. Уникальное явление стойкого духовно мотивированного стремления к возвращению на Родину целого народа, оформленного в национальной идее, первой ее составной задачей в условиях изгнания.

Тема изгнания усилила тенденцию к религиозной и этнической самоидентификации крымских татар по той причине, что она в силу мусульманской ментальности народа уже прочно обосновалась в его сознании в виде мощных архетипических схем, в которых именно изгнание было той формой массовых репрессий, практикуемой мушриками (язычниками), беззаконниками, преступниками в отношении монотеистов. Именно эта форма массовых репрессий в отношении крымцев и была реализована в СССР.

Айдер Осман метафорически высказался о мотиве возвращения во всенародном масштабе как движущем мотиве крымскотатарского народа: «Крымские татары с момента преступного выдворения из Крыма думают о возвращении. Скорее не было ни дня, ни часа, ни минуты, чтобы они об этом не думали. Эти мысли проникли в сердца и умы, постепенно чувство Родины превратилась в особую чувствительную точку в мозгу крымских татар. Эта точка самостоятельно работает, никогда не спит, действует, как когда татарин плачет, так и когда смеется. Теперь и детишки рождаются с такой точкой в мозгу. Чувство тоски терзает сердца...» [2; с.3].

Метафорическое выражение: «активная точка в мозгу» в отношении тоски ли, либо душевной травмы, пережитой вследствие несправедливости и преступного самоутверждения преступного режима над крымским татаринном, встречается в произведениях автора. Эта точка движет людьми с целью ликвидировать последствия той несправедливости, угнетения и потерь, пережитых во время репрессий, политики геноцида и этноцида. Этот мотив возвращения стремительно и ярко выразился в творчестве Айдера Османа. Все это отвечает стремлению к постижению национального менталитета и его составляющих (национального характера, идеи, идентичности) через глубинные архетипы, определяющие самодвижение народной жизни — наперекор навязываемым догмам. «Архетип» тогда выступает не как абстрактная величина, предмет отвлеченного теоретизирования, но как воплощение «коллективного опыта народа» [3].

В творчестве Айдера Османа движущий народный мотив возвращения – «кьайтув» наиболее явственно проявился в одноименной повести. Несомненным остаётся лейтмотив, как повести «Кьайтув» («Возвращение») [1], так и жизненного материала, лёгшего в ее основу, - это мотив возвращения, густо и насыщенно пропитавший всю художественную структуру повести. Этот мотив столь явственно проявляется и в повести трилогии «Агент» [4], «Агентнинь изинден» («По следам агента») [5] и «Агентнинь олюми» («Смерть агента») [6], хоть и облачен в метафорическую форму «активной точки в мозгу», как протестное выражение произволу и беззаконию, трагически отразившегося на судьбе героя - психически надломленного больного человека. Эта та самая точка, активно погружающая человека в параллельный образный мир, в котором он противостоит беззаконию и произволу, уже нанесшему ему психическую травму. Точка, зовущая к возвращению и восстановлению преступно разорванной целостности с Родиной и родными, близкими людьми, к ликвидации последствий беззакония и произвола. Мотив «активной точки в мозгу» впервые был применен Айдером Османом в повести «Тутушув» («Схватка»), где надломленная репрессиями уже 30-х гг. психика героя – Юсуфа Батырова аналогичным образом реагирует на трагические обстоятельства вследствие произвола и беззакония.

В трилогии «Агент», «Агентнинь изинден» («По следам агента») и «Агентнинь олюми» («Смерть агента») мотив «активной точки в мозгу» раскрывается в течение повествования в следующих аспектах:

1. В контексте раскрытия трагедии и ужаса, пережитых героем в детстве во время преступного выселения крымскотатарского народа и внутренним протестом против произвола и беззакония, реализующимся от мечт о возвращении до участия в акциях Национального движения крымских татар в Москве и задержания [4; с.191-192].

2. В тюремном заключении, после подписания Ахтемом абсурдных признательных показаний о его сотрудничестве с ЦРУ после задержания с соратником Зеври на шестой день пребывания в Москве, где через мотив «активной точки в мозгу» и ее компенсаторскую функцию ухода от ужасающей и пугающей внешней реальности во внутренний мир, где Ахтем проецирует другую реальность, исходя из потребности и внутренней справедливой установки и устремленности к ликвидации последствий ужасной несправедливости, произвола и беззакония, передается надлом психики доведенного до отчаяния от ощущения безысходности Ахтема [4; с. 198-202], [4; с. 207].

3. Айдер Осман совместил в своей повести мотив птицы с психологическим смятением от безысходности Ахтема Халилова, компенсируемым мотивом «активной точки в мозгу», точки, зовущей к возвращению и восстановлению преступно разорванной целостности с Родиной и родными, близкими людьми, к ликвидации последствий беззакония и произвола. Мотив этот раскрывается в той психологической диспропорции между процессами интериоризации и экстериоризации, когда человек замыкается от внешнего враждебного воздействия и внешних угроз из-за психологического стресса от неспособности на них повлиять. В этой атмосфере гнетущего страха от безысходности он уходит от пугающей реальности во внутренний мир воображаемой реальности, в которой у него есть задачи, сопоставимые с задачами национального героя, восстанавливающего справедливость и поправленные права народа, и вынуждающего власти признать ошибки, ликвидировать последствия геноцида и вернуть народ на родину. Айдер Осман именно передал это художественными средствами [4; с.207],[5; с.131].

Выводы. Таким образом, в крымской прозе в рамках художественного освоения действительности раскрывается следующая схема: преступный произвол или репрессивное воздействие извне непременно направлено на то, чтобы сломать человека, сделать для него преступный произвол приемлемым, вынудить принять картину мира, враждебного духовности и справедливости как неизбежную реальность, с которой он должен сжиться и смириться. Человек же по-разному реагирует на враждебную реальность, но ни в коем случае не принимает преступный произвол.

Литература

1. Айдер Осман. «Къайтув». Икяе. // Ылдыз. – 1997. – №1. – С.101-121.
2. Айдер Осман. Языджи минбери. Умютлер девури. // Ленин байрагы. – 1989. - №125. – октябрь 24. – С.3. – Салы.
3. *Myths and Motifs in Literature*. Ed. D. J. Barrows, F. R. Lapidés, J. T. Shaweross. N. Y., 1973. P. 2.
4. Айдер Осман. Агент. Повесть. // Ылдыз. – 1993. - №5–6. – С.190-253.
5. Айдер Осман. Агентнинъ изинден. // Ылдыз. – 1994. - №2. – С.107–164.
6. Айдер Осман. Агентнинъ олюми. Повесть. Сонъу. // Ылдыз. – 1996. - №3. – С.108-135.

The motive of returning, as the national idea in the context of binary opposition “exile-return” to the discourse of the Crimean prose

Karamanov R.N.,

*graduate student, Simferopol, Crimea, V.I.Vernadsky Crimean Federal University
temirqaya@gmail.com*

In an article in the context of binary opposition “exile-return” to the discourse of the Crimean prose the national idea of the Crimean Tatars, fueled by unbreakable faith and being given with sense from the standpoint of religious and national consciousness, requiring efforts will in the fight in which archetypes, timeless images, binary oppositions and universals exist in the human mind, and hence intelligible to humanity in the true sense cyclically reproduced, is artistically, conceptually metaphorically revealed..

Keywords: Crimean prose, national idea, consciousness, archetype, timeless image, binary opposition, universals.

References

1. Ajder Osman. “Qajtuv”. *Ikaje*. // *Jyldyz*. – 1997. - №1. – P.101-121.
2. Ajder Osman. *Umjutler deviri*. // *Lenin bajragy*. – 1989. - №125. – oktyabr 24. – P.3.
3. *Myths and Motifs in Literature*. Ed. D. J. Barrows, F. R. Lapidés, J. T. Showeross. N. Y., 1973. – P. 2.
4. Ajder Osman. *Agent. Povest*. // *Jyldyz*. – 1993. - №5-6. – P.190-253.
5. Ajder Osman. *Agentnin izinden*. // *Jyldyz*. – 1994. - №2. – P.107-164.
6. Ajder Osman. *Agentnin oljumu*. // *Jyldyz*. – 1996. - №2. – P.108-135.

Виды и выражение обстоятельств образа действия, использованных в романе Ю. Болата «Саф юреклер»

Фетиева Э.О.,

старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии, факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия, elfeos009@mail.ru

В статье рассматриваются обстоятельства образа действия, составляющие структуру предложений в романе Ю. Болата «Саф юреклер». Выявлены семантические виды обстоятельств образа действия, анализированы способы их выражения, с учётом грамматических признаков и синтаксических отношений. В крымскотатарском языке обстоятельства образа действия выражаются наречиями, деепричастиями, деепричастными оборотами, абстрактными существительными, словосочетаниями и дают внутреннюю характеристику действия, квалифицируют процесс и тем самым отличаются от обстоятельств места и времени, которые в свою очередь характеризуют обстановку при которой протекает событие, дающее его пространственно - временную характеристику.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, синтаксис, предложение, семантика, обстоятельство образа действия.

Для цитаты:

Фетиева Э.О. Виды и выражение обстоятельств образа действия, использованных в романе Ю. Болата «Саф юреклер» [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Fetieva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060105 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Fetieva E.O. The types and expression of the circumstances of the course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf Yurekler" [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Fetieva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060105 (Accessed dd.mm.yyyy)

Каждый член предложения имеет свои семантические виды и свой способ выражения. В синтаксисе крымскотатарского языка обстоятельства делятся на следующие виды: обстоятельство места, обстоятельство времени, обстоятельство причины, обстоятельство цели, обстоятельство образа действия, обстоятельство меры и степени. В предложениях крымскотатарского языка обстоятельство образа действия связано с глаголом- сказуемым грамматически и семантически, поэтому синтаксическая связь между обстоятельством образа действия и сказуемым тесная. С точки зрения семантического подхода к анализу компонентов, составляющих структуру крымскотатарских предложений обстоятельства образа действия не анализировались, их грамматические и семантические признаки представляют интерес. Возникает необходимость охарактеризовать их семантику, грамматические признаки и способы выражения. Из этого следует актуальность данной работы.

Изучению синтаксиса и семантики предложений посвящен ряд работ таких ученых как А.С.Сафаев[7], М.В.Никитин[5], К.З.Ахмеров[3], И.Х.Ахматов[2], М.З.Закиев [4], Л.С.Оказ[6] и других.

Объектом нашей работы являются предложения крымскотатарского языка, выбранные из романа Ю.Болата «Саф юреклер».

Целью работы является описание и анализ грамматических, семантических признаков и особенностей обстоятельств образа действия в предложениях крымскотатарского языка.

Обстоятельства образа действия, как и другие синтаксические категории, состоят из единства грамматической формы и грамматического смысла. «Формально-семантический подход к языку показывает, что во многих случаях второстепенные члены с точки зрения семантической устроенности предложения являются такими же необходимыми компонентами, как подлежащее и сказуемое»[2,с.40] В предложениях крымскотатарского языка обстоятельства образа действия обозначают, как и каким образом выполнено действие, и выражаются наречиями, деепричастиями, числительными, абстрактными существительными.

Следует разграничивать обстоятельство образа действия, выраженное существительным от дополнения, так как обстоятельство обозначает внутренний признак действия, тогда как дополнение - предмет, который участвует в действии. Обстоятельство не характеризуется предметностью содержания, в отличие от дополнения.

Севги асретликнен сыналыр. (Любовь испытывается в тоске.)

Существительное с послелогом -нен асретликнен утрачивает соотнесенность с предметным значением и тем самым является обстоятельством образа действия, тесно связываясь с глаголом-сказуемым.

В крымскотатарском языке обстоятельства образа действия связаны с глаголом-сказуемым примыканием, некоторые из них находятся рядом с ним в препозиции и могут состоять из одного и более слов, подразделяясь на простые и сложные.

Соньки вакытларда онынъ табиятына яваш-яваш алышам.[8,с.90]

(В последнее время потихоньку привыкаю к его характеру.)

Обстоятельство образа действия яваш-яваш,выраженное наречием из двух повторяющихся слов в крымскотатарском языке является устойчивым.

В синтаксической структуре крымскотатарского предложения каждый член имеет свое определенное место, и, чтобы предложение было достаточно распространенным в информативном плане, необходимо включать в его синтаксическую конструкцию обстоятельственные компоненты, такие как обстоятельства образа действия, которые распространяют и дополняют смысл предложения. Синтаксическая и смысловая связь между членами предложения отражает отношения между компонентами и их взаимосвязанность друг с другом. В семантико-синтаксической структуре крымскотатарского предложения обстоятельство образа действия конкретизирует метод совершения действия и качество состояния.

С учетом грамматических и семантических признаков мы выделили некоторые виды обстоятельств образа действия в предложениях крымскотатарского языка.

Обстоятельства образа действия обозначающие усиленность или слабость действия, выражающиеся наречиями, деепричастиями, существительными с послелогом -нен, словосочетаниями:

Зарифе енге агъыз ачмады ве башыны салландырып, яваштан кабинеттен чыкъты.[8,с.231]
(Зарифе-енге ничего не сказала и, повесив голову, потихоньку вышла из кабинета.)

О, зорнен кулюмсиреди, озюне къачамакъ арады.[8,с.53] (Он с трудом улыбнулся и стал искать себе убежище.)

Яшлар тыныш олмадан, къызгынлыкънен чалыштылар.[8,с.55] (Молодежь работала с горячностью, не переставая.)

Вызнен айлангъан роторнынъ арекети яваш-яваш сакинлешип, бир къач саниеден токътап къалды.[8,с.55] (Через несколько секунд движение крутящегося со скоростью ротора, потихоньку замедлившись, остановилось.)

Терекнинь янашасындан салмакълап, балтаны бутюн кучюнен ашагъы эндири.[8,с.201]
(Наклонив дерево, со всей силой опустил топор.)

Обстоятельства образа действия, обозначающие повторность, многократность действия:

Уста бу худжур телеграмманы текрар-текрар окъуса да, ондан ич бир шей анълап оламады.[8,с.148] (Даже если мастер снова и снова читал эту странную телеграмму, все равно ничего в ней не понял.)

О, кене балтагъа узанды, оны кене башы устуне котерди.[8,с.201] (Он опять потянулся к топору, опять поднял его над головой.)

Обстоятельства образа действия, обозначающие неожиданность действия:

Бугунь саба апансыздан къыбла ели котерильди.[8,с.154] (Сегодня утром неожиданно поднялся южный ветер.)

Обстоятельства образа действия, обозначающие сравнение, где действие сопоставляется с уподоблением, выражаются существительным с послелогом киби, наречием.

Бу сезлер Айшенинь юрегинде атеш киби тюштилер.[8,с.241] (Эти слова, как огонь, вошли в сердце Айше.)

Чырайы кягъыт киби агъарды.[8,с.152] (Его лицо побелело, как бумага.)

Сабир Мухамедович аякъкъа турып, достчасына Сервернинь элини сыкъты.[8,с.22] (Сабир Мухамедович, встав, по-дружески пожал руку Сервера.)

Зинаида Федоровна балаларджасына къуванды.[8,с.149] (Зинаида Федоровна по-детски обрадовалась.)

Обстоятельство образа действия, обозначающее состояние субъекта:

Яшларнынъ эеджанланып-иркилип къалувлары директорны джан-юректнен джоштырды.[8,с.161] (Волнение молодежи взбудоражило директора.)

Олар бугунь къуюны буравлап битиреджек ве шень-шерамет иштен къайтаджакълар.[8,с.156] (Они сегодня закончат бурение скважины и радостно возвратятся с работы.)

Олар сес-солукъсыз эвге кирдилер.[8,с.153] (Они бесшумно зашли домой.)

Устанынъ юреги ынджынувен сызлады.[8,с.148] (Сердце мастера заныло с огорчением.)

Олар экиси де рушенликнен кульдилер.[8,с.138] (Они оба радостно рассмеялись.)

Теклифинъизге джан-гонъюлимнен къошулам.[8,с.62] (От всей души присоединяюсь к вашему предложению.)

Адилге ве онынъ буравджыларына урьметнен бакъа башладылар.[8,с.160] (На Адила и его буровиков стали смотреть с уважением.)

Уста буюк мемнюниетнен мыйыкъларыны бурып алды.[8,с.52] (Мастер с большим удовольствием покрутил свои усы.)

Обстоятельства образа действия, обозначающие моментальность действия, выражающиеся деепричастием, наречием:

Сервер бир джаннен аякъкъа турып, телеграмманы алды,оны алель-аджеле козьден кечирди.[8,с.128] (Сервер, резко встав, взял телеграмму, наскоро просмотрел ее.)

Лякин портрет рамасына оралгъан къара шертни коререк, бирден кери чекильди.[8,с.117] (Но, увидев черную ленту окаймляющую раму портрета, отшатнулся назад.)

Обстоятельства образа действия, обозначающие способ совершения действия:

Промкин утана-утана азбаргъа кирди ве эписинен эль тутушып чыкъты.[8,с.148] (Промкин, стеснясь, зашел во двор и со всеми поздоровался.)

Сервер исе гъамлы бир давушнен девам этти.[8,с.39] (Сервер продолжил грустным голосом.)

Озюнинъ тюкенмез гъайрети ве зийрек акъылынен баштан-аякъ ишке берильди.[8,с.24] (Со своим неисчерпаемым усердием и проницательным умом с головой погрузился в работу.)

Олар чифт-чифт оларакъ, эль тутушкъан алда, йырлап-кулюшип кетмекте эдилер.[8,с.155] (Они шли парами, держась за руки, смеясь.)

Фетиева Е.О.
Виды и выражение обстоятельств образа действия,
использованных в романе Ю. Болат «Саф юреклер»
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 33–37.

Fetieva E.O.
The types and expression of the circumstances of the
course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf
Yurekler"
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 33–37.

Проанализировав предложения в романе Ю.Болат «Саф юреклер», можно сделать такие выводы: обстоятельства образа действия наполняют смысл предложения, дополняют и конкретизируют его. Учитывая грамматические и семантические признаки, мы выделили некоторые виды обстоятельств образа действия. Из них наиболее чаще употребляемые — это обстоятельства образа действия, обозначающие усиленность или слабость действия; обстоятельство образа действия, обозначающее состояние субъекта; обстоятельство образа действия обозначающее способ совершения действия.

Литература

1. Акъмоллаев Э.С.Къырымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис: Учебное пособие/Э.С.Акъмоллаев.-Ташкент: Укъытувчи, 1989.-160с.
2. Ахматов И.Х. Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках: Статьи/Предисл. М.З. Улакова и М.Б. Кетенчиева; Послесл. М.З. Закиева./И.Х. Ахматов.-Нальчик: Эльбрус, 2006.-280с. ISBN 5-7680-2087-Х
3. Ахмеров К.З. Синтаксис простого предложения в башкирском языке./ К.З.Ахмеров – Уфа: Башк.книж. изд-во, 1958
4. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка./ М.З.Закиев – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1961.-286с.
5. Никитин М.В. Основы учения о второстепенных членах предложения. Исследования по семантике. Семантический аспект синтаксиса/М.В. Никитин// Межвузовский научный сборник,-Уфа: Башк.гоу ун-т, 1985.-С102-108.
6. Оказ Л.С. Признаки основных структурных конструкторов крымскотатарского простого предложения и факторы их взаимодействия / Л.С. Оказ // Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий. Доклады международной научной конференции 22-28 сентября 2008, Украина, Крым, Парфенит, 2008.- С. 75-77.
7. Сафаев А.С. Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке /А.С.Сафаев-Ташкент: ФАН, 1977.-142с.
8. Болат. Ю. Саф юреклер-Гослитиздат УзССР-Ташкент, 1962.- 340с.

The types and expression of the circumstances of the course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf Yurekler"

Fetieva E.O.,

Senior Lecturer, Department of the Crimean Tatar Linguistics Faculty of Crimean Tatar and Oriental Philology, Taurida National Academy of the V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, elfeos009@mail.ru

In the article the circumstances of character are examined actions making the structure of suggestions in the novel of Yu.Bolat "Saf Yurekler". The semantic types of circumstances of character of action, analysis methods of their expression, are educed, taking into account grammatical signs and syntactic relations. In the крымскотатарском language of circumstance of character of action expressed by dialects, verbal adverbs, adverbial participial turns, abstract nouns, word-combinations and give internal description of action, characterize a process and it is differed the same from the circumstances of place and time, that in turn characterize a situation an event giving him spatially flows at that, - temporal description.

Keywords: crimean tatar language, syntax, suggestion, semantics, circumstance of character of action.

References

1. Ak'mollaev E.S.K'yiryimtatar tilinin' ameliyatyi.Sintaksis:Uchebnoe posobie/E.S.Ak'mollaev.- Tashkent:Uk'ituvchi,1989.-160s.
2. Ahmatov I.H. Voprosyi teorii slovosochetaniya i predlozheniya v tyurkskih yazyikah:Stati/Predisl.M.Z.Ulakova i M.B.Ketenchieva; Poslesl. M.Z.Zakieva./I.H.Ahmatov.- Nalchik:Elbrus,2006.-280s. ISBN 5-7680-2087-X
3. Ahmerov K.Z. Sintaksis prostogo predlozheniya v bashkirskom yazyike./ K.Z.Ahmerov – Ufa: Bashk.knizh. izd-vo, 1958
4. Zakiev M.Z. Sintaksicheskiy stroy tatarskogo yazyika./ M.Z.Zakiev – Kazan: Izd-vo Kazan. Un-ta, 1961.-286s.
5. Nikitin M.V. Osnovyi ucheniya o vtorostepennyih chlenah predlozheniya. Issledovaniya po semantike. Semanticheskiy aspekt sintaksisa/M.V.Nikitin// Mezhvuzovskiy nauchnyiy sbornik,- Ufa:Bashk.gou un-t,1985.-S102-108.
6. Okaz L.S. Priznaki osnovnyih strukturnyih konstruktov kryimskotatarskogo prostogo predlozheniya i faktoryi ih vzaimodeystviya / L.S. Okaz // Gorizontyi prikladnoy lingvistiki i lingvisticheskikh tehnologiy. Doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 22-28 sentyabrya 2008, Ukraina, Kryim, Partenit, 2008.- S. 75-77.
7. Safaev A.S.Semantiko-sintaksicheskoe chleneniepredlozheniya v uzbekskom yazyike /A.S.Safaev-Tashkent:FAN,1977.-142s.
8. Bolat. Yu. Saf yurekler-Goslitizdat UzSSR-Tashkent,1962.- 340s.

Образы Италии в эпистолярном наследии Достоевского¹

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, зав. кафедрой лингвистики, Московский государственный институт культуры, Москва, Россия krugh@yandex.ru

В статье представлен историко-литературный анализ опубликованных текстов писателя, содержащих свидетельства о маршруте и путевые заметки, анализ основных концептов, связанных с Италией. Для интерпретации смыслов текстов автор применяет комплексный подход с использованием филологического, философского, культурологического и религиоведческого инструментария. Эпистолярные тексты Достоевского как фактор формирования национальной ментальности исследуются с точки зрения соотношения текста и внетекстовых структур (символических представлений, мотивации, поведенческих стереотипов, социальных и культурных практик).

Ключевые слова: Достоевский, эпистолярное наследие, образы Италии, концепт «красота», genius loci, итальянский текст, интертекст.

Для цитаты:

Дергачева И.В. Образы Италии в эпистолярном наследии Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Dergacheva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060103 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V. Images of Italy in Dostoevsky's epistolary heritage [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Dergacheva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060103 (Accessed dd.mm.yyyy)

В письме Я.П. Полонскому от 31 июля 1861 г. Ф.М. Достоевский признается, как страстно он мечтает попасть в Италию, столь желанную ему с самого детства: «Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии. Еще с романов Радклиф, которые я читал еще восьми лет, разные Альфонсы, Катарини и Лючии вьелись в мою голову. А дон Педрами и доньями Кларами еще и до сих пор брежу. Потом пришел Шекспир — Верона, Ромео и Джульетта — черт знает какое было обаяние. В Италию, в Италию! А вместо Италии попал в Семипалатинск, а прежде того в Мертвый дом. Неужели ж теперь не удастся поехать по Европе, когда еще осталось и сил, и жару, и поэзии. Неужели придется ехать лет через десять согреть старые кости от ревматизма и жарить свою лысую и плешивую голову на полуденном солнце. Неужели так и умереть, не выдав ничего!» [2, т. 28, кн. 2, с. 19–21].

Достоевский побывал в Италии трижды. В 1862 году вместе с Н. Страховым он посетил Турин, Флоренцию, Милан и Венецию. Через год он вместе с возлюбленной А.П. Суловой пересек Италию с севера на юг, посетив Турин, Рим, Неаполь и Ливорно. Самым продолжительным, с сентября 1868 года по август 1869 года, стало третье пребывание писателя в Италии: Федор Михайлович с женой Анной Григорьевной по несколько месяцев жили во Флоренции и Милане, посетили Венецию и Болонью. Флоренция стала самым значимым городом для писателя в этой поездке. Во Флоренции писатель закончил работу над романом «Идиот». Анна Григорьевна считала, что флорентийская атмосфера действовала на писателя благосклонно, они вместе посещали многие

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия)

достопримечательности города. Для писателя это было время переживаний в связи со смертью М.Д. Исаевой, первой жены, смертью любимого брата, М. М. Достоевского, чьи долги он переписал на себя. Закрытие в 1965 году журнала «Эпоха» особенно осложнило материальное положение писателя, он был вынужден уехать за границу в надежде отложить долговые обязательства, которые его кредиторы пытались взыскать даже там [4].

В письмах писатель часто возвращался к своей мечте поправить материальное положение и изыскать возможности для возвращения на Родину. Так, например, в письме А.Н. Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 г. из Милана, он пишет: «В Россию воротиться — трудно и помыслить. Никаких средств. Это значит как приехать, так и попасть в долговое отделение. Но ведь я уж там не рабочий. Тюрьмы я с моей падучей, не вынесу, а стало быть, и работать в тюрьме не буду. 10 Чем же я стану уплачивать долги и чем жить буду? Если б мне дали кредиторы один спокойный год (а они мне три года ни одного спокойного месяца не давали), то я бы взялся через год уплатить им работой. Как ни значительны мои долги, но они только 76-я доля того, что я уже уплатил работой моей. Я и уехал, чтоб работать. И вот идея «Идиота» почти лопнула. Если даже и есть или будет какое-нибудь достоинство, то эффекта мало, а эффект необходим для 2-го издания, на которое я еще несколько месяцев назад слепо рассчитывал и которое могло дать некоторые деньги. ... Переехав в Россию, я бы знал чем заняться и добыть денег; я таки добывал их в свое время [2, т. 28, кн. 2, с. 321]. По мере изложения другу своей жизненной ситуации, отчаяние усиливается: «А здесь я тупею и ограничиваюсь, от России отстаю. Русского воздуха нет и людей нет. Я не понимаю, наконец, совсем русских эмигрантов. Это — сумасшедшие!» Из этого же письма мы узнаем, в какой сложной обстановке создавался один из самых знаменитых романов Достоевского – «Идиот»: «Вот в таком-то положении наши дела. Но в Милане оставаться тоже нельзя: слишком неудобно жить и слишком уж мрачно. Хотим переехать через месяц во Флоренцию, и там я кончу роман». [2, т. 28, кн. 2, с. 322].

Genius loci образов Италии постоянно присутствует в тексте писем Достоевского в качестве культурной и философской аллюзии. Достоевский развивает мысль о великом предназначении Италии как страны, призванной объединить человечество на основе стремления к идеальному образу красоты. Анализ писем писателя итальянского периода дает представление о том, как фактор места влияет на Достоевского в период его пребывания в Италии и показывает, как объективная реальность входит впоследствии в художественный текст, интерпретируется им и одновременно под его воздействием физически изменяется.

Прежде всего, для писателя Италия – это символ красоты, той красоты, которая призвана спасти мир: «Трудно измерить всю массу пользы, принесенную и до сих пор приносимую всему человечеству, например, «Илиадой» или Аполлоном Бельведерским, вещами, по-видимому, 77 совершенно в наше время ненужными. Вот, например, такой-то человек, когда-то, еще в отрочестве своем, в те дни, когда свежи и «новы все впечатленья бытия», взглянул раз на Аполлона Бельведерского, и бог неотразимо напечатлелся в душе его своим величавым и бесконечно прекрасным образом. Кажется, факт пустой: полюбовался две минуты красивой статуей и пошел прочь. Но ведь это любованье не похоже на любованье, например, изящным дамским туалетом. «Мрамор сей ведь бог», и вы, сколько ни плюйте на него, никогда у него не отнимете его божественности. Пробовали отнять, да ничего не вышло. И потому впечатление юноши, может быть, было горячее, потрясающее нервы, охлаждающее эпидерму; может быть, даже, — кто это знает! — может быть даже, при таких ощущениях высшей красоты, при этом сотрясении нерв, в человеке происходит какая-нибудь внутренняя перемена, какое-нибудь передвижение частиц, какой-нибудь гальванический ток, делающий в одно мгновенье прежнее уже не прежним, кусок обыкновенного железа магнитом» [2, т. 18, с. 77-78]. Гражданская ответственность писателя не позволяет ограничиться признанием эстетической ценности произведений искусства, ему важно подчеркнуть его воспитательную функцию: «Когда этот юноша, лет двадцать-тридцать спустя, отозвался во время какого-нибудь великого общественного события, в котором он был великим передовым деятелем, таким-то, а не таким-то образом, то, может быть, в массе причин, заставивших его поступить так, а не так, заключалось, бессознательно для него, и впечатление Аполлона Бельведерского, виденного им двадцать лет назад» [2, т. 18, с. 78].

Писатель с большой скорбью пишет о повсеместном отказе малоразвитых людей от классических ценностей: «Ныне слова «Я ничего не понимаю в Рафаэле» или «Я нарочно прочел всего Шекспира и, признаюсь, ровно ничего не нашел в нем особенного» — слова эти ныне могут быть даже приняты не только за признак глубокого ума, но даже за что-то доблестное, почти за нравственный подвиг. Да Шекспир ли один, Рафаэль ли один подвержены теперь такому суду и сомнению? Это замечание о гордых невеждах, которое я передал здесь своими словами, довольно верно. Действительно, гордость невежд началась непомерная. Люди мало развитые и тупые нисколько не стыдятся этих несчастных своих качеств, а, напротив, как-то так сделалось, что это-то им и «духу придает». [2, т. 24, с. 44].

Сам писатель использовал иногда образы Италии как некое альтернативное сказочно прекрасное пространство, в которое он погружался, чтобы забыться в нем, отделившись от суровой действительности: «Наконец, в крепости-то, увидел того же жандармского офицера, из простых, который меня привез из 3-го отделения в крепость и который до призыва меня в Комиссию караулил меня в комендантской комнате и, когда я там, смотря на висящие на стенах виды Венеции, стал ему рассказывать, что вот, мол, чудной город, лошадей нет, улиц нет, а только каналы, и кухарки за провизией или ездят на лодках, или купцы подъезжают на лодках, а к ним спускают корзины с деньгами, и они накладывают провизию... [2, т. 18, с.192]. Однако офицер не разделил восторга писателя: «смотрел на меня как на вралю, и, может быть, опасного. «Ну вот, вы меня сюда привезли, покажите теперь, как выйти» — сказал я ему. Он обрадовался как родной: «Пойдемте, пойдемте!» [2, т. 18, с. 193].

Образы таинственной Венеции, так привлекавшей многочисленных писателей в разное время и в разных странах, были особенно близки Достоевскому: «Во время своего путешествия из Москвы в Петербург, длившегося несколько дней, молодые Достоевские продолжали витать в мечтах. «Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, — рассказывает отец, — мечтали об чем-то ужасно, обо всем «прекрасном и высоком», — тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии. И сколько тогда было и ходило таких прекрасных словечек! Мы верили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали все, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и о поэтах. Брат писал стихи..., а я ...сочинял роман из венецианской жизни» [3, с. 36].

Венецианская тема продолжена писателем в предисловии к публикации «Заклучение и чудесное бегство Жака Казановы из Венецианских темниц (пломб), где Достоевский указывает, что «Личность Казановы одна из самых замечательных своего века. Казанова выражает собою всего тогдашнего человека известного сословия, со всеми тогдашними мнениями, уклонениями, верованиями, идеалами, нравственными понятиями, со всем этим особенным взглядом на жизнь, так резко отличающимся от взгляда нашего девятнадцатого столетия...бегство Казановы из венецианских пломб наделало тогда большого шума в Европе и доставило ему чрезвычайную известность. Из этих темниц бежать почти невозможно. Это рассказ о торжестве человеческой ВОЛИ над препятствиями непреодолимыми» [2, т. 19, с. 86-87]. Пребывая сам в крайне тяжелом положении, писатель с удовольствием воспринял пример победы силы воли человека над обстоятельствами.

В 1862 г., мечтая о своем первом итальянском путешествии, писатель в письме к Н. Н. Страхову пишет из Парижа: «...Что-то будет дальше, как спущусь с Альпов на равнины Италии. Ах, кабы нам вместе: увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго приласкаем молодую венецианку в гондоле (А? Николай Николаевич?)» [2, т.28, кн. 2, с. 26-28].

Удивительно, как тонко Достоевский подметил особенность эсхатологических воззрений русского человека, то, что представляется возможным назвать «эсхатологическим оптимизмом» русской аксиологии [1, с. 73] – нежелание, в отличие от представителей западноевропейской культуры, представлять смерть в ее макабрическом облике: «Когда нам говорят о смерти, когда клянутся богами ада и указывают нам на смертную секиру и падающие головы, мы слушаем с северною холодностью; нас это не трогает, не ужасает». [2, т. 19, с. 138].

Много внимания в эпистолярном и публицистическом наследии писателя уделено вопросу о католицизме и светском владычестве папы: «... мы, говоря о признаках римской политической агитации в пользу восстановления светского владычества папы, замечаемых во всей Европе,

упомянули, между прочим, о двух любопытнейших письмах... в письме папы сейчас же следуют самые удивительные слова из всех, каких можно было ожидать от главы римского католичества: «Я говорю так, — пишет папа, — потому что считаю долгом говорить истину всем, хотя бы и не католикам; ибо всякий, принявший крещение, принадлежит более или менее — я не могу изъяснять здесь в подробности почему — принадлежит, говорю, более или менее папе». Вот слова, далеко намекающие! Давно уже римское католичество не заявляло подобных мыслей и такого учения!» Достоевский с негодованием подытоживает: «Итак, все эти еретики, все эти протестанты, бунтовщики и отщепенцы, в свое время восставшие на «наместника божия» с мечом в руке и с ругательным обличением, — все эти «грешники и погибшие», которые все до единого были прокляты в свое время на всех возможных соборах, — все они теперь опять уже дети папы и, будь лишь всего только крещены, уже снова имеют право принадлежать ему — а стало быть, право на его отеческое заступничество за них перед монархами и сильными мира сего! Действительно широкий ю взгляд, ибо давно ли еретик не только не мог считаться в глазах римской церкви христианином, но даже был хуже язычника? И такие мысли возвещает сам папа, непогрешимый посредник между богом и человечеством!» [2, т. 21, с. 205]. Неудивительно, что мысль о том, что католицизм хуже язычества, писатель вкладывает в уста своего любимого героя, своеобразного пророка князя Мышкина из романа, писавшегося преимущественно и законченного во Флоренции: «Павлищев был светлый ум и христианин, истинный христианин, — произнес вдруг князь, — как же мог он подчиниться вере... нехристианской?.. Католичество — всё равно что вера нехристианская! — прибавил он вдруг, засверкав глазами и смотря пред собой, как-то вообще обводя глазами всех вместе. — Ну, это слишком, — пробормотал старичок и с удивлением поглядел на Ивана Федоровича. — Как так это, католичество вера нехристианская? — повернулся на стуле Иван Петрович. — А какая же? — Нехристианская вера, во-первых! — в чрезвычайном волнении и не в меру резко заговорил опять князь, — это во-первых, а во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение! Да! таково мое мнение! Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю 40 вас! Это мое личное и давнишнее убеждение, и оно меня самого измучило... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле, и кричит: «Non possumus!» По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем всё подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор всё так и идет, только к мечу «Не можем!» прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, всё, всё променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества! Атеизм прежде всего с них самих начался: могли ли они веровать себе сами? Он укрепился из отвращения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного! Атеизм! У нас не веруют еще только сословия исключительные, как великолепно выразился наемни Евгений Ю Павлович, корень потерявшие; а там, в Европе, уже страшные массы самого народа начинают не веровать, — прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к церкви и ко христианству! Князь остановился перевести дух. Он ужасно скоро говорил. Он был бледен и задыхался. [2, т. 8, с. 449–450]. Писатель постоянно возвращается к папскому вопросу: «Провозгласив как догмат, «что христианство на земле удержаться не может без земного владения папы», оно тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: «Всё сие отдам тебе, поклонися мне!» О, я слышал горячие возражения на эту мысль; мне возражали, что вера и образ Христов и поныне продолжают еще жить в сердцах множества католиков во всей прежней истине и во всей чистоте. Это несомненно так, но главный источник замутился и отравлен безвозвратно [2, т. 22, с. 87-91]. Достоевский приводит параллели между папой, жаждущим земной власти, и язычником Юлианом Отступником: «...Нет, тут сила; это величаво, а не смешно; это — воскрешение древней римской идеи всемирного владычества и единения, которая никогда и не умирала в римском католичестве; это Рим Юлиана

Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве. Таким образом продажа истинного Христа за царства земные совершилась... Потеряв союзников царей, католичество несомненно бросится к демосу. У него десятки тысяч соблазнительей, премудрых, ловких, сердцеведов и психологов, диалектиков и исповедников, а народ всегда и везде был прямодушен и добр. ..А папа вас не предаст, потому что над ним нет сильнейшего, и сам он первый из первых, только веруйте, да и не в бога, а только в папу и в то, что лишь он один есть царь земной, а прочие должны исчезнуть, ибо и им срок пришел. Радуйтесь же теперь и веселитесь, ибо теперь наступил рай земной, все вы станете богаты, а через богатство и праведны, потому что все ваши желания будут исполнены, и у вас будет отнята всякая причина ко злу» [2, т. 22, с. 87–91].

В «Дневнике писателя за 1877 год январь–август» Достоевский вновь возвращается к папскому вопросу, противопоставляя православие, духовно объединяющее людей, и католичество, утратившее духовность: «Пала лишь идея всемирной римской монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе. Этот новый идеал раздвоился на восточный, то есть идеал совершенно духовного единения людей, и на западноевропейский, римско-католический, папский, совершенно обратный восточному. Это западное римско-католическое воплощение идеи и совершилось по-своему, но утратив свое христианское, духовное начало и поделившись им с древнеримским наследством. Римским папством было провозглашено, что христианство и идея его, без всемирного владения землями и народами, — не духовно, а государственно, — другими словами, без осуществления на земле новой всемирной римской монархии, во ю главе которой будет уже не римский император, а папа, — осуществимо быть не может. И вот началась опять попытка всемирной монархии совершенно в духе древнеримского мира, но уже в другой форме. Таким образом, в восточном идеале — сначала духовное единение человечества во Христе, а потом уж, в силу этого духовного соединения всех во Христе, и несомненно вытекающее из него правильное государственное и социальное единение, тогда как по римскому толкованию наоборот: сначала заручиться прочным государственным единением в виде всемирной монархии, а потом уж, пожалуй, и духовное единение под 20 началом папы, как владыки мира сего». [2, т. 22, с. 151–153].

Достоевский отдает должное Бисмарку за то, что «что гениальный политик сумел оцепить, может быть единый в мире из политиков, как сильно еще римское начало само в себе и среди врагов Германии и каким страшным цементом может оно послужить в будущем для соединения всех этих врагов воедино. Он сумел догадаться, что, может быть, у одной лишь римской идеи может найтись такое знамя, которое в роковую (а в глазах Бисмарка и неизбежную) минуту сплотит всех уже раздавленных им врагов Германии опять в одно страшное целое. И вот гениальная догадка вдруг оправдалась... Враг восстал, и враг этот уже не Франция, а сам папа. Это папа, предводительствующий всем и всеми, кому завещана римская идея, и идущий броситься на Германию». [2, т.22, с. 157].

Мечтая, что «мир спасет красота», Достоевский верил в Италию как в страну искусства, которая сумеет объединить людей на почве любви к прекрасному, а отнюдь не на почве идеи политического объединения. Поэтому национальный герой Италии Гарибальди описан писателем с немалой долей сатиры. Так, в письме племяннице С. А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) 1867 из Женевы он пишет: «Женева сама Женева — верх скуки. Это древний протестантский город, а впрочем, пьяниц бездна. Я сюда попал прямо на Конгресс Мира, на который приезжал и Гарибальди. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, — которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, — социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо! Никакое описание не передаст этого. Комичность, слабость, бестолковщина, несогласие, противоречие себе — это вообразить нельзя! И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников! Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру. Большие государства уничтожить и поделаться маленькими; все капиталы прочь, чтоб всё было общее по приказу, и проч. Всё это без малейшего доказательства, всё это заучено еще 20 лет назад наизусть, да так и осталось. И главное, огонь и меч — и после того как всё истребится, то тогда, а Было: огнем по их мнению, и будет мир». [2, т. 28, кн. 2, с. 225].

Несмотря на то, что во время заграничных путешествий Достоевский очень скучал по России, в его эпистолярном наследии имеются свидетельства о тонком художественном вкусе его и его супруги А.Н. Достоевской: «Мы переехали теперь в Италию, через Симплон (самое пылкое воображение не представит себе, что это за живописная горная дорога (через Симплон)) и поселились в Милане... Всё, что есть замечательного в городе, — это знаменитый Миланский собор, громадный, мраморный, готический, весь вырезан и фантастичен, как сон.[2, т. 28, кн. 2, с. 317-319].

Особое впечатление на писателя производила Флоренция: «...Флоренция хороша, но уж очень мокра. Но розы до сих пор цветут в саду Voboli на открытом воздухе. А какие драгоценности в галереях! Боже, я просмотрел «Мадонну в креслах» в 63-м году, смотрел неделю и только теперь увидел. Но и кроме нее сколько божественного. Но всё оставил до окончания романа. Теперь закупорился!» [2, т. 28, кн. 2, с. 331]. Достоевский «закупорился» для написания романа, навсегда вошедшего в золотой фонд мировой литературы, и образы прекрасной Италии, которые он принимал близко к сердцу и так ценил, имплицитно вошли в образную систему романа «Идиот», шедевра мировой классики.

Уже вернувшись на родину, Достоевский явно тосковал по Италии, что отмечено в его эпистолярном наследии.

Литература

1. Дергачева И.В. Русская и европейская танатологические парадигмы XIV–XVII вв. в сравнительном аспекте (на материале Синодиков и макабрических сюжетов) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (68). М.: ИНДГРИК, июнь 2017. С. 69–75.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 8, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 28, кн.2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973, 1978–1982, 1985.
3. Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
4. Захаров В.Н. Судебный розыск Достоевского летом 1871 г. // Достоевский и мировая культура. Альманах № 29. СПб. 2012 С.276-277.

Images of Italy in Dostoevsky's epistolary heritage

Dergacheva I.V.,

*Doctor of Philology, head of Department of Linguistics, Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russia krugh@yandex.ru*

The article presents a historical and literary analysis of the published texts of the writer, containing evidence of the route and travel notes, analysis of the main concepts related to Italy. To interpret the meanings of texts, the author applies an integrated approach using philological, philosophical, cultural and religious studies tools. Dostoevsky's epistolary texts as a factor in the formation of a national mentality are examined in terms of the relationship between text and extra-textual structures (symbolic representations, motivation, behavioral stereotypes, social and cultural practices).

Keywords: Dostoevsky, epistolary heritage, images of Italy, concept “beauty”, genius loci, italian text, intertext.

References

1. Dergacheva I.V. Russkaya i evropejskaya tanatologicheskie paradigmy XIV–XVII vv. v sravnitel'nom aspekte (na materiale Sinodikov i makabricheskikh syuzhetov) // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. № 2 (68). М.: INDGRIK, iyun' 2017. S. 69–75.
2. Dostoevskij F.M. Poslnoe sobranie sochinenij: V 30 t. T. 8, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 28, kn.2. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1973, 1978–1982, 1985.
3. Dostoevskaya L.F. Dostoevskij v izobrazhenii svoej docheri. SPb.: Andreev i synov'ya, 1992.
4. Zaharov V.N. Sudebnyj rozysk Dostoevskogo letom 1871 g. // *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Al'manah* № 29. SPb. 2012 S.276-277.

Красота человека русского и иностранного (по страницам произведений Ф.М. Достоевского)¹

Бурлакова И.И.,

доктор педагогических наук, зам. директора института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия iiburlakova@mail.ru

Высшая духовно-нравственная ценность человека - это гармоническое единство его физического совершенства, нравственных убеждений, мотивации, целеустремленной воли и творческого интеллекта. Эти достоинства личности взаимосвязаны. Прекрасное в человеке по Ф. М. Достоевскому раскрывается в глубокой связи духовной и физической красоты личности. Как национальный художник он рассуждал не столько о физической красоте человека вообще, сколько о русском человеке. Под красотой художник понимает определенное достоинство человека, в данном случае представителя русского народа. Писатель во многих своих произведениях представил гуманный взгляд на духовную сторону человеческой жизни. На страницах своих работ он говорит о неизбежности страдания, как проверке личности на жизнестойкость и в тоже время не отвергает будущие радости, которые могут привести к разложению личности. В таком смысле страданию можно дать положительную нравственную оценку, поскольку оно в определённой мере способствует формированию цельной личности. Огромное значение Ф.М. Достоевский придавал более важному состоянию человека, которое делает его облик цельным и красивым — созидательному труду. Факт высокой нравственной оценки этого качества в человеке в эпоху острых социальных конфликтов имеет большое прогрессивное значение, являясь свидетельством гуманизма идеалов писателя.

Ключевые слова: духовная красота, нравственные качества, произведения, Ф. М. Достоевский.

Для цитаты:

Бурлакова И.И. Красота человека русского и иностранного (по страницам произведений Ф.М. Достоевского) [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Burlakova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060107 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Burlakova I.I. The beauty of a man of Russian and foreign (According to the works of FM Dostoevsky) [Elektronnyy resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Burlakova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060107 (Accessed dd.mm.yyyy)

Высшая эстетическая ценность человека - это гармоническое единство его физического совершенства, нравственных убеждений, мотивации, целеустремленной воли и творческого интеллекта. Эти эстетические достоинства личности взаимосвязаны.

Представлениям Ф. М. Достоевского о прекрасном в человеке присуща глубокая связь духовной и физической красоты личности. Как национальный художник он рассуждал не столько о красоте человека вообще, сколько о русском человеке [1, с.130]. «В русском человеке из простонародья, — писал, например, он, — надо уметь - отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил,

¹ Статья создана при финансовой поддержке РФФИ 18-012-90034
© 2019 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

© 2019 Moscow State University of Psychology & Education

сохранив человеческий образ, а не то, что, сохранил красоту его, Но он сохранил и красоту своего образа» [2, т. XI, с.84]. Под красотой художник понимает определенное достоинство человека, в данном случае представителя русского народа. Ф. М. Достоевский однажды заметил, что иностранцы знают, что народ в России «очень красив», что отставные русские кавалеристы удивляли французскую публику «красотой своих форм». По мнению писателя, для иностранца красота человека другого этноса, прежде всего, представляется в своеобразии физического облика. Но сводима ли духовная красота (внутренняя) к внешним формам? Ф. М. Достоевский полагает, что нет, но в то же время она и не безразлична к физическому облику. Потому он постоянно обращает внимание читателя на них и в самых общих выражениях говорит о красоте внешнего облика героев своих произведений. Например, прекрасное лицо Сироткина («Записки мертвого дома») или Ставрогина («Бесы»).

Лицо Сироткина было прекрасным, но автор его называет красавчиком, ведь он человек ленивый и равнодушный. Другое дело Алей: на его красивом лице отражалась вся его душа. Это была цельная натура, сильная и стройная. Вот это уже настоящая, подлинно положительная красота как внешнее выражение цельности личности.

Обратимся к характеристике физического облика других героев Ф.М. Достоевского. Раскольников, например, «был замечательно хорош собою, с прекрасными тёмными глазами, темнорус, ростом выше среднего, тонок и строен». После такого описания внешней красоты героя автор ставит точку. Вот еще несколько эстетических характеристик. Степан Трофимович Верховенский чрезвычайно красив собой; лицо прапорщика Эркеля было прехорошенькое; Версиков очень красив; фон Лембе просто красив и т. д. Для русского читателя эти суждения имеют второстепенное, описательное значение. Интерес имеют такие оценки, которые позволяют свидетельствовать о связи внешней красоты и внутренней, духовного облика, или состояния личности, т.к. красота – это не только статическое достоинство, качество внешнего вида героя, но прежде всего подвижное, динамическое состояние личности и целостная ее оценка [1, с.131].

Если вспомнить пространные описания красоты Алеши Валковского, его прирожденного изящества, то становится понятно, что эта красота внешних форм без значительного смыслового содержания, способного придать цельность личности. Нет у Алёши характера, он непостоянен из-за чрезвычайной способности подчиняться всякому внешнему влиянию и от совершенного отсутствия воли и нравственного стержня.

Другим примером могут служить суждения Аркадия Долгорукого о красоте Сергея Сокольского. С первого взгляда он признает его физически красивым, но что-то было не привлекательного в этом молодом и красивом лице. Подросток замечает, что решимость его взгляда «ему слишком недорого стоила», что лицо его никогда не становилось веселым. В красоте молодого Сокольского есть что-то и от его духовного, внутреннего мира. А в образе княжны Кати все было прекрасно; ни один из пороков не родился вместе с нею, всюду видно было прекрасное начало, принявшее на время ложную форму, которая выражалась в непомерно развитых гордости и самолюбии, помутивших «на время стройность и гармонию всего ее существа». Здесь видны ясное представление о красоте как цельности личности (стройность и гармония всего существа) и видение того, что эта цельность нарушается, если прекрасные начала приобретают ложную форму. Важно и то, что это «помутнение» определенным образом, иногда едва заметным, выражается во внешних формах красоты.

Также интересны суждения о красоте Николая Ставрогина: «казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску...» [3, т.7; с. 46]. Спустя четыре года рассказчик-хроникер снова видит Ставрогина таким же красавцем. «Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно «походило на маску... Теперь же,— теперь же не знаю почему, он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем, так что уже никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску. Не оттого ли, что он стал чуть-чуть бледнее? ... Или, может быть, какая-нибудь новая мысль светилась теперь в его взгляде?» [3, т. 7; с. 193].

Другим примером трактовки Ф.М. Достоевского о соотношении духовной и телесной красоты может служить Пульхерия Александровна, о которой сказано, что лицо ее, несмотря на ее сорок три года, все еще сохраняло в себе остатки красоты, что «бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости. Скажем в скобках, что сохранить все это есть единственное средство не терять красоты своей даже в старости» [3, т. 5, с.212].

Таким образом, рассмотренные здесь феномены красоты ясно свидетельствуют о необходимой связи внешних форм ее выражения с внутренним, духовным состоянием личности. Точно также обстоит дело, когда мы встречаемся с героем произведения «законченной красивой формы», которая достается ему по наследству, т.к. возможность восприятия изящной формы за действительное выражение души и сердца человека свидетельствует о том, что в изящной форме должны быть представлены и душа, и сердце. Несмотря на невзгоды своей эпохи, великий писатель не переставал верить в подлинную красоту человека. Сравнивая Ф.М. Достоевского и Рембрандта, С. Цвейг заметил, что оба они знают, что «нет красоты более глубокой, чем святая красота души, преодолевшей скудость бытия» [1, с.133].

Любовь к истине у Наташи Ихменеовой проявлялась особым образом. Иван Петрович подметил, как лицо ее становилось все прекраснее и привлекательнее: «Эта детская и в высшей степени правдивая жажда истины и справедливости и непоколебимая-вера в свои стремления все это освещало ее лицо каким-то прекрасным светом искренности, придавало ему какую-то высшую, духовную красоту, и вы начинали понимать, что не так скоро можно исчерпать все значение этой красоты, которая не поддается вся сразу каждому обыкновенному, безучастному взгляду» [3, т. 3, с. 254].

Ф.М. Достоевский лишь к концу творческого пути во всей глубине открыл значение высшей, духовной красоты и дал проникновенную эстетическую оценку образа Татьяны Лариной как непревзойденного типа положительной красоты в русской литературе. Само понятие «положительная красота» определяется им в речи о А.С.Пушкине. Сравнивая Татьяну с Онегиным, Ф.М. Достоевский говорит, что: «у него никакой почвы, у нее же есть основа, незыблемая почва цельности духовной». В понятие «положительная и бесспорная красота» Ф.М. Достоевский вкладывает существенное содержание, не любые воспоминания детства, а то, на что может душа опереться, что ей способно доставить радость даже в самом горьком и безысходном положении. Именно такая красота должна связывать личность с Родиной, Народом, Национальностью, святынями, а не временное изящество и преходящая привлекательность [1, с.134].

Среди героев Ф.М. Достоевского мы встречаем мало образов, воплощающих «положительную и бесспорную красоту», которые предстали бы перед нами в своей величественной духовной красоте (князь Мышкин, старец Зосима, Алеша Карамазов и Макар Долгорукий). Все герои Ф.М. Достоевского в дороге: одни идут к гибели, другие - на каторгу, третьи - к возрождению. В целом, они далеки от красоты положительной, духовной цельности. Причиной этому может служить исторический период в который писатель жил и творил. Это было время неустойчивых форм и разложение старых норм, которое не давало жизненного материала для создания нового типа положительной красоты. Однако, время также не могло лишить человека красоты. Именно красота в полном смысле слова, но лишь как преходящее состояние человеческого духа, а не твердое и незыблемое его достоинство, нашла многообразное воплощение в героях Ф.М. Достоевского.

Сознавая художественные трудности в поиске положительного героя, он не оставлял мечты вплоть до последнего дня своей жизни. Слишком большие надежды возлагал писатель на этот образ, чтобы отступить от его осуществления. Воплощение идеи положительно прекрасного человека он связывал со своим нравственным идеалом, и, в частности, с проблемой «лучшего человека». В «Дневнике писателя» за 1876 г., он пишет: «Всякому обществу, чтобы держаться и жить, надо когонибудь и что-нибудь уважать непременно и, главное, всем обществом, а не то, чтобы каждому как он хочет про себя» [2, т. XI; с. 434]. Эту общественную функцию исполняют лучшие люди, которые разделяются на два типа. Первый тип составляют лучшие люди, перед которыми сам народ и сама

нация добровольно склоняют себя, чтя их доблесть; второй - это те, перед которыми многие из народа или нации преклоняют себя по некоторому принуждению, и считаются они «лучшими людьми» уже несколько условно. Это так сказать, официально признанные «лучшие люди», необходимые «для высших целей порядка и твердости управления» [1, с.135]. Принимая во внимание, что престиж официально признанного идеала человека после реформы 1861 года, пошатнувшись, Ф.М. Достоевский выдвигает народное представление об идеалах «лучшего человека». Эти идеалы «ясны и видны с первого взгляда: «лучший человек», по представлению народному, это тот, который не преклоняется перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, станет служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью» [2, т. XI, с. 442]. Ф.М. Достоевский глубоко убежден, что образ «лучшего человека» не утерян на Руси, его хранитель и носитель — народ русский.

В романе «Идиот» Ф.М. Достоевский делает попытку создать цельный образ «лучшего человека», который бы представил собой гармоничное единство идеалов обоих видов «лучших людей». «Главная мысль романа, сообщил он 1 (13) января 1868 г. С. А. Ивановой о замысле «Идиота», — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, всегда пасовал. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался ... Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон» [2, т. II, с. 71]. Ф.М. Достоевский подчеркивает, что самые благородные достоинства человека пропадают, идут прахом, если личности недостает цельности, единства, гармонии. В таком случае личность станет на фантастический, ложный, бессмысленный путь в своей деятельности и навлечет на себя смех и издевательства окружающих.

Автор «Идиота» стремился воплотить в образе князя Мышкина «некоторые из черт того идеала гармонической человеческой личности, высшим выражением которого ему представлялась личность Христа»; последний мыслился им «в первую очередь, именно как «положительно прекрасный» человек, а не как выразитель определенного религиозного учения» [4]. В. В. Ермилов, например, связывает образ Мышкина со сказочным Иваном-дураком, не отрицая его сходства и с Христом. Хотя в записных книжках Достоевского и есть наброски образа «князя-Христа», но в романе, в действительном образе князя Мышкина эти наброски почти не получили реализации. Вспомним и то, что в «Идиоте» образ Христа все-таки фигурирует как «труп измученного человека», «в полном виде труп человека ...».

Если уж искать художественные аналогии, то из всех всемирно известных литературных героев князю Мышкину наиболее близок Дон Кихот и по духу, и по манере поведения. Но это своеобразная близость. Если Дон Кихот «умер мудрым, жил безумным», т. е. жил и действовал в фантастическом, выдуманном мире (в этом и состояло его безумие), то князь Мышкин действует в совершенно реальном мире и, казалось бы, поступает разумно, но этот вполне действительный мир считает и превращает его в «идиота» князь в результате столкновения со «здоровыми» людьми окончательно теряет рассудок. Чтобы наградить своего героя всеми возможными духовными добродетелями, писатель не только лишил его физического здоровья, но и изолировал да долгие годы от общества. Но ведь добродетели имеют смысл только в обществе, иначе они теряют всякий смысл и могут обратиться против их носителя. Так и случилось с нашим героем. Князь Мышкин, этот русский Дон Кихот XIX в., по замыслу писателя, является носителем чистого, абсолютного добра; во этих действиях и поступках, в отношениях к людям, независимо от их социального положения и возраста (будь то лакей или генерал, ребенок или старик), он руководствуется подлинной, бескорыстной любовью; бескорыстие его полнейшее; он выкупает из долговой тюрьмы старика Иволгина готов раздать всем неожиданно обрушившееся на него наследство; к нему всех влечет; он откровенен и прямодушен до наивности; пронизательность его каждого поражает; правдивость, честность, нравственная чистота и ум ни у кого не вызывают сомнения; его эстетический вкус отличается

тонкостью и глубиной, В нравственно-эстетическом отношении - это безусловно цельная личность [1, с. 137].

Но его духовную красоту вряд ли можно назвать положительной; недостает ей чего-то твердого и незыблемого, прочной связи с Родиной, народом, его святынями; его доброта абстрактна, не избирательна; для него все есть люди — и подлец (Келлер), и порядочный человек (Елизавета Прокофьевна), и жулик (Лебедев) одинаково вызывают сочувствие, располагают к откровенности. Такое отношение к человеку порождает ответную любовь, князя любят почти все — Настасья Филипповна и Аглая, Вера Лебедева и Коля Иволгин, даже компания Бурдовского проникается к нему уважением; особое отношение к нему Рогожина (ревность), также Гани и его сестрицы Варвары Ардалионовны (соперничество). Но, вместе с тем, большинство обласканных им людей его немилосердно обманывают, обворовывают, издеваются над ним открыто и втихую, смеются над его странностями. Между ним и окружающими возникает глубокое противоречие; часто не ведая о лживости, коварстве, вероломстве, эгоизме, своекорыстий, лицемерии, двуличии большинства своих «друзей», Лев Николаевич не в состоянии понять мотивов их поведения; и это при его проницательности и уме; его презирают, начинают ненавидеть, а он все и всех прощает. Аглая говорит: «Я ни одного человека не встречала в жизни подобного ему по благородному простодушию и безграничной доверчивости... Всякий, кто захочет, тот и может его обмануть, и кто бы ни обманул его, он, потом всякому простит, и вот за это-то я его и полюбила» [3, т. 6, с. 642].

Это исключительно высокая оценка нравственных достоинств князя Мышкина. Настасья Филипповна опустила перед ним на колени, прямо на улице. Гордая красавица - живое воплощение огромной, непреодолимой силы красоты - на коленях перед детски наивным князем - не мелодраматическая ситуация, а символ преклонения красоты перед беззащитным доброй. Аглая говорит: «Здесь (на вечере у Епанчиных.—И. Б.) ни одного нет, который бы стоил таких слов! ... Здесь все, все не стоят вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего! Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех! Здесь есть недостойные нагнуться и поднять платок, который вы сейчас уронили ... Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всех? Зачем вы все в себе исковеркали, зачем в вас гордости нет?» [3, т. 6, с. 387]. У него не то что гордости, но чувства собственного достоинства по сути дела нет. Он лишен даже чувства самосохранения, элементарной заботы о себе. Это не то, что аскетизм, а нечто другое — отсутствие любви к жизни, которой наделены многие герои Ф.М. Достоевского. Здесь «речь идёт не о слабости, беззащитности добра и человечности перед лицом эгоистических страстей, выработанных частнособственническим обществом, но о неприятии этим обществом идеала духовной красоты, воплощенного в образе князя. Это, видимо, и хотел показать писатель. Итак, ни цельности, ни жизненной полноты, ни завершенности, ничего твердого и незыблемого нет в этом трагическом образе, положительно прекрасного типа не вышло из обаятельного Мышкина, хотя он и не смешон» [1, с.139].

Другая попытка создать образ прекрасного человека переходной эпохи связана с Алешей Карамазовым, который во многом сходен с князем Мышкиным. Его все любят, ищут с ним дружбы, спрашивают совета; дети — его лучшие друзья. Он говорит правду в лицо. Однако, некоторые читатели считают его чудаком. Но автор любит своего героя. Он не считает его ни фанатиком, ни мистиком. В монастырь Алёша ушёл потому, что любил людей, а дорога в монастырь «... поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвав-шейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» [3, т. 9, с. 26]. С самого начала жизненного пути Алеша отличается от Мышкина. Он здоров, в нем чувствуется любовь к жизни и, даже умеет за себя постоять. Вырисовывается образ положительного героя.

Теперь сделаем попытку рассмотреть красоту, как временное, преходящее состояние личности. Тип цельной личности, т. е. положительного человека, остался для Достоевского неосуществимым идеалом. Но в известном смысле каждый человек хоть однажды на своем веку бывает действительно духовно красив. С утверждения этого тезиса Достоевский начинает свою литературную деятельность. Макар Алексеич Девушкин, рядовой переписчик бумаг, забитый донельзя мелкий чиновник, в своей самоотверженно-бескорыстной любви к другому, столь же

кроткому и незащищенному существу предстает перед нами цельной личностью. Все свои духовные силы он вкладывает в отеческую любовь к Варваре Алексеевне Доброселовой. Макар Девушкин возвышается до подлинной красоты человеческой в этой жизненной ситуации. «Я вас, как свет Господень, любил, как дочку родную любил, я все в вас любил, маточка, родная моя! и сам для вас только и жил одних! Я и работал, и бумаги писал, и ходил, и гулял, и наблюдения мои бумаге передавал в виде дружеских писем, все оттого, что вы, маточка, здесь, напротив, поблизости жили, Вы, может быть, этого и не знали, а это все именно так!» [3, т. 1, с. 207].

Цельность духовного мира личности способна за короткое время преобразить личность, пробудить, активизировать в ней подлинно человеческие чувства и способности. Мечтатель-герой «Белых ночей» испытывал подобное состояние четверо суток, но и за этот короткий срок понял, как радость и счастье делают человека прекрасным. Настенька любит другого, выходит за него замуж, она счастлива. В творчестве Достоевского любовь принадлежит к таким чувствам-состояниям, которые захватывают человека всего, целиком и либо делают его духовно красивым и преображают, либо разрушают и унижают. Все оттенки любви переживают герои Достоевского, но выше всего он ценит любовь деятельную, в которой расцветает человек, заново рождаясь. Вспомним о любви Сони Мармеладовой к Раскольникову. «Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы, но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [3, т. 5, с. 573]. Конечно, любовь-страсть-исступление, любовь-мучение или любовь-жалость и любовь-восхищение по-разному отражаются на цельности личности. Наиболее благотворна в этом смысле любовь деятельная. Однако, не всякая цельность личности может быть признана подлинной красотой. Мало ли всякого рода фанатиков, творящих чудовищные преступления против человечности, отличаются негибкой и непроницаемой цельностью. Лишь цельность, вырабатываемая в процессе органического, сознательного усвоения, личностью благородных нравственных принципов, руководящих ее действиями, является действительно положительной и бесспорной красотой. Такая красота — подлинная радость для других и великое счастье для личности, «Счастье не в одних только наслаждениях любви,— писал Достоевский,— а и в высшей гармонии духа» [3, т. 10, с. 449].

В связи с анализом образа Татьяны Лариной перед Ф.М. Достоевским встал вопрос: «А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Согласитесь вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых выстроили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно, и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столько пострадавшим? Нет ... не хочу быть счастливою, загубив другого!» [3, т. 10, С. 449-450].

Таким образом, надо самому узнать страдание, чтобы не пытаться строить свое счастье на страдании других людей. Это гуманный взгляд на духовную сторону человеческой жизни. Писатель говорит о неизбежности страдания, как проверки личности на жизнестойкость и в тоже время не отвергает будущие радости, которые неизбежно расслабляют и могут привести к разложению личности. В таком смысле страданию можно дать положительную нравственную оценку, поскольку оно в определенной мере способствует формированию цельной личности. Огромное значение Ф.М. Достоевский придавал более важному состоянию человека, которое делает его облик цельным и красивым — созидательному труду. Однако раскрыть эту прекрасную черту в человеке ему не удалось, так же как писатель не смог раскрыть подлинных, социальных оснований гармонично развитой личности. Но факт высокой нравственной оценки этого качества в человеке в эпоху острых социальных конфликтов и унижения личности имел большое прогрессивное значение, являясь свидетельством гуманизма идеалов писателя.

Бурлакова И.И.
Красота человека русского и иностранного
(По страницам произведений Ф.М. Достоевского)
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 45–52.

Burlakova I.I.
The beauty of a man of Russian and foreign
(According to the works of FM Dostoevsky)
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 45–52.

Литература

1. Белик, А.П. *Художественные образы Ф.М. Достоевского*, М.: Изд-во «Наука», 1974. 222 с.
2. *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*, СПб, 1883 г. Том 2.
3. *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*, СПб, 1883 г. Том 11.
4. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 1.
5. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 3.
6. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 5.
7. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 6.
8. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 7.
9. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 9.
10. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 10.
11. Фридендер Т.М. Роман «Идиот». — Сб. «Творчество Ф. М. Достоевского». М., 1959. 191 с.

The beauty of a man of Russian and foreign? (According to the works of FM Dostoevsky)

Burlakova I.I.,

Doctor of Education, Deputy Director of the Institute “Foreign Languages, Modern Communications and Management”, MSUPE, Moscow, Russia iiburlakova@mail.ru

The highest spiritual and moral value of man is the harmonious unity of his physical perfection, moral beliefs, motivation, purposeful will and creative intelligence. These qualities of a person are interrelated. The beauty in a person is revealed in the deep connection of spiritual and physical beauty of the person by F. M. Dostoevsky. As a national artist, he talked not so much about the physical beauty of man in general, but about the Russian man. The artist understands the beauty as a certain dignity of man, in this case, the representative of the Russian people. The writer in many of his works presented a humane view of the spiritual side of human life. On the pages of his works, he speaks about the inevitability of suffering as a test of personality for vitality, and at the same time he does not reject the future joys that can lead to the decomposition of personality. In this sense, suffering can be given a positive moral assessment, as it contributes to a certain extent to the formation of a whole personality. Huge value Dostoevsky gave more important to the human condition, which makes it look solid and pretty - creative work. The fact of high moral evaluation of this quality in man in the era of acute social conflicts is of great progressive importance, as evidence of the humanism of the writer's ideals.

Keywords: spiritual beauty, moral qualities, works, F.M. Dostoevsky.

References

1. Belik, A.P. *Hudozhestvennye obrazy F.M. Dostoevskogo*, M.: Izd-vo «Nauka», 1974. 222 s.
2. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*, SPb, 1883 g. Tom 2.
3. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*, SPb, 1883 g. Tom 11.
4. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 1.
5. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 3.
6. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 5.
7. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 6.
8. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 7.
9. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 9.
10. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 10.
11. Fridlender T.M. *Roman «Idiot»*.— Sb. «Творчество F. M. Достоевского». M., 1959. 191 s.

Актуальные вопросы создания КИМов (контрольно-измерительных материалов) в условиях функционирования инновационных образовательных программ в начальной школе

Муратова С.Д.,

учитель начальных классов первой категории МБОУ «СОШ №44», Симферополь, Крым susana-muratova@mail.ru

Результативность реализации инновационных проектов по билингвальному образованию зависит от модернизации действующих КИМ, а так же, от создания новых тестовых заданий, анкет, опросников и т.д.

КИМы позволяют диагностировать, контролировать уровень билингвальных учебных действий учащихся и мотивируют содержания деятельности учителей, реализующих билингвальное обучение.

Ключевые слова: контрольно-измерительные материалы, текстовые задания, диагностика учебных достижений, контроль учебных достижений, содержание билингвальной деятельности, инновационная образовательная площадка.

Для цитаты:

Муратова С.Д. Актуальные вопросы создания КИМов (контрольно-измерительных материалов) в условиях функционирования инновационных образовательных программ в начальной школе [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Muratova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060108 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Muratova S.D. Topical issues of creation of CMMs (control and measuring materials) in the conditions of functioning of innovative educational programs in primary schools [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Muratova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060108 (Accessed dd.mm.yyyy)

Модернизация образовательного процесса внедрение инновационных технологий, повышение эффективности работы учителей, теснейшим образом связана с политикой государства. Содержание деятельности педагогов в современных условиях определяются Законом Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273 - ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Законом Республики Крым от 06.06.2015 г. №131 - ЗРК «Об образовании в Республики Крым». Порядком формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в системе образования.

Технология составления контрольно-измерительных материалов для начальной школы достаточно хорошо разработана и внедрена в практику. Создание инновационных образовательных площадок в полиэтнических регионах, учитывающих билингвальность обучаемых является относительно новым методическим и дидактическим трендом.

Реализация билингвального обучения в действующей на базе МБОУ «СОШ №44» Муниципальной Инновационной Образовательной Площадки (далее – МИОП) может быть успешно реализована через предложенную учителям проектной группы систему КИМов по диагностике,
© 2019 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет» © 2019 Moscow State University of Psychology & Education

мониторингу и контролю уровня билингвальности учащихся начальных классов. На наш взгляд, стратегические и тактические задачи не могут быть решены результативно без обеспечения участников билингвального образовательного процесса конкретными заданиями, упражнениями, опросниками, анкетами, тестами. Данные материалы позволяют объективно определять уровни билингвальных компетенций, определять актуальные направления, подходы и содержание учебного процесса и соответственно осуществлять своевременный валидный и объективный контроль билингвальных умений. Одной из актуальных для образовательных учреждений задач является разработка контрольно-измерительных материалов для оценки достижения школьниками планируемых результатов освоения основ билингвального образования (в том числе – определение комплекса критериев, процедур и технологий оценки, организацию педагогического мониторинга и его использование как неотъемлемого инструмента управления качеством образования). Как известно, под мониторингом понимают специально организованное, продолжительное наблюдение за функционированием и внедрением в образовательный процесс билингвальных элементов в целях эффективного формирования учебного русско-крымскотатарского двуязычия.

Цель билингвального мониторинга: оперативно и своевременно выявлять все изменения, происходящие в уровнях языкового образования учащихся. Полученные объективные данные являются основанием для принятия методических решений.

Новизна подхода к организации мониторинга достижений младшими школьниками планируемых результатов освоения программы БО (билингвальное обучение) состоит в следующем: изменяются целевые установки контроля (задания ориентированы на проверку сформированности базовых универсальных билингвистических для каждого учебного предмета способов действий); появляется необходимость в использовании критериального подхода при разработке билингвальных заданий; предметом диагностики выступают имеющиеся на данный период знания; изменяется роль учителя при проведении работ (активный участник, переводчик мотиватор, коуч-педагог).

Одним из общедоступных объективных средств определения компетенции является тест. Под тестом мы понимаем методическое средство, краткое стандартизованное испытание, в основе которого лежит специально подготовленный набор заданий, который позволяет объективно выявить уровень билингвальности респондентов. При разработке и использовании уже готовых тестов на билингвальность важно знать, на сколько они соответствуют целям, задачам билингвального образования в начальной школе.

Любой тест, как принято, должен отвечать трем параметрам:

1. Надежность – которая обеспечивает объективность результатов; отражает точность диагностических измерений.
2. Валидность – пригодность тестовых результатов.
3. Объективность – объективность тестов на билингвальность определяется их правильной интерпретацией без выявления высокого, достаточного, среднего и начального уровней.

Актуальнейшей проблемой нашей МИОП выступает вопрос выбора принципиальных подходов для составления КИМов для выявления, диагностики мониторинга и контроля билингвальных учебных достижений учащихся. Создание КИМов для МИОП целесообразно с опорой на следующие принципы, которые кардинально отличаются от стандартных. Мы предлагаем руководствоваться следующими принципами, предложенными Р.Р. Девлетовым:

1. Принцип поликультурности и гуманистического развития посредством диалога культур, который трансформирует в мультилингвальном и полиэтничном регионе статус общедидактического.
2. Принцип этнокультурологической направленности обучения и воспитания.
3. Принцип проблемного характера обучения, который «является одним из основных при установке на билингвальное развитие обучаемых» [3, с.159].
4. Принцип деятельностного характера обучения и воспитания, реализующийся в контексте моделирования в учебно-воспитательном процессе педагогических и предметных ситуаций.

5. Принцип тесного учебного сотрудничества и взаимодействия всех участников МИОП.

6. В процессе освоения знаний изучаемый и академический языки обучения должны рассматриваться как параллельные способы и средства познания, самопознания и саморазвития.

7. Принцип триады – опоры на академический (русский язык), язык-посредник (крымскотатарский язык) и изучаемый язык (иностранный язык). При этом академический язык предполагает отбор содержания образования и воспитания, т.е. учебного материала, его организации в самом учебном процессе.

8. Принцип методической целесообразности и коммуникативной достаточности, сущность которой определяется нами в отборе лингвистического (языкового) и речевого материала, соответствующего этапу обучения и уровню билингвальности обучаемых.

9. Принцип метапредметных связей, предполагающий связь предметов языкового, естественно-научного, художественного-эстетического циклов.

10. Принцип ассертивности проводимых уроков на билингвальной основе, который предусматривает предупреждение тревожности, страха и культурно-речевого шока при знакомстве и усвоении аутентичных материалов [3].

11. Принцип мажорности обучения на билингвальной основе.

12. Принцип визуальной насыщенности учебно-воспитательного процесса.

Выводы. Теоретические и практические результаты методической работы дают возможность сделать следующие выводы. Использование КИМов имеет целый ряд положительных характеристик: высокий уровень учебных достижений по предметам начальной ступени образования; делает процесс обучения интересным; снижает уровень тревожности; удобство обработки результатов работы.

Литература

1. Беспалько В.П. Педагогические технологии. – М.: Педагогика, 1989. – 190с.
2. Девлетов Р. Р. Principles of development and implementation of bilingual programs in the conditions of innovative educational platforms // Материалы докладов международного симпозиума «Black SEA», «KARADENIZ», «Черное море». (Tbilisi – Georgia, 24-26 января 2019г.) Тбилиси, 2019. – С. 166-167.
3. Девлетов Р.Р. Трилингвальное обучение в педагогических учебных заведениях Украины. Симферополь: Оджакъ, 2011. – 340с.
4. randia.ru/text/80/008/2660.php
5. Майоров А.Н. Теория и практика создания тестов для системы образования. – М., «Интеллект центр», 2011. – 296 с.

Муратова С.Д.,
Актуальные вопросы создания КИМов (контрольно-измерительных материалов) в условиях функционирования инновационных образовательных программ в начальной школе
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 53–56.

Muratova S.D.,
Topical issues of creation of CMMs (control and measuring materials) in the conditions of functioning of innovative educational programs in primary schools
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 53–56.

Topical issues of creation of CMMs (control and measuring materials) in the conditions of functioning of innovative educational programs in primary schools

Muratova S.D.,

primary school teacher, first class teacher MBEI «Secondary School 44», Simferopol, Crimea, susana-muratova@mail.ru

The effectiveness of innovative projects in bilingual education depends on the modernization of existing CMMs, as well as the creation of new tests, questionnaires, questionnaires, etc.

CMMs allow to diagnose and control the level of bilingual learning activities of students and motivate the content of the activities of teachers implementing bilingual education.

Keywords: control and measuring materials, text tasks, diagnostics of educational achievements, control of educational achievements, content of bilingual activities, innovative educational platform.

References

1. Беспалко В.П. Педагогические технологии. – М.: Педагогика, 1989. – 190 п.
2. Девлетов Р. Р. Principles of development and implementation of bilingual programs in the conditions of innovative educational platforms // Материалы докладов международного симпозиума «Black SEA», «KARADENIZ» (Tbilisi – Georgia, 24-26 января 2019г.) Tbilisi, 2019. – P. 166-167.
3. Devletov R.R. Trilingvalnoe obuchenie v pedagogicheskikh uchebnikh zavedeniyah Ukraini. Simferopol: Odzhak, 2011. – 340 p.
4. [pandia.ru text/80/008/2660.php](http://pandia.ru/text/80/008/2660.php)
5. Mayorov A. N. Teoriya i praktika sozdaniya testov dlya systemy obrazovaniya. – М., «Intelлект tsentr», 2011. – 296 p.

Специфика паремий, вербализующих концепт «Родина», в рутульской и русской концептосферах

Ибрагимова М.О.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала, Россия mariza71@mail.ru

В настоящем исследовании проводится сопоставление групп паремий, вербализующих концепт «Родина», в русской и рутульской языковых картинах мира.

Ключевые слова: концепт «Родина», паремиология русского языка, паремиология рутульского языка.

Для цитаты:

Ибрагимова М.О. Специфика паремий, вербализующих концепт «Родина», в рутульской и русской концептосферах [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Ibragimova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060109 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Ibragimova M.O. The specificity of the paremias, verbalizing the concept of "Motherland" in the Rutul and Russian concept spheres [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Ibragimova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060109 (Accessed dd.mm.yyyy)

Как один из значимых в лингвокультурном плане, концепт «Родина» представлен во всех известных языковых картинах мира.

В русском языке термин «родина», согласно «Этимологическому словарю русского языка» М.Р. Фасмера, имеет славянское происхождение и впервые в значении «родная сторона» встречается у Г.Р. Державина [2, 397] Арабское заимствование ватан «родина», используемое в рутульском языке, не имеет синонимов синтетической формы, параллельно с основным термином используется аналитическая конструкция гьухуд джига (букв. «родился где место»).

В сопоставляемых языках вербализаторами смысловых зон «родина как место рождения», «родина как место комфортного существования», «страна, гражданином которой являешься» и «место возникновения этноса» выступают лексемы и словосочетания родина//ватан, отечество, отчизна, страна//гьулкимет, дом//хал, родная сторона//уьлке, гнездо// аькваьл и т.д.

Употребление устойчивых приложений родина-мать и дидды ватан «отца родина» в сопоставляемых языках свидетельствует о различном гендерном подходе к пониманию родины носителями русской и рутульской лингвокультур: о родственном отношении к родине, подобном отношению к матери, и стремлении защищать и оберегать родину как родную мать, с одной стороны; о патриархальности дагестанского общества и принадлежности детей роду отца, с другой стороны.

В русскоязычной и рутулоязычной концептосферах выявляется определённый состав паремий - вербализаторов концепта «Родина», который неравномерен в силу автономности развития народов, представляющих описываемые лингвокультуры.

В результате анализа паремиологических единиц, объективирующих концепт «Родина» в языках разных культур, нами были выявлены наиболее частотные в сопоставляемых лингвокультурах семантические группы паремий, объединённые общностью следующих значений:

Любовь к родине, проявляющаяся в паремиях Любовь к Родине сильнее смерти. Всякому мила своя сторона. Ватандыбла ширинды кар джугъуд. «Нет ничего слаще Родины».

Ностальгия, тоска по родине (Родная земля и во сне снится. Родных нет, а по родимой стороне сердце ноет. Гъар шурук джуды аькваале хьедьэре. «Каждую птицу тянет в свое гнездо»), вербализующаяся в языках и эквивалентными паремиями (И кости по родине плачут. Ватандыхда кьырыбыр йешере. «По родине кости плачут»), и пословицами, содержащими исторический опыт определенного этноса: Гъилине йыха диш – Гала йиха йиъи, Гала ки йыха диш – хала йиъи. «Нигде не бывает так хорошо, как в Гале, но и в Гале не так хорошо, как дома». (Гал – историческая территория Кавказской Албании, населенная рутульцами и цахурцами). Выражение Аран хъаIвагъаIд джемиш «Буйвол, который плачет по Арану (то есть “плач по тому делу, которое никогда не исполнится”») имеет также реальную историческую основу: Аран – территория расселения рутулов, которая сейчас относится к Азербайджану. [1, с. 26].

Недопустимость предательства родины вербализуется в следующих паремиях сопоставляемых языков: Кто родиной торгует, того кара не минует. Худая та птица, которая гнездо свое марает. Дид, нин, ватан масак выцIадиш. «Отца, мать и родину нельзя продавать».

В сопоставляемых лингвокультурах частотны паремии, подчеркивающие значимость родины и своих корней:

Где сосна выросла, там она и красна. Где кто родится, там и пригодится.

Са джигиди гидишды духлара чIир харкъадиш. «Камень, который не стоит на одном месте, не обрастает землей». Ватандид гъаваа – дарман. «Воздух родины – лекарство».

Человек, отдалившийся от родины, вызывал у носителей языков жалость, сочувствие и, в некоторых случаях, презрение:

Только глупый человек может забыть, где родился. Человек без Родины, что соловей без песни.

Сырымьк сыр кидишды. «Не имеющий могилу среди могил родных (о погибшем на чужбине)».

В обоих лингвокультурах распространенными являются паремии с бинарной оппозицией «родина/чужбина», подчеркивающие сладость родины и тяготы пребывания за её пределами:

Родная сторона – мать, а чужая – мачеха. Чужбина – калина, родина – малина. Своя сторона по шерстке гладит, чужая насупротив.

Гъарибваьлы джишир, ватандид къадри вуръудиш. «Не побывав на чужбине, не познаешь цену родине». Гъарибваьлы гъаIвлыдыхъаь ватандыды сывыркыIд наьк иде виъи. «Свернувшееся молоко родины вкуснее халвы на чужбине». Гъарибваьлы хан йикисдыхъаь, ватандыды нехирхъанна йиыха йиъи. «Чем на чужбине ханом быть, лучше на родине пастухом быть». Веш йыгъ гъарибваьлыла са йыгъ ватанды йыха йиъи (шиназский диалект). «Чем сто дней на чужбине, один день на родине лучше». Отметим, что пословицы, содержащие бинарную оппозицию ватан//гъарибвалды «родина»//«чужбина», являются самыми частотными среди рутульских паремий о родине.

Сопоставительное исследование паремий, относящихся к разным лингвокультурам, позволило выявить и семантические группы, не имеющие эквивалентов в силу автономности развития народов, разницы в социальном укладе и т.д. Так, в русских паремиях родина часто сравнивается с матерью (Родина – мать, умеи за нее постоять; Родина любимая – мать родимая; Как мать одна, так и родина одна; Береги землю родимую, как мать любимую), в рутульском языке эквиваленты этим пословицам не обнаружены.

Пословицы и поговорки, объединенные общностью значений «защита Родины», «смерть за Родину», «долг перед Родиной», мы обнаружили только в русском языке: С родной земли – умри, не сходи! За Родину и честь не жаль голову снести. В бою за Родину и смерть красна. Где ни жить – Родине служить. Возможно, это связано с ранней государственностью Руси и наличием регулярной армии, в которой служили носители русского языка. Рутулы в разные исторические периоды входили

в состав разных государственных образований, не образуя мононационального объединения с действующей армией.

Этноспецифический характер имеет рутульская поговорка: Йивандыхда на хьыдынийихда ватан вуруьурдиш. «У лошади и у женщины родины не бывает». Она подчеркивает гендерные особенности устройства социума, в котором женщина, выходя замуж, приобщалась к роду мужа.

В русской лингвокультуре концепт «Родина» отождествляется с концептом «Земля», коннотативная близость этих понятий отражается в следующих паремиях: Мы своей земли не отдадим, всех врагов разведем в дым. Береги землю родимую, как мать любимую. С родной земли – умри, не сходи.

В рутульской лингвокультуре концепт «Родина» семантически близок или тождественен концепту «Дом», о чем свидетельствует паремия Гылине йыха диш – Гала йиха йиьи, Гала ки йыха диш – хала йиьи. «Нигде не бывает так хорошо, как в Гале, но и в Гале не так хорошо, как дома».

И в русской, и в рутульской лингвокультурах традиционно использование зооморфных метафор, компонентами которых являются названия птиц (кулик, воробей, ворона, шурук «птичка»), животных (гылрч «горный тур», кЫнгылр «ёж») для передачи паремиологического образа родины: Каждый кулик своё болото хвалит. У своего гнезда и ворона орла бьет. В родном гнезде и воробей силен.

Гьалр шурук джуды аккваэле хьедеьэре. «Каждую птицу тянет в свое гнездо». КЫнгылр баьмбаькма увгьур ки, зазалма хьебеьэре. «Еж, хоть его в вату заверни, тянется в колючки». Гылрч вухуди викид и. «Горный тур умирает там, где родился».

Исследование позволило выявить, что актуальность концепта «Родина» для сопоставляемых лингвокультур отражается на уровне паремиологии посредством частотного употребления лексем, составляющих семантическое поле исследуемого концепта. Автономность развития народов - носителей описываемых лингвокультур и обусловленная этим разница в социальном укладе способствовали появлению безэквивалентных семантических групп паремий, репрезентирующих концепт «Родина»: так, специфическими для носителей русской лингвокультуры являются паремии с семантикой «защита Родины», «смерть за Родину», «долг перед Родиной», в рутульской лингвокультуре концепт «Родина» близок к концепту «Дом» (в отличие от близости концептов «Родина» и «Земля» в русской лингвокультуре). Интересны и гендерные противопоставления: в русской лингвокультуре родину соотносят и ассоциируют с матерью, в рутульской – с отцом, используя параллельно термины ватан «родина» и дидды ватан «родина отца»; кроме того, в паремиях отражаются и гендерные особенности устройства дагестанского общества, в котором женщина, выходя замуж, «теряла» родину и приобщалась к роду мужа.

Литература

1. Махмудова, С.М. Жемчужины рутульской мысли. Издательство «Эпоха». – Махачкала, 2014.
2. Махмудова С. М. Мыхалбишды мисалабыр. (Рутульские поговорки). На рутульском языке. Махачкала, Дагкнигоиздат. Махачкала, 1992.
3. Махмудова С. М. О философской основе соматических фразеологизмов в рутульском языке. Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (55), 2016, часть 1. Тамбов, издательство «Грамота». Стр.154-158.
4. Махмудова С.М. Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта «Этика» («Абыр») в национальной картине мира рутулов. Язык и текст. Т. 5, № 2. Стр. 75-81. М. , 2018.

Ибрагимова М.О.
Специфика паремий, вербализующих концепт «Родина»
в рутульской и русской концептосферах
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 55–58.

Ibragimova M.O.
The specificity of the paremias, verbalizing the concept
of "Motherland" in the Rutul and Russian concept
spheres
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 55–58.

5. Махмудова С.М. Рутульская литература. Махачкала, Издательство «Народы Дагестана», 2008.
6. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М., 2005.
7. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М.Р. Фасмер, Издательство «Прогресс» – М., 1964. Т.1.

The specificity of the paremias, verbalizing the concept of "Motherland" in the Rutul and Russian concept spheres

Ibragimova M.O.,

Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute language, literature and art, Dagestan Scientific Center RAS mariza71@mail.ru

The present study compares groups of proverbs representing concept "Motherland" in Russian and Rutul conceptosphere.

Keywords: concept "Motherland", Russian language paremiology, Rutul language paremiology.

References

1. Mahmudova, S.M. ZHemchuzhiny rutul'skoj mysli. Izdatel'stvo «EHPoha». – Mahachkala, 2014.
2. Mahmudova S. M. MyhaIbishdy misalabyr. (Rutul'skie poslovicy). Na rutul'skom yazyke. Mahachkala, Dagknigoizdat. Mahachkala, 1992.
3. Mahmudova S. M. O filosofskoj osnove somaticheskikh frazeologizmov v rutul'skom yazyke. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 1 (55), 2016, chast' 1. Tambov, izdatel'stvo "Gramota". Str.154-158.
4. Mahmudova S.M. YAzykovaya reprezentaciya aksiologicheskoy dominanty koncepta «EHTika» («Abyr») v nacional'noj kartine mira rutulov. YAzyk i tekst. T. 5, № 2. Str. 75-81. M. , 2018.
5. Mahmudova S.M. Rutul'skaya literatura. Mahachkala, Izdatel'stvo «Narody Dagestana», 2008.
6. Mokienko V. M. Zagadki russkoj frazeologii. M., 2005.
7. EHTimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Tekst] / M.R. Fasmer, Izdatel'stvo «Progress» – M., 1964. T.1.

Координация деятельности учителей начальных классов в развитии умения говорить в билингвальной среде

Халик С.К.,

учитель начальных классов высшей категории МБОУ «СОШ №44», Симферополь, Крым, halsus71@mail.ru

Муратова Э.Д.,

учитель начальных классов первой категории МБОУ «СОШ №44», Симферополь, Крым, elzara_muratova82@mail.ru

В данной статье внимание уделено координации в работе учителей языкового цикла в условиях формирования естественного учебного двуязычия. Моделей взаимодействия педагогов в начальной школе множество. В нашем исследовании раскрывается наиболее эффективная, на наш взгляд, форма билингвального обучения «Один учитель – один язык». Сущность этой модели заключается в том, что учитель русского языка тесно сотрудничает с учителем крымскотатарского языка и они синхронизируют формирование у обучаемых базовых универсальных билингвальных учебных действий.

Ключевые слова: координация, билингвальная среда, универсальные учебные действия, базовые билингвальные умения.

Для цитаты:

Халик С.К., Муратова Э.Д. Координация деятельности учителей начальных классов в развитии умения говорить в билингвальной среде [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Halik_Muratova.shtml doi: 10.17759/langt.2019060110 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Halik S.K., Muratova E.D. Coordination of primary school teachers in the development of the ability to speak in a bilingual environment [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Halik_Muratova.shtml doi: 10.17759/langt.2019060110 (Accessed dd.mm.yyyy)

Одним из важных направлений в деятельности образовательных учреждений на современном этапе является поиск новых решений в модернизации процесса обучения и воспитания. Государственная политика в области образования требует от учителей инновационные методики, технологии, направленные на повышение конкурентоспособности и интеллектуального уровня школьника. Особое внимание уделяется языковому образованию обучаемых, внедрению новых технологий и методологии формирования языковой и речевой личности. Особую актуальность и востребованность общества имеет проблема формирования билингвальной личности.

В условиях реализации инновационной образовательной программы по билингвальному обучению особое значение приобретает координативная деятельность учителей по совместному поиску путей решения образовательных и воспитательных задач, совместная работа по отбору лексических (терминологических) минимумов, коллективный анализ проводимой работы по

билингвальному обучению, создание КИМов для диагностики, мониторинга и контроля уровня билингвальности учащихся.

Понятие «координация деятельности учителей» в научно-методических источниках рассматривается как взаимодействие: 1) учителей с учащимися; 2) учителей с родителями; 3) учителей с психологом; 4) учителей с социальным педагогом; 5) совместная деятельность в методическом объединении школы.

Следует отметить, что в условиях полиэтничной и полилингвальной образовательной среды понятие «координация» работы учителей обогащается новым содержанием. В процессе реализации некоторых моделей билингвального образования методически целесообразно тесное взаимодействие учителей филологического цикла (иностранного, крымскотатарского и русского языков) и учителей предметников (физической культуры, художественно-эстетического цикла, технологий).

Модернизация образовательно-воспитательного процесса в условиях билингвального обучения в начальной школе предполагает применение методических приёмов, средств и форм языковой и коммуникативной работы инновационного характера.

Необходимо отметить, что билингвальное обучение исследователями-методистами рассматривается как обучение, которое предусматривает одновременное использование двух языков в преподавании отдельных предметов для расширения сферы применения одного из языков, который не является языком преподавания [1].

Учёные-лингводидакты исследуют двуязычие и многоязычие в аспекте формирования билингвальных и полилингвальных компетенций, а именно: какое время является наиболее продуктивным, результативным для изучения языка обучения и второго языка; когда в каком возрасте целесообразнее начинать изучать другой язык и т.д. [2, с. 22].

Наше исследование связано с изучением роли учителей в отборе и использовании эффективных путей, методов и приёмов формирования у учащихся младших классов учебного русско-крымскотатарского двуязычия.

Общеизвестно, что многие системы образования учитывают наличие в обществе функционирования двух и более языков. Стихийность использования языков в учебном процессе приводит к негативным результатам, а именно: нарушению норм языка, культуры речи.

В связи с этим возникает необходимость методического и дидактического управления формированием билингвальной компетенции обучаемых. Р. Р. Девлетов считает, что «перед неизбежным и востребованным обществом распространением полилингвального обучения возникают большие трудности и острые проблемы как в связи с дидактической организацией такого обучения, так и в связи с определением его целей и оценкой его результатов» [2, с. 23].

В рамках реализации муниципальной инновационной площадки с МБОУ «СОШ № 44» г. Симферополя организовано взаимодействие всех учителей, задействованных в преподавании в начальных классах. Учитывая, что конечным образовательным результатом внедряемого билингвального обучения является расширение возможностей изучаемого (русского) и второго (крымскотатарского) языков как средства получения языковых, коммуникативных и предметных знаний, деятельность учителей-предметников объединена в двух направлениях:

- 1) отбор билингвального лексического (терминологического минимума);
- 2) коммуникативного минимума для начального этапа билингвального обучения.

Методическая и дидактическая необходимость организации совместной работы учителей обусловлена с обеспечением урочного процесса языковым и коммуникативным материалом для усвоения. Работа с выделенными минимумами объединяет усилия учителей в модернизации применения методических приёмов учебного перевода и сопоставления.

Известным исследователем билингвизма Н. В. Имададзе предложена модель континуума как формы построения типологии билингвизма (русского-национального). Мы согласны с его мнением о том, что использование личностью двух или более систем средств и способов общения в целях коммуникации при направленности сознания на предмет речевой деятельности, а не на средства и

способы его формирования и формулирования. Билингвальное состояние обучаемого представляет собой совокупность четырёх ступеней типа двуязычия. В то же время мы пришли к убеждению, что эти ступени могут быть рассмотрены как способ и результат или конечный продукт речевой деятельности [2, с. 28].

Мы считаем, что речь обучаемого в билингвальной учебной среде, т.е. умение говорить посредством изучаемого и второго (крымскотатарского) языков определяется следующим образом:

– формирование и построение мысли посредством русского с последующим переводом высказывания на крымскотатарский язык. Это является нижней ступенью;

– формирование мысли средствами русского языка с последующим её формированием средствами крымскотатарского языка – промежуточная ступень;

– автономное формирование и формулирование мысли синхронно посредством русского и крымскотатарского языков – ступень билингвального сосуществования с доминированием языка обучения (русского);

– независимое, аутентичное формирование и формулирование мысли на двух языках, связанное с получателем информации, т.е. носителем какого языка является адресат, на том языке обучаемый продуцирует своё высказывание.

Четвёртую ступень можно рассматривать как результат успешного использования формы билингвального обучения «Один учитель – один язык».

Достижение оптимальных результатов в формировании билингвальной языковой личности возможно при тесном взаимодействии всех учителей, осуществляющих преподавание в начальных классах.

Выводы. Результативность образовательного и воспитательного процессов в условиях реализации инновационного билингвального обучения в начальной школе невозможна без тесного взаимодействия всех учителей начальной школы. Координация деятельности учителей-предметников выступает важнейшим условием успешного формирования учебного русско-крымскотатарского двуязычия.

Литература

1. Девлетов Р.Р., Гудзик И.Ф. *Математика. Пособие по развитию речи на русском, крымскотатарском, украинском языках. Симферополь: ДОЛЯ. 2003. – 96 с.*
2. Девлетов Р.Р. *Трилингвальное обучение в педагогических учебных заведениях Украины. Симферополь: Оджакъ, 2011. – 340с.*
3. *Имедадзе Н. В. Экспериментально-психологические исследования овладения вторым языком. Тбилиси, 1979. – 229с.*

Coordination of primary school teachers in the development of the ability to speak in a bilingual environment

Halik S.K.,

МВЕИ «Secondary School 44», Simferopol, Crimea, Russia halsus71@mail.ru

Muratova E.D.,

МВЕИ «Secondary School 44», Simferopol, Crimea, Russia elzara_muratova82@mail.ru

This article focuses on the coordination of the work of language cycle teachers in the context of the formation of natural learning bilingualism. Models of interaction of teachers in elementary school set in our study, the most effective, in our opinion, form of bilingual education is revealed – «One teacher is one language». The essence of this model lies in the fact that the teacher of the Russian language works closely with the teacher of the Crimean Tatar language and they synchronize the formation of basic universal bilingual learning activities for the students.

Keywords: coordination, bilingual environment, universal learning activities, basic bilingual skills.

References

1. Devletov R.R., Gudzik I.F. Matematika. Posobie po razvitiu rechi na russkom, krimskotatarskom, ukrainskom yazikah. Simferopol: DOLYA. 2003. – 96 p.
2. Devletov R.R. Trilingvalnoe obuchenie v pedagogicheskikh uchebnikh zavedeniyah Ukraini. Simferopol: Odzhak, 2011. – 340 p.
3. Imedadze N.V. Eksperimentalno-psichologicheskie issledovaniya ovladeniya vtorim yazikom. Tbilisi, 1979. – 229 p.

Лингвометодическое обеспечение билингвального образования в начальной школе тестовыми материалами

Сулейманова С.Н.,

Учитель начальных классов высшей категории МБОУ «СОШ №44», Симферополь, Крым.
susanna.sulejmanova@mail.ru

В данной работе рассматривается эффективность билингвального образования, которая зависит от учебного лингвистического, методического обеспечения образовательного процесса в начальной школе. Образовательный процесс невозможен без системы мониторинга и контроля учебных достижений учащихся. Важным средством результативной реализации билингвального обучения являются тестовые материалы как составная часть контрольно-измерительных материалов, определяющих процесс и результат обучения.

Ключевые слова: билингвальное обучение, контроль учебных достижений, тесты для выявления билингвальности, контрольно-измерительные материалы, обеспеченность учебного процесса.

Для цитаты:

Сулейманова С.Н. Лингвометодическое обеспечение билингвального образования в начальной школе тестовыми материалами [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Suleymanova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060111 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Suleymanova S.N. Linguomethodical provision of bilingual education in primary school with test materials [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Suleymanova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060111 (Accessed dd.mm.yyyy)

Создание инновационных образовательных площадок в крымском образовательном пространстве, как и в общероссийском, рассматривается как государственный заказ. Современный этап развития образования отличается широким поиском апробацией и внедрением инновационных технологий, обеспечивающих прорыв в эффективное будущее.

Качество усвоения учебного материала зависит от многих условий, среди которых важную роль играют диагностика, мониторинг и контроль. Педагогический контроль направлен не только на определение степени соответствия приобретенных учащимися знаний и умений поставленной учебной цели, но и на управление познавательной деятельностью обучаемых в целом.

В рамках формирования и функционирования инновационных образовательных инфраструктур в системе образования Крыма в МБОУ «СОШ № 44» работает Муниципальная Инновационно-Образовательная Площадка (МИОП) по внедрению билингвального обучения и воспитания в начальной школе.

Для модернизации содержания образовательного процесса особую актуальность представляет проблема выявления уровня билингвальности обучаемых. Наиболее рациональным приёмом валидного, объективного определения показателей уровня выступает тестирование.

Закономерным является тот факт, что каждый учитель задаёт вопрос: Зачем нужно тестирование при билингвальном образовании? Использование тестовых материалов, на наш взгляд,

позволяет **во-первых:** а) определить уровни владения русским и крымскотатарским языками; б) промониторить УУД по русскому языку; в) продиагностировать УУД по крымскотатарскому языку; г) выявить уровни коммуникативной компетенции в русской и крымскотатарской речи; **во-вторых:** проверить уровень сбалансированности двуязычия у обучаемых на начальном этапе; **в третьих:** а) выяснить уровень общего развития младшего школьника в соответствии с классом обучения; б) определить развитие школьника в языковой, речевой, этнокультуроведческой сферах; в) методически целесообразно построить стратегию и тактику преподавания в начальной школе в условиях билингвального обучения и воспитания.

Опыт реализации билингвального обучения в инновационной образовательной площадке при МБОУ «СОШ № 44» позволяет говорить о том, что композиция тестовых материалов может состоять из четырёх субтестов: 1) говорение; 2) чтение; 3) аудирование; 4) письмо.

Особенно важным является тот факт, что говорение и аудирование необходимо наполнить визуальным сопровождением, что существенно облегчает обучающемуся работу с тестовым материалом.

Одним из главных недостатков современной системы педагогического контроля, по мнению многих исследователей (В.П. Беспалько, И.А. Данилов, И.И. Баврин, Б.С. Гершунский, Ю.А. Первин, Л.П. Мартиросян), является то, что существующая традиционная организация педагогического контроля не отвечает требованиям времени, не учитывает достижений современных информационных технологий, не создает условий для улучшения качества обучения [1]. Новые образовательные технологии сегодня выступают не только как предмет изучения, но и как инструмент познания и передачи знаний, предоставляя возможность автоматизировать процедуру контроля, обработки работ обучающихся.

Оценка качества и эффективности обучения с помощью тестовых заданий всегда рассматривается как необходимая и, в то же время сложная. Гулидов И.Н. выделяет такие проблемы реализации тестовой формы контроля в российской школе, как необходимость разработки учебников, ориентированных на тестовую форму контроля знаний; значительные затраты времени на первичную подготовку качественных контрольно-измерительных материалов (КИМов); необходимость преодоления сопротивления и комплекса предубеждений приверженцев старых методов педагогических измерений; а также малое количество специалистов по тестированию в системе образования [2].

При реализации билингвального обучения тестовые материалы целесообразно составлять по следующим параметрам:

1. Предметная, межпредметная, межъязыковая и этнокультурная область использования тестовых материалов.

2. Лингвометодическая содержательность тестовых материалов: тест диагностики уровня билингвальности; тест мониторинга уровней билингвальности с учётом различных учебных предметов; тест контроля уровня билингвальности по годам обучения.

3. Учебное сотрудничество учителя и школьника, взаимодействие всех учителей, задействованных в данном классе.

В условиях реализации билингвального обучения в Инновационной Образовательной Площадке (ИОП) на начальном этапе целесообразно использовать тесты на диагностику уровней билингвальности, условно объединённых в две группы: 1) тестовые материалы на узнавание, понимание, знание и использование лексического (терминологического) минимума, заранее отобранного и утверждённого учителями проектной группы; 2) тестовые материалы на аудирование, чтение, говорение и письмо на основе билингвального коммуникативного минимума, также заранее разработанного участниками проектной группы.

Опыт деятельности ИОП при МБОУ «СОШ № 44» позволяет констатировать: несмотря на то, что тестирование занимает достойное место в реализации педагогического контроля универсальных учебных действий школьников в стандартных условиях образования при билингвальном обучении

Сулейманова С.Н.
Лингвометодическое обеспечение билингвального
образования в начальной школе тестовыми материалами
Язык и текст
2019. Том 6. № 1.С. 66–69.

Suleymanova S.N.
Linguomethodical provision of bilingual education in
primary school with test materials
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 66–69.

превращается в эффективное средство повышения мотивации к получению знаний и их распространению школьниками.

Билингвальные тестовые упражнения при посредничестве академического русского языка существенно расширяют сферу использования крымскотатарского языка. Таким образом успешно формируется и развивается учебный русско-крымскотатарский билингвизм.

Выводы. Успешность результатов билингвального обучения в условиях реализации инновационной образовательной программы существенным образом зависит от диагностики, мониторинга и педагогического контроля уровня билингвльности обучаемых. Создание тестовых материалов на основе лексического и коммуникативного минимумов рассматриваем как важнейший компонент учебно-методического, лингвистического и культуроведческого обеспечения образовательного процесса на двуязычной основе.

Литература

1. Беспалько В.П. *Слагаемые педагогической технологии*. – М.: Педагогика, 1989. – 190 с.
2. Гулидов И.Н. *Педагогический контроль и его обеспечение: учебное пособие*. – М.: ФОРУМ, 2005. – 240 с.
3. Михайлычев Е.А. *Технология стандартизации дидактических тестов // Школьные технологии*. – 2001. № 5. – С.36-54.
4. Хубаев Г.В. *О построении шкалы оценок в системах тестирования // Высшее образование в России*. – 1996. № 1. – С. 67-81.

Linguomethodical provision of bilingual education in primary school with test materials

Suleymanova S.N.,

Primary school teacher of the highest category MBEI «Secondary School 44», Simferopol, Crimea.

E-mail: susanna.sulejmanova@mail.ru

This paper examines the effectiveness of bilingual education, which depends on the teaching of linguistic and methodological support of the educational process in primary school. The educational process is impossible without a system of monitoring and control of students' learning achievements. An important means of effective implementation of bilingual education are test materials as an integral part of control and measuring materials that determine the process and outcome of learning.

Keywords: bilingual education, control of educational achievements, tests for revealing bilinguality, control and measuring materials, provision of educational process.

References

1. Bepalko V.P. Slagayemye pedagogicheskoy tehnologii. – M.: Pedagogika, 1989. – 190 p.
2. Gulidov I N Pedagogicheskiy kontrol' i yego obespecheniye: uchebnoe posobie. M.: FORUM, 2005. – 240 p.
3. Myhaylychev E A Tehnologiya stardantizatsiyi didakticheskikh testov // Shkolnye tehnologii. – 2001. № 5. – P.36-54.
4. Hubaev G V O postroeniyi shkali otsenok v sistemah testirovaniya // Vysheye obrazovaniye v Rossiyi. – 1996. № 1. – P. 67-81.

Межпредметные связи в начальной школе в аспекте развития билингвальных аудитивных умений

Ибрагимова Э.К.,

Учитель начальных классов МБОУ «СОШ №44», Симферополь, Крым eraeshka0506@gmail.com

Меджитова З.С.,

Учитель начальных классов высшей категории МБОУ «СОШ 44», Симферополь, Крым zarema81@i.ua

В данном исследовании говорится о формировании билингвальных аудитивных умений учащихся младших классов в условиях синхронного изучения русского и крымскотатарского языков. Процесс формирования языковых навыков особенно эффективно протекает при погружении обучающихся в языковую среду и при реализации межпредметных связей уроков языкового цикла. Текстовая работа позволяет методически целесообразно осуществлять тесную межпредметную связь уроков крымскотатарского и русского чтения.

Для эффективного формирования аудитивных умений младших школьников предложено использование таких методических приемов, как учебный перевод, сопоставление и учебное сотрудничество.

Ключевые слова: билингвальное аудитивное умение, методические приёмы, учебный перевод, сопоставление, учебное сотрудничество

Для цитаты:

Ибрагимова Э.К., Меджитова З.С. Межпредметные связи в начальной школе в аспекте развития билингвальных аудитивных умений [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Ibragimova_Medzhitova.shtml doi: 10.17759/langt.2019060112 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Ibragimova E.K., Medzhitova Z.S. Interdisciplinary communication in elementary school in the aspect of the development of auditory skills in bilingual learning [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Ibragimova_Medzhitova.shtml doi: 10.17759/langt.2019060112 (Accessed dd.mm.yyyy)

В современном мире образование призвано выполнять очень важную роль в формировании новых методик, средств и моделей для достижения эффективных учебно-воспитательных результатов.

Традиционная методика начального образования разработала десятки оптимальных методов обучения и воспитания. Однако в методике начального образования незначительное место занимает технология билингвального образования. Современная методика не учитывает региональные факторы установившегося местного типа билингвизма. Для полиэтнического региона в социолингвисты выделяют следующие виды билингвизма: национально-русский, русско-национальный, функциональный, координативный, субординативный.

На наш взгляд, требует модернизации такой аспект билингвизма как учебный. Учебный билингвизм целесообразно формировать в тесном взаимодействии всех учителей, задействованных в начальной школе.

Современные требования к обучению крымскотатарского языка ориентируют учителя на обеспечение интенсивного речевого и интеллектуального развития учащихся, что является приоритетной идеей обновленных программ для обучения по ФГОС [1, с.5]. Речевой содержательной линией действующей и обновленной программ предусмотрено систему работы по всем видам речевой деятельности, в том числе аудирование.

Современная методика обучения русскому и крымскотатарскому языкам в условиях билингвального обучения требует от учителя методических умений по формированию аудитивных компетенций как важной составляющей коммуникативной компетенции [2, с.24].

В процессе подготовки статьи мы провели аудирование на двух языках с использованием художественных текстов [3, с.14] (отрывков из детской литературы).

Предложенные тексты рассчитаны на работу с учащимися с разным уровнем языковой подготовленности, они ориентированы на познавательный интерес учащихся. К каждому из данных текстов составлены тестовые вопросы для проверки понимания прослушанного (аудирование). Тексты предназначены как для проведения итогового контроля проверки умений учащихся слушать, понимать прослушанное и отвечать на вопросы [4, с.13].

Формирование умения слушать проходит в несколько этапов:

- а) подготовительный;
- б) обучающий;
- в) коммуникативный.

Особенность билингвальной работы заключается в том, что один текстовый материал используется на уроках русского и крымскотатарского языков.

<p>Эвде. Сабадан ягъмур (<i>дождь</i>)ягъа. Къуш сеслери эшитильмей. Торгъайлар биле сакъландылар(<i>спрятались</i>). Балабан къара булут(<i>туча</i>) кокни къаплады. Фериде эвде(<i>дома</i>) отура. Бугунь раатлыкь куню. Алие татасы оны ресим япмагъа огрете. Тезден Фериде де гузель ресимлер (<i>рисунки</i>) япаджакь.</p>	<p>Дома. С утра идёт дождь (ягъмур). Не слышно пение птиц. Спрятались (сакъландылар) даже воробьи. Большая чёрная туча (булут) затянула небо. Фериде сидит дома. Сегодня выходной день. Сестра по имени Алие учит её рисовать. Скоро и у Фериде будут красивые рисунки.</p>
<p>Вазифелер: 1. <i>Метинни динъленъиз, эгер мен, окъугъанда, хата япсам, эллеринъизни чартынъиз.</i> 2. <i>Суаллерге джевап беринъиз:</i> - Ягъмур не вакъыт ягъа? - Ненинь сеслери эшитильмей? - Торгъайлар не яптылар? - Кокни не къаплады?</p>	<p>Задания: 1. <i>Прослушайте текст, если я при чтении допуцу ошибку, хлопните в ладошки.</i> 2. <i>Ответьте на вопросы:</i> - С какого времени идёт дождь? - Чего не слышно? - Что сделали воробьи? - Что затянуло небо?</p>
<p>- Фериде къайда отура? - Татасы оны не япмагъа огрете? 3. <i>Сёзлернинъ рус тилине терджимесини тапып, окъларнен бирлештиринъиз:</i> ягъмур воробей торгъай дом булут рисунок ресим туча эв дождь</p>	<p>- Где сидит Фериде? - Чему учит ее сестра? 3. <i>Соедините стрелочкой крымскотатарские слова с их переводом на русский язык:</i> ягъмур воробей торгъай дом булут рисунок ресим туча эв дождь</p>

Говорение и аудирование – две взаимосвязанные стороны устной речи. Аудирование не только прием сообщения, но и подготовка во внутренней речи ответной реакции на услышанное [4, с.154].

Аудирование в условиях билингвального обучения играет важную роль в изучении крымскотатарского (родного) языка на начальном этапе обучения.

Оно является и целью и мощным средством обучения. Оно дает возможность овладеть звуковой стороной изучаемого языка, его фонемным составом и интонацией: ритмом, ударением. Через аудирование у учащихся идет освоение лексической стороны языка и его грамматической структуры. И в то же время аудирование облегчает овладение говорением.

В процессе овладения аудитивными умениями на билингвальной основе учитель должен обратить внимание учащихся на то, что важно с первых уроков внимательно, сосредоточенно вслушиваться, как говорят учитель и учащиеся, стараться соотнести это с конкретной ситуацией, мимикой, жестами и другими невербальными средствами и понять услышанное. Необходимо прививать учащимся культуру сознательного слушания.

В процессе овладения аудитивными умениями на билингвальной основе учащиеся встречаются с рядом трудностей лингвистического плана: фонетическими, грамматическими. Зная это, учитель крымскотатарского языка использует упражнения, предупреждающие такие трудности. Он учит детей различать звуки изолированно и в сочетании, слушать разницу в произношении сходных и различных для русского и крымскотатарского языков звуков: [кь], [гь] и других звуков.

Очень важным фактором в обучении аудированию является поддержание постоянного интереса учащихся, то есть их постоянная мотивация, где основными факторами являются: правильный подбор текста (уровень трудности и интересной содержание), создание ситуации общения перед восприятием текста и различные задания, предполагающие контроль прослушанного и выход в другой вид деятельности после восприятия текста.

Выводы. Формирование билингвальных аудитивных умений методически целесообразно через тесное сотрудничество (взаимодействие) учителей русского и крымскотатарского языков. Межпредметные связи необходимо проводить на общем текстовом материале в следующих направлениях: работа над звуком, фонемой, словом, интонацией.

Литература

1. www.ug.ru/new_standarts/3
2. Амоношвили Ш.А. Психологические особенности усвоения второго языка младшими школьниками // Ш.А. Амоношвили. – Москва, 2007. – С. 24-27.
3. <https://infourok.ru/kimi-po-krimskotatarskomu>
4. Зайдман И.Н. Развитие речи и психолого-педагогическая коррекция младших школьников / И.Н. Зайдман // Начальная школа. 2003. № 6. – С. 5-14 с.
5. Чирик-Степанова О.В. Инновационные технологии на уроках в начальной школе / О.В. Чирик-Степанова, Т.А. Бугаева. – Москва: Академия развития, 2011. – 256 с.

Interdisciplinary communication in elementary school in the aspect of the development of auditory skills in bilingual learning

Ibrahimova E.K.,

*The teacher of a Primary school, MBEI «Secondary school № 44», Simferopol, Crimea
eraeshka0506@gmail.com*

Medzhitova Z.S.,

*The teacher of a Primary school the teacher of the highest category, MBEI «Secondary School 44»,
Simferopol, Crimea zarema81@i.ua*

This research is about formation of bilingual auditory skills of junior schoolchildren in the context of the simultaneous study of Russian and Crimeantatar languages. The process of developing language skills is especially effective when students are immersed in the language environment and during the realization of interdisciplinary connections between the lessons of the language cycle. Textual work allows methodically expediently carrying out a close interdisciplinary connection between the lessons of the Crimeantatar and Russian reading.

For the effective formation of the auditory skills of younger students, the use of such methods as teaching translation, comparison, and educational cooperation has been proposed.

Keywords: bilingual auditory skill, methodical techniques, educational translation, comparison, educational cooperation

References

1. www.ug.ru/new_standarts/3
2. Amonashvili W. A. Psychological characteristics of learning a second language in primary school // S. A. Amonashvili. – Moscow, 2007. – P. 24-27.
3. <https://infourok.ru/kimi-po-krimskotatarskomu>
4. Zaydman I. N. The development of speech and psycho-pedagogical correction of Junior high school students / I. N. S. Zaydman // Elementary school. 2003. № 6. – 5-14 p.
5. Chirik-Stepanova O. V. Innovative technologies in the classroom in primary school / O. V. Chirik-Stepanova, T. A. Bugaeva. – Moscow: Academy of development, 2011. – 256 p.

Методические проблемы предупреждения и преодоления интерференции в условиях формирования русско-крымскотатарско-английского трёхязычия

Зиядинова Э.М.,

учитель начальных классов первой категории МБОУ «СОШ №44», Симферополь, Крым
elnarochke@mail.ru

Аслаева Э.А.,

учитель начальных классов МБОУ «СОШ №44», Симферополь, Крым aslaeva.83@mail.ru

В статье рассматривается проблема интерференции в условиях формирования учебного русско-крымскотатарско-английского трилингвизма. Приводятся широкая и узкая трактовка термина «интерференция», «типы интерференции». Методические приемы, предупреждающие отрицательное влияние на усвоение иностранного языка зависят от характера взаимодействия систем родного, академического (русского) и английского языков. Рассматриваются звуки дальней и ближней группы, от которых зависят типы интерференции.

Ключевые слова: интерференция, типы интерференции, учебный трилингвизм, звуки дальней и ближней группы, методические проблемы

Для цитаты:

Зиядинова Э.М., Аслаева Э.А. Методические проблемы предупреждения и преодоления интерференции в условиях формирования русско-крымскотатарско-английского трёхязычия [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Ziyadinova_Aslaeva.shtml doi: 10.17759/langt.2019060113 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Ziyadinova E.M., Aslaeva E.A. Methodological problems of prevention and overcoming of interference in the conditions of formation of the Russian-Crimean-Tatar-English trilingualism [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Ziyadinova_Aslaeva.shtml doi: 10.17759/langt.2019060113 (Accessed dd.mm.yyyy)

Формирование учебного трёхязычия можно рассматривать как инновационное явление в современном образовательном процессе.

Взаимодействие и контактирование разносистемных языков в учебном процессе порождает проблему интерференции в усвоении произносительными нормами родного, русского и изучаемого иностранного.

Интерференция понимается как процесс взаимодействия «языковых систем в условиях трёхязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [2, с. 197].

Успешное формирование произносительных навыков английской речи в условиях русско-крымскотатарско-английского трёхязычия связано со степенью сложности или лёгкости усвоения акустико-артикуляционных характеристик сопоставляемых звуков. Важно учитывать три фактора:

1) при изучении английских звуков необходимо включить использование упражнений и заданий по изучению звуков дальней группы, при усвоении которых возникает культурно-речевой шок учащихся;

2) при сопоставлении общих звуков трёх языков, рационально включить упражнения и задания на усвоение акустики и артикуляции, общих для русского, крымскотатарского и английского языков;

3) включить использование упражнений и заданий на усвоение английских дифтонгов и трифтонгов, которые возможно изучать только на монолингвальной основе.

Учёт первых двух факторов предполагает обязательное использование таких приемов как сопоставление. В связи с этим, на начальном этапе формирования методически целесообразно использование следующих видов упражнений и заданий. В методике начального образования система упражнений делится на три группы: подготовительные; тренировочные; контрольные [1, с.5-6].

Подготовительные упражнения могут состоять из: 1) работы с трилингвальными визуальными сопоставительными таблицами, которые включают: а) фонетические и артикуляционные характеристики соизучаемых звуков; б) схемы сагитального разреза органов речевого аппарата и детальное описание их работы при образовании английского, русского и крымскотатарского звуков; 2) артикуляционной гимнастики, проведение которой подготавливает и тренирует соответствующие органы речевого аппарата к произношению изучаемого английского звука. [1, с.5]

Изучение и усвоение звука [Т]

Таблица 1

Фонетические признаки согласных звуков [t] - [m] - [n]

Фонетические признаки	По участию шума	По месту образования	По способу образования шума	По наличию/ отсутствию смягчения	По участию голоса
Сопоставляемые звуки					
Английский звук	смычный взрывной	переднеязычный (заальвеолярный)	взрывной	твердый: <i>bat</i> [bæt] - летучая мышь, <i>tea</i> [ti:] - чай	глухой
Русский звук	шумный	переднеязычный	взрывной	тверд./ мягкий <i>стол</i> – [стол] <i>тема</i> – [т`эмъ]	глухой
Крымскотатарский звук	шумный	переднеязычный	взрывной	твердый <i>топ</i> — [топ], <i>остюрмек</i> - [остюрмек]	глухой

1. Пользуясь таблицей 1 найди общие и различные признаки сопоставляемых звуков.

2. Пользуясь сопоставительной таблицей, сравни образование и звучание английского [t] и русского (крымскотатарского) звуков [т]. Обрати внимание на работу органов речи: губ, языка, голосовых связок. В чем главное отличие в произношении этих звуков?

Тренировочные упражнения состоят из: 1) заданий на имитацию; 2) заданий, направленных на выработку навыков произношения изучаемого звука, запоминания учащимися его графического образа и транскрипционного знака; 3) заданий по формированию умений сравнивать, сопоставлять звучание, артикуляцию контактирующих звуков с целью выявления общих и различных признаков. Существенной характеристикой данных упражнений является то, что становление навыков произношения осуществляется на языковом материале по лингводидактической схеме «звук» - «буква» - «слог» - «слово» - «словосочетание» - «предложение» - «этикет».

Формулировки тренировочных упражнений носят деятельностный характер. Например: 1. Послушай звуки. Подними карточку, когда услышишь согласный звук [d]; 2. Послушай слова. Хлопни в ладоши, когда услышишь звук [п]: а) в начале; б) в середине; в) в конце; 3. Четко произнеси английский звук [п]. Закрась кубик с русским, крымскотатарским звуком, схожим по звучанию с английским [п]. Сравни их; 4. Послушай, и повтори за учителем слоги. Четко произноси английский [п], русский и крымскотатарский звуки [п]; 5. Переведи на русский, крымскотатарский язык слова и произнеси отдельно выделенные звуки [1, с. 5-6].

Сопоставительные упражнения

1. Послушай звуки. Подними сигнальную карточку, когда услышишь звук [t]

[b], [d], [t], [m], [r], [t], [n], [t], [d].

2. Послушай пары слов. Хлопни в ладоши, когда услышишь английское слово.

tooth [tuθ] (зуб) – туз / тиш

stand [stænd] (стоять) – стенд / турмакъ

Зиядинова Э.М., Аслаева Э.А.
Методические проблемы предупреждения и
преодоления интерференции в условиях формирования
русско-крымскотатарско-английского трёхязычия
Язык и текст
2019. Том 6. № 1.С. 75–79.

Ziyadinova E.M., Aslaeva E.A.
Methodological problems of prevention and
overcoming of interference in the conditions of
formation of the Russian-Crimean-Tatar-English
trilingualism
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 75–79.

Контрольные упражнения направлены на выявление степени усвоения учащимися фонетических и орфоэпических характеристик изучаемого звука. В данную группу вошли сопоставительные упражнения на знание и умение выявлять учащимися сходства и различия в звуковой системе английского, русского и крымскотатарского языков, отработку нормированного произношения изученных английских звуков в сопоставлении с русскими и крымскотатарскими, использование учебного перевода. Методически важным является выявление умения использовать полученные знания в собственной речевой деятельности ученика.

Выводы. Формирование учебного русско-крымскотатарско-английского трёхязычия тесно связано с предупреждением и преодолением отрицательной интерференции в произношении. Эффективными упражнениями выступают подготовительные, тренировочные и контрольные орфоэпические упражнения, артикуляционные и акустические задания с использованием сопоставительных таблиц.

Литература

1. Девлетов Р.Р., Шеремет О.В. Система работы по формированию произносительных навыков английской речи в условиях русско-украинского билингвизма. Симферополь: Оджакъ, 2012. – 132 с.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.

Зиядинова Э.М., Аслаева Э.А.
Методические проблемы предупреждения и
преодоления интерференции в условиях формирования
русско-крымскотатарско-английского трёхязычия
Язык и текст
2019. Том 6. № 1.С. 75–79.

Ziyadinova E.M., Aslaeva E.A.
Methodological problems of prevention and
overcoming of interference in the conditions of
formation of the Russian-Crimean-Tatar-English
trilingualism
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 75–79.

Methodological problems of prevention and overcoming of interference in the conditions of formation of the Russian-Crimean-Tatar-English trilingualism

Ziyadinova E.M.,

*Primary school teacher, first class teacher MBEI «Secondary School 44», Simferopol, Crimea
elnarochke@mail.ru*

Aslayeva E.A.,

primary school teacher, MBEI «Secondary School 44», Simferopol, Crimea aslaeva.83@mail.ru

The article considers the problem of interference in the conditions of formation of educational Russian-Crimean-Tatar-English trilingualism. A wide and narrow interpretation of the term «interference», «types of interference» is given. Methodological instruments preventing the negative impact on the assimilation of a foreign language depends on the nature of interaction between the systems of native, academic (Russian) and English languages. The sounds of the far and near group, on which the types of interference depend, are considered.

In conclusion, it is pointed out the need to distinguish between interference and analogy, as well as the prospects of developing a classification of correspondence between the stages of mastering a foreign language.

Keywords: interference, types of interference, educational trilingualism, sounds of far and near groups, methodological problems

References

1. Devletov R.R., Sheremet O.V. Sistema raboti po formirovaniyu proiznositelnykh navikov angliyskoy rechi v usloviyakh russko-ukrainskogo bilingvizma. Simferopol: Odzhak, 2012. – 132 p.
2. Jazykoznanie. Bol'shoj encik-lopedicheskij slovar' / pod red. V. N. Jarceva. M.: Bol'shaja Ros. jencikl., 1998. – 685 p.

Роль современных информационных технологий в повышении качества образования¹

Мухамади К.Т.,

профессор, Университет имени Сулеймана Демиреля, Алматы, Казахстан Kuralay_sdu@mail.ru

Сансызбаева Г.С.,

магистрант, Университет имени Сулеймана Демиреля, Алматы, Казахстан sansyzbaeva.gulzat@mail.ru

В статье рассматривается роль и значение новых технологий, в том числе информационных технологий, в повышении интереса студентов к обучению, мотивации, расширении их знаний и повышении качества их обучения в современном информационном обществе.

Ключевые слова: педагогические технологии, информационные технологии, программные средства, технические средства, система образования

Для цитаты:

Мухамади К., Сансызбаева Г. Роль современных информационных технологий в повышении качества образования [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Mukhamadi_Sansyzbaeva.shtml doi: 10.17759/langt.2019060114 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Mukhamadi K., Sansyzbaeva G. The role of modern information technologies in improving the quality of education [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Mukhamadi_Sansyzbaeva.shtml doi: 10.17759/langt.2019060114 (Accessed dd.mm.yyyy)

XXI век – это век конкуренции. В стране, где сильно развита наука, образование и культура, есть хорошие условия и перспективы. В то же время Президент в своем послании народу всегда подчеркивал необходимость эффективного использования возможностей, созданных для нас. Принцип «...внедрение лучших технологий, опираясь на международный опыт» [1] требует эффективного использования новых технологий и эффективного достижения обучающегося в этом, используя имеющиеся возможности в направлении развития государственного языка.

Технология представляет собой совокупность процессов обработки материала или совокупность знаний о способах обработки материала. На самом деле, технология – это способ, позволяющий осуществлять преобразование. Это позволит нам использовать понятие «технология» не только в производстве, но и в других сферах, в том числе в системе образования. Следует отметить, что в теории обучения существует около трехсот определений понятия «технология». Благодаря новым технологиям, информационным технологиям, студентам предоставляется возможность работать не только с традиционными источниками информации, но и с нетрадиционными источниками информации.

В. Глушков ввел термин «информационные технологии». Он дает следующее определение: «Информационная технология – это процессы, связанные с обработкой информации». В. Апатова, не опровергая определение В. Глушкова, конкретизирует: «Информационная технология – это совокупность средств и методов, которые могут быть реализованы в процессе обработки информации» [2]. Рассматривая понятие «новые информационные технологии», Д. Матрос описывает, как любые методы или педагогические технологии обрабатывают и передают информацию для усвоения ее наставниками, учащимися, то есть, по его определению, любая педагогическая технология – это информационная технология.

Информационные технологии – это совокупность методов и средств хранения, обработки, передачи и отображения информации, расширяющих знания людей и развивающих их возможности по управлению техническими и социальными процессами. В понятие «информация» включены как компьютерные, так и телекоммуникационные средства.

Средства информационных технологий включают программно-аппаратные средства, работающие на основе микропроцессорной технологии и осуществляющие операции по сбору, производству, хранению, исправлению и передаче информации, а также аудио- и видеоаппаратуру, современных средств и систем обмена информацией посредством телекоммуникации.

Информационные технологии обучения – это особый способ работы с информационными, образовательными технологиями, программным и аппаратным обеспечением (кино, аудио и видео аппаратура, компьютеры, телекоммуникационные сети).

«Информационные технологии обучения следует понимать как приложение информационных технологий для создания новых возможностей передачи знаний, восприятия знаний, оценки качества обучения и всестороннего развития личности обучаемого в ходе учебно-воспитательного процесса» [3]. Преимущества использования этой технологии заключаются в следующем:

1. Пробуждает личный интерес ученика к дисциплинам;
2. Развивает познавательные способности;
3. Формирует социально-культурное воспитание;
4. Учит студента творческой работе;
5. Экономит время учителя;
6. Предоставляет дополнительные сведения;
7. Выявляет уровень надежности студентов;
8. Талантливые, способные дети в дальнейшем закрепляют свои способности и гибкость, слабые хотят учиться и избавляются от неуверенности в себе.
9. Обучение становится легче в учебных группах с одинаковым уровнем знаний.

В области образования существуют различные технологии, но из них необходимо выбрать нужную и эффективно использовать их на каждом этапе урока. Проблема не в широком использовании технологий, а в том, чтобы дать образование, ориентированное на результат. В настоящее время, метод наглядности и применения технических средств является одной из информационно-коммуникативных технологий. Что ж, давайте попробуем ответить на вопрос: «Могут ли современные информационные технологии улучшить качество образования в процессе обучения?» Для этого необходимо выполнить следующие работы по подготовке учащихся:

1. Приспособление студентов к обучению, учебе и жизни в условиях информационного общества.
2. Интеграция системы образования и образовательной сферы, адаптированной к новым информационным и телекоммуникационным технологиям.
3. Радикальный переход от иллюстративной разъяснительной системы образования к развивающейся системе обучения и использования в учебном процессе методов обучения, основанных на развитии творческих способностей учащихся.

С использованием информационных технологий мы сможем повысить знания и развить творчество учащихся:

Информационные технологии – совокупность методов и производственных и программно-технологических средств, объединенных в одну технологическую цепочку, которая обеспечивает сбор, хранение и обработку информации, на сегодняшний день широко используем информационные технологии на уроках. Для того, чтобы ученик хорошо учился, он должен быть внимательным и заинтересованным к учебе. Только активный человек, который всегда хочет знать, проявляет настойчивость, выносливость, может достигать заданной цели. Если интерес учащегося к занятиям в школе является результатом действий учителя, то действия учителя можно увидеть через эффективное использование этих новых технологий.

Также рекомендуется проведение элективных прикладных курсов и проведение внеклассной работы за счет подвижной части учебного плана.

Внеклассные работы:

- подготовка и защита исследовательских проектов;
- олимпиады, конкурсы, тематические вечеринки;
- элективные курсы по выбору;
- онлайн-конференции и дистанционные занятия, образовательные конкурсы;
- информационно-коммуникативные технологии в виде познавательных походов на объекты науки и производства.

Обучение посредством информационных технологий имеет следующие преимущества:

1. Книги (в электронном виде);
2. Сетевые средства обучения;
3. Традиционные и мультимедийные системы компьютерного обучения;
4. Аудио учебно-информационные материалы;
5. Видео учебно-информационные материалы;
6. Лабораторные дистанционные практикумы;
7. Упражнения;
8. Дистанционно-доступные знания и базы данных;
9. Дистанционно-доступные электронные библиотеки;
10. Дидактические материалы на основе практических занятий;
11. Дидактические материалы на основе геоинформационных систем.

Комплексное использование новых технологий и технических средств в обучении государственного языка облегчает многие виды деятельности учителя. Еще одна ключевая особенность информационных технологий заключается в том, что они позволяют учащимся заниматься самостоятельной или совместной творческой работой, искать, видеть результаты своей работы, критически относиться к себе и получать удовольствие от достигнутых результатов. Для этого учитель должен уметь правильно выбирать тип урока.

Как отметил глава государства: «современной молодежи необходимо дать новое образование, соответствующее мировым стандартам, связанное с информационными технологиями»[4], для молодых людей важно использовать информационные технологии в учебном процессе. В последние годы использование компьютеров, электронных учебников и интерактивных досок для повседневных занятий по информационно-коммуникационным технологиям дало значительные результаты. Также компьютерная грамотность педагога качественно повысится за счет формирования личного опыта использования информационно-коммуникативных технологий.

В заключение, поскольку XXI век является веком информации, сама жизнь доказывает, что человечество нуждается в компьютерной грамотности. «Образование или совершенствование не может просто даны ни одному человеку или просто сказаны словами. Каждый человек, стремящийся достичь этого, должен стремиться к этому своим трудом, своими силами», - сказал Дистерверг. Поэтому нужен новый взгляд, новый подход к обучению и воспитанию подрастающего поколения, нужны новые педагогические поиски и идеи. В современном информационном обществе новые технологии, в том числе информационные, имеют большое значение для повышения интереса учащихся к обучению, мотивации и совершенствования их навыков.

Литература

1. Назарбаев Н. Бәсекелестікке қабілетті Қазақстан үшін. Бәсекелестікке қабілетті экономика үшін. Бәсекелестікке қабілетті халық үшін. Қазақстан халқына жолдауы // Алматы ақшамы. – Алматы, 2004. – 2б.
2. Глушков В.М. Основы безбумажной информатики. –М.: Наука, 1982.
3. Аймуханова.Г.М. Қазақ тілі сабағында ақпараттық технология негізінде оқушылардың шығармашылығын дамыту // Қазақ тілі мен әдебиеті. – Алматы, 2012. – 3б.
4. Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаевтың «Қазақстанның әлеуметтік жаңғыртылуы: Жалпыға Ортақ Еңбек Қоғамына қарай 20 қадам» // Егемен Қазақстан. – Алматы, 2012. – 5б.

The role of modern information technologies in improving the quality of education²

Sansyzbayeva G.S.,

master student, SuleymanDemirel University, Almaty, Kazakhstan sansyzbaeva.gulzat@mail.ru

Mukhamadi K.T.,

Professor, Suleyman Demirel University, Almaty, Kazakhstan Kuralay_sdu@mail.ru

The article considers the role and importance of new technologies, including information technologies, in increasing students' interest in learning, motivation, expanding their knowledge and improving the quality of their education in the modern information society.

Keywords: pedagogical technologies, information technologies, software, technical means, education system

References

1. *Nazarbayev N.* Básekelestikke qabiletti Qazaqstan úshin. Básekelestikke qabiletti ekonomika úshin. Básekelestikke qabiletti halyq úshin. Qazaqstan halqyna joldaýy. Almaty aqshamy. – Almaty, 2004. – 2b.
2. *Glushkov V.M.* Osnovy bezbumazhnoj informatiki [The basics of paperless Informatics]. – Moscow: Nauka Publ., 1982.
3. *Atymhanova G.M.* Qazaq tili sabaǵynda aqparattyq tehnologıa negizinde oqýshylardyń shyǵarmashylyǵyn damytý. Qazaq tili men ádebieti. – Almaty, 2012. – 3b.
4. Nursultan Ábishuly Nazarbaevtyń «Qazaqstannyń áleýmettik jańǵyrtylýy: Jalpyǵa Ortaq Eńbek Qoǵamyna qaraı 20 qadam». Egemen Qazaqstan. – Almaty, 2012. – 5b.

²This work was supported by grant RFH № 14-06-14029.

Учебная и методическая сущность билингвального обучения в условиях функционирования инновационных образовательных площадок в Крыму

Девлетов Р.Р.,

*д.п.н., профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Крым
remzidevletov@mail.ru*

В данной работе рассматривается современный этап развития образования, характеризующийся широкими поисками инновационных решений. Билингвальное образование в мультилингвальной среде рассматривается как инновация регионального уровня.

Педагогам, работающим в инновационных образовательных площадках архиважно понимать сущность учебного и методического содержания билингвального обучения. Осознание методов, приёмов, средств, принципов и моделей выступает залогом успешного преподавания на билингвальной основе.

Ключевые слова: билингвальное обучение, учитель начальных классов, инновационные образовательные площадки, инновации в образовании, обучение на билингвальной основе, методическая сущность БО, учебная сущность БО.

Для цитаты:

Девлетов Р.Р. Учебная и методическая сущность билингвального обучения в условиях функционирования инновационных образовательных площадок в Крыму [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Devletov.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060115 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Devletov R.R. Educational and methodical essence of bilingual studying in conditions of functioning of the innovative educational sites in Crimea [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Devletov.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060115 (Accessed dd.mm.yyyy)

Современное общество отличается возросшей потребностью к качеству образования, особенно школьного. Традиционные методы, технологии больше не удовлетворяют требованиям родителей и самих учащихся. Трансформация образования и инновационный образовательный «прорыв» становятся как государственным, так и социальным заказом общества к педагогам-практикам.

Передовые школы широко включаются в поиски и внедрения инновационных методик преподавания, технологий обучения языкам.

В полиэтничных и поликультурных регионах особую актуальность и востребованность получает внедрение различных форм, моделей обучения на билингвальной основе. Особую значимость в языковом образовании приобретает решение задач формирования учебного русско-национального двуязычия.

Построить современное инновационное школьное образование невозможно без осознания учителем-практиком, призванным на деле реализовывать данное образование, учебной и методической сущности билингвального образования и воспитания.

Учебная сущность билингвального образования заключается в том, что при таком образовании создаётся возможность постижения мира предметных знаний средствами академического (русского) и второго (крымскотатарского) языков. Таким образом, оба языка из учебного предмета, объекта изучения превращаются в одно из средств, в инструмент приобретения новых знаний и получения билингвального образования [2, с. 32-33.].

Говоря о методической сущности билингвального обучения в узком смысле понимания учитель-практик должен получить ответы на вопросы: «Чему учить на билингвальной основе?», «Как учить на билингвальной основе?», «Почему так, а не иначе учить на билингвальной основе?» и «Зачем учить на билингвальной основе?». Ответы на эти вопросы позволяют учителю понять содержание билингвального обучения; выделить, предложить специфические приёмы билингвального языкового образования; модернизировать применение универсальных методических приёмов сопоставления, сравнения и учебного перевода; построить методически целесообразную стратегию и тактику формирования, развития учебного русско-крымскотатарского двуязычия.

Дидактическая сущность билингвального образования определяется специфическими методами, приёмами, формами, средствами и принципами. На наш взгляд, осознание и понимание учителем билингвальной работы в реализации обучения на билингвальной основе основополагающим выступает опора на следующие принципы:

1) принцип поликультурности и гуманистического развития посредством диалога культур, который трансформируется в мультилингвальном и полиэтничном регионе в статус общедидактического;

2) принцип этнокультурологической направленности обучения и воспитания.

3) принцип проблемного характера обучения, который по мнению В.В.Сафоновой «является одним из основных при установке на билингвальное развитие обучаемых» [4, с.145];

4) принцип деятельностного характера обучения и воспитания, реализующийся в контексте моделирования в учебно-воспитательном процессе педагогических и предметных ситуаций;

5) принцип тесного учебного сотрудничества и взаимодействия учителей, учителей-предметников, воспитателей групп продлённого дня;

6) в процессе освоения знаний изучаемый (крымскотатарский) и академический (русский) языки обучения должны рассматриваться как параллельные способы и средства, как инструмент познания, самопознания и саморазвития;

7) принцип триады – опоры на академический, язык-посредник и изучаемый язык. При этом академический язык предполагает отбор содержания образования и воспитания, т.е. учебного материала, его организации в самом учебном процессе;

8) принцип методической целесообразности и коммуникативной достаточности, сущность которой определяется нами в отборе лингвистического (языкового) и речевого материала, соответствующего этапу обучения и уровню билингвальности обучаемых;

9) принцип метапредметных связей, предполагающий связь предметов языкового, природоведческого, математического, искусствоведческого циклов;

10) принцип ассертивности проводимых уроков на билингвальной основе, который предусматривает предупреждение тревожности, страха и культурно-речевого шока при знакомстве и усвоении аутентичных языковых и культурных материалов [5, с.60].

11) принцип мажорности обучения на билингвальной основе;

12) принцип рассмотрения билингвизма как показателя элитарности личности обучаемого;

13) географический принцип, в соответствии с которым соблюдается учёт тесного взаимодействия в бытовой, культурной сферах двух или более языков в границах определенной административной территории;

Девлетов Р.Р.
Учебная и методическая сущность билингвального
обучения в условиях функционирования инновационных
образовательных площадок в Крыму
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 85–88.

Devletov R.R.
Educational and methodical essence of bilingual
studying in conditions of functioning of the innovative
educational sites in Crimea
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 85–88.

- 14) принцип визуальной насыщенности учебно-воспитательного процесса;
- 15) принцип учёта реализуемой модели билингвального обучения и воспитания;
- 16) принцип всестороннего сотрудничества родителей, педагогов и обучаемых.

Выводы. Понимание и осознание педагогом учебной и методической сущности билингвального обучения и воспитания является основополагающим залогом успешного формирования и развития учебного русско-национального двуязычия и соответственно билингвальной языковой и речевой личности школьника. Знание и умение применять специфическую для билингвального обучения методику обеспечивает рост профессиональной компетентности учителя начальной школы и способствуют формированию у него инновационного педагогического мышления.

Литература

1. Ганаева Е.А. Принципы и методы обучения, реализуемые по образовательным программам высшего образования // *Образование и воспитание*. – 2015. – вып.5. – С. 63-65. – URL <https://moluch.ru/th/4/archive/18/446/> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Девлетов Р.Р. *Трилингвальное обучение в педагогических учебных заведениях Украины*. Симферополь: Оджакъ, 2011. – 340с.
3. Подласый И.П. *Педагогика: учебник для бакалавров / И. П. Подласый*. — 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2012. – 574 с.
4. Сафонова В.В. *Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций*. Воронеж: «Истоки», 1996. – 145 с.
5. Шеремет О.В. *Подготовка будущих учителей начальных классов к орфоэпической работе в условиях трилингвальной учебной среды: Дис. ... к.пед.н.* – Симферополь. – 2015. – 233 с.

Educational and methodical essence of bilingual studying in conditions of functioning of the innovative educational sites in Crimea

Devletov R.R.,

doctor of pedagogical sciences, professor, V.I.Vernadsky Crimean Federal University Simferopol, Crimea remzidevletov@mail.ru

This article examines the modern stage of the education's development which is characterizing with a broad research of innovative solutions. Bilingual education in a multilingual environment is regarded as an innovation at the regional level.

It's very important for the teachers working in innovative educational sites to understand the essence of the educational and methodological content of bilingual education. Awareness of the methods, techniques, tools, principles and models is the key to successful teaching on a bilingual basis.

Keywords: bilingual education, the teachers of a primary school, innovative educational sites, innovation in education, teaching on a bilingual basis

References

1. Ganaeva E. A. Printsipi y metody obucheniya, realizuemiye po obrazovatel'nyim programmam vysshego obrazovanya // *Obrazovaniye y vospitaniye* – 2015. – вып.5. – P. 63-65. – URL <https://moluch.ru/th/4/archive/18/446/> (data obrascheniya: 10.12.2018).
2. Devletov R. R. *Trilingval'noye obucheniye v pedagogicheskyyh uchebnyh zavedeniyah Ukrayini*. Simferopol: Ojak, 2011. – 340 p.
3. Podlasiy I. P. *Pedagogika: uchebnik dlya bakalavrov. 2 izd pererabotannoye i dopolnennoye*. – M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2012. – 574 p.
4. Safonova V. V. *Izucheniye yazykov meshdunarodnogo obscheniya v kontekste dialoga kul'tur y tsivilizatsiy*. Voronezh: Istoki, 1996. – 145 p.
5. Sheremet O. V. *Podgotovka buduschih uchiteley nachal'nyh klassov v orfoepicheskoy rabote v usloviyah trilingval'noy uchebnoy sredy: Dis k. ped. n* – Simferopol. – 2015. – 233 p.

Будущее-прошедшее время на -джакъ эди крымскотатарского языка в сопоставлении с глагольными формами английского языка

Швед Е.В.,

аспирант, кафедра крымскотатарского языка, факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврическая академия, ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского», Симферополь, Республика Крым, Россия kitar.inform@gmail.com

В статье приводятся данные исследования семантических значений крымскотатарского будущего-прошедшего времени на джакъ эди, а также определяются глагольные формы английского языка, передающие эквивалентные значения. Исследование проводится посредством анализа материала художественной литературы семидесяти пяти крымскотатарских авторов. На основании полученных результатов делается вывод о том, что время на -джакъ эди имеет три основных семантических значения: неосуществленное намерение, констатация намерения в прошлом без указания на его осуществление, прошлая договоренность или план произвести действие, а также частный случай с аз кьалды. Устанавливается, что подобные значения имеют соответственно конструкции английского языка будущего перфектного в прошлом Future Perfect in the Past, конструкции с was/were going to с инфинитивом смыслового глагола, будущего простого времени в прошедшем Future Indefinite in the Past, а также конструкции was/were about to + инфинитив и конструкции прошедшего простого времени Past Simple Tense в сочетании со словами almost и barely.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, английский язык, будущее-прошедшее время, будущее в прошедшем, глагольная форма

Для цитаты:

Швед Е.В. Будущее-прошедшее время на -джакъ эди крымскотатарского языка в сопоставлении с глагольными формами английского языка [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Shved.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060116 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Shved E.V. Crimean Tatar Future-Past Tense Ending in -джакъ эди Contrasted With English Verb Forms [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Shved.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060116 (Accessed dd.mm.yyyy)

Глагольная система прошедшего времени крымскотатарского языка состоит из двенадцати глагольных форм, к которым принадлежит и аналитическая форма будущего-прошедшего времени на джакъ эди. В трудах тюркологов предлагается их общая классификация, но не до конца исследован вопрос функционального употребления каждой из форм. По этой причине представляется актуальным посредством анализа художественной литературы крымскотатарских авторов определить сферу употребления каждой из глагольных форм и сопоставить их с глагольными формами английского языка, для которого также характерна развитая система прошедшего времени (четыре структурно прошедших и два функционально прошедших времени). Данная статья продолжает начатое автором исследование глагольных форм прошедшего времени крымскотатарского языка и сопоставление их с глагольными формами английского языка. Научная

новизна исследования заключается в том, что сопоставление глагольных форм крымскотатарского языка, и, в частности, формы будущего-прошедшего времени, с формами английского языка проводится впервые. Окончательная цель исследования — предложить описание структуры и семантического функционирования всех двенадцати глагольных форм прошедшего времени крымскотатарского языка в сопоставлении с глагольными формами английского языка. Для достижения этой цели выполняются следующие задачи: выявляется спектр семантических значений глагольной формы на джакъ эди на основании употребления в художественной литературе, определяются близкие им по своему семантическому значению глагольные формы английского языка и проводится сопоставление их семантических полей.

Форма будущего-прошедшего времени (далее — БПВ) на джакъ эди характерна не только для крымскотатарского языка. В древних памятниках эта форма (на дачы эрти) выражает тенденцию к совершению действия в прошлом, возможность или необходимость его совершения, а при наличии условия приобретает значение сослагательного или предположительного наклонения [8, с. 189; 6, с. 87]. Форма БПВ со значением неосуществленного намерения присутствует в некоторых современных тюркских языках, например, в турецком в виде формы на асакти [7, с. 140], в кумыкском в виде формы на -жакъ эди со значением действия, которое для известного прошлого момента представлялось как возможное будущее, но фактически не осуществилось [3, с. 116–118], в башкирском в виде формы на асак ине со значением возможности сделать что-либо в будущем и отнесением этой возможности в плоскость прошлого [2, с. 154]. В татарском языке форма на ачак иде выражает следование по отношению к определенному моменту прошлого, причем реальность или ирреальность действия рассматривается к этому определенному моменту прошлого, а не к моменту речи [14, с. 121]. Для А.А. Юлдашева эта форма однозначно принадлежит полю сослагательного наклонения, так как обозначает не реальное действие, а всего лишь предположение о возможности или невозможности действия при наличии или отсутствии условия [16, с. 263]. В крымскотатарском языке форма БПВ обозначает действие, которое говорящий намеревался осуществить в ближайшем будущем, но не осуществил [10, с. 474]. С этой характеристикой соглашается Д. Кавицкая (D. Kavitskaya), называя эту форму counterfactual past (контрфактическое прошлое) [18, с. 68]. Л.И. Караева утверждает, что форма БПВ выражает реальное действие, но не дает ответа на вопрос, может ли эта форма передавать сообщение о действии, которое впоследствии было осуществлено [4, с. 131–132].

В английском языке существует несколько конструкций для выражения отношений между прошедшим и будущим. Две конструкции (а именно would + инфинитив и was / were to + инфинитив в значении неизбежности, предопределенности) гарантируют осуществление выражаемого глаголом действия. Остальные конструкции (was / were going to + инфинитив; глагол в форме Past Continuous Tense; was / were about to + инфинитив; а также was / were to + инфинитив в значении договоренности) предпочитают толкование неосуществленного намерения [19, с. 218–219]. Для выражения сообщения о действии, которое намеревались сделать в прошлом, употребляются конструкции Future in the Past с was / were going to + инфинитив, was / were about to + инфинитив) [17, с. 265; 19, с. 218].

В результате анализа более ста пятидесяти случаев употребления этой формы были обнаружены семантические значения, которые можно разбить на следующие группы:

1. Неосуществленное намерение или действие, которое могло бы осуществиться при определенных обстоятельствах. С данным значением форма БПВ встречается в сложноподчиненных условных предложениях. В придаточном предложении условия содержится информация о том, какое обстоятельство могло бы способствовать или препятствовать осуществлению действия в главном предложении. Сиз багъладыньызмы буларны, ана? — деп сорады огълу. — Багъламагъан олсам, боран кыйыр-чыйыр этип, бутюн мейваны тѣкеджек эди. Не, ярамаймы, ёкъса? [13, с. 174]. (Мама, это вы их завязали? — спросил сын. — Если бы не завязала, буран все бы перекорезил, все фрукты побивал бы.) (Здесь и далее перевод автора – Е. Ш.) В данном случае в придаточном условном

содержится информация о том, что помешало осуществлению действия главного предложения: если бы мама не перевязала ветви деревьев, то сильный ветер посбивал бы все фрукты (тёкеджек эди). ...эгер онъа да алтын юклеген олсам, анама джаяв джурип кельмек керек оладжакъ эди. Мен оны аджып, девеге отурттым, — дей [9, с. 93]. (...если бы я нагрузил на него золото, он до моей мамы должен был бы идти пешком. А я его пожалел, на верблюда посадил, — сказал он.)

В английском языке в данном случае требуется использовать сложноподчиненное предложение с придаточным условия с союзом *if* (если). Данный тип предложения показывает, что при выполнении определенных условий нечто могло бы произойти, но не произошло [17, с. 265]. Такую форму В.Л. Каушанская называет *Future Perfect in the Past* [5, с. 126]. В придаточном предложении будет употребляться конструкция с глаголом в прошедшем перфектном времени *Past Perfect Tense*, а в главном предложении будет стоять конструкция *would + перфектный инфинитив*: *If I had not tied them up, the wind would have beaten all of the fruit to the ground.* (Если бы не завязала, ветер все перекорезил бы, все фрукты посбивал бы.) *If I had loaded him with gold, he would have had to walk to my mother on foot.* (Если бы я нагрузил на него золото, он до моей мамы должен был бы идти пешком.)

2. В простом предложении форма БПВ выражает прошлое намерение или план осуществить действие. Лякин Азамат акъай яньылды: биринджи эгиз таньда ёлгъа чыккып, Симферополь бетке ёнеген эди. Ондан да Багъчасарайгъа етип, озь огълуны текиелерден араштыраджакъ эди [1, с. 92]. (Однако Азамат акъай ошибся: первый близнец вышел в путь на рассвете и направился в сторону Симферополя. Перейдя оттуда в Бахчисарай, он намеревался искать сына по монастырям.) В данном примере констатируется намерение араштыраджакъ эди (намеревался искать) одного из близнецов заняться поисками сына по достижении города Бахчисарая. Был ли данный план осуществлен или нет, в повествовании не говорится. В следующем примере также видно наличие намерения. Из последующего повествования следует, что некоторые обстоятельства помешали его осуществлению. Энди эр шей кечип кетти, ана, — деди, кулюмсиреген алда. — Памукъ осюмлигини кестинь, деп, мени бастырыккъа кьойдураджакъ эди [15, с. 216]. (Сейчас все уже прошло, мама, — сказал он, улыбаясь. — Хотели меня в тюрьму посадить, обвинив меня в том, что я срезал куст хлопка.) Употребление формы БПВ кьойдураджакъ эди (хотели посадить) в данном примере говорит о том, что в прошлом было намерение осуществить действие (упечь говорящего за решетку на основании обвинения в воровстве). Из дальнейшего повествования следует, что намерение не было осуществлено.

В английском языке в данном случае из нескольких возможных конструкций *Future in the Past* необходимо использовать конструкцию *be going to* в прошедшем времени, которая чаще всего несет значение неосуществившегося намерения [19, с. 218]: *The police were going to charge her, but at last she persuaded them she was innocent.* (Полицейские намеревались обвинить ее, но в конце концов она убедила их в своей невиновности.)

3. Значение прошлой договоренности или плана действий: Чобан: — Бизим базарлыгъымыз бар эди де, косе шорбаджы, ким де дарылса, дарылган кишининь алты тасма къайышыны чыкъараджакъ эдик, — деп косени тута да аркъасындан алты тасма къайышыны чыкъара [9, с. 220]. (Чобан сказал: — У нас был договор, безбородый хозяин, что кто начнет браниться, с того человека мы снимем шесть кожаных ремней, — а потом взял безбородого и снял с его спины шесть кожаных ремней.) В тексте говорится о договоренности (вырезание ремней из кожи), которая осуществилась. Къыз: — Ким де бойле мейданлыкъ ичинде, менден кьоркъмай, менимнен куреш этсе, мен онъа кьоджагъа чыкъаджакъ эдим, — дей де, шу ерде онъа кьоджагъа чыкъаджагъыны анълата [9, с. 178]. (Кто на этом месте, не побоявшись меня, со мной поборется, я за того выйду замуж, — сказала и там же объявила, что выйдет за него замуж.) Здесь также говорится о прошлом намерении кьоджагъа чыкъаджакъ эдим (я выйду замуж). Оно должно осуществиться при выполнении условия (участие в борьбе). Условие было выполнено, и поэтому намерение тоже осуществилось.

В английском языке в данном случае используется конструкция со вспомогательным компонентом *will* в прошедшем времени: *I would marry that person.* (Я выйду замуж за этого человека.) Согласно грамматике английского языка, эта конструкция является подлинной конструкцией «будущего в прошедшем», так как в некотором роде гарантирует осуществление будущего действия [19, с. 218].

В следующем примере форма БПВ еще более конкретно указывает на существующий, четко оговоренный план действий на будущее. Это некий взгляд из настоящего на строящиеся в прошлом планы, которые должны были осуществиться позднее: *Бу проект боюнджа Тюркие топракъларында Юнан империясы яратылып, меркезий шеэри — Константинополь (Истанбул) оладжакъ эди. Яны кьурулган империянынъ башында исе Екатеринанынъ торуны — Константин булунаджакъ эди. Проектнинъ шартына бинаэн Юнан империясынынъ мустакъиллигини Русие ве Австрия теминледжек эдилер* [12, с. 82]. (В соответствии с этим проектом, на землях Турции должна была быть сформирована Греческая империя, а столицей ее должен был стать Константинополь (Истанбул). Во главе новообразованной империи должен был быть внук Екатерины Константин. В согласии с условиями проекта, независимость Греческой империи должны были обеспечивать Россия и Австрия.) Из самого текста неясно, какие из договоренностей осуществились, а какие нет. Здесь просто констатируется принятый в прошлом план действий на будущее: *Константинополь оладжакъ эди — столицей будет Константинополь, Константин булунаджакъ эди — главой будет Константин, Русие ве Австрия теминледжек эдилер — Россия и Австрия будут обеспечивать независимость.* С таким же значением в английском языке употребляется конструкция с модальным глаголом *will* в прошедшем времени (*would + инфинитив*), конструкция с *be to* в прошедшем времени (*was / were to + инфинитив*), если действие с большой степенью вероятности осуществилось, или конструкция с *be going to* в прошедшем времени (*was / were going to + инфинитив*), если действие скорее всего не осуществилось [19, с. 218]. *Tom sulked in a corner and exalted his woes. He knew that in her heart his aunt was on her knees to him, and he was morosely gratified by the consciousness of it. He would hang out no signals, he would take notice of none* [20, с. 26]. (Том дулся в углу и превозносил свои страдания. Он знал, что в сердце его тетушка стояла перед ним на коленях, и от сознания этого он мрачно получал удовлетворение. Он не будет подавать никаких сигналов, он никого не будет замечать.) Глагольные формы *would hang out (no signals), would take notice (of none)* (не будет подавать (сигналы), не будет (никого) замечать) выражают намерение действующего лица не производить действие в будущем. Из дальнейшего повествования следует, что намерение было осуществлено.

4. Особое внимание следует уделить частному случаю употребления глаголов в форме БПВ в сочетании с выражением *аз кьалды*. В данном случае однозначно указывается, что действие было близко к своему осуществлению, но не осуществилось, так как этому препятствовали некоторые обстоятельства. *Сёзге Эмир Файыкъ кьошулды. — Аз кьалды акьылымдан чыкьаджакъ эди[sic], — деди о* [11, с. 251]. (К разговору присоединился Эмир Файыкъ. — Еще чуть-чуть, и я бы с ума сошел, — сказал он.) *Бир кьач койде байларнынъ кьаралтыларыны якътылар, топракъларыны, ахырларындаки ашлыкъларны тутып алдылар. Аз кьалды дёрт-беш кой топланып, исьян котереджек эдилер...* [1, с. 285]. (В нескольких деревнях сожгли усадьбы богачей, а их поля и зерно в сараях забрали себе. Еще чуть-чуть, и четыре-пять сел, собравшись, подняли бы бунт...) *Шерифов бир кунь шамарыны мангълайына урды да: — Тамилла, аз кьалды унутаджакъ эдим, — деди...* [13, с. 26]. (Шерифов вдруг ударил себя по лбу и сказал: — Тамилла, я чуть не забыл. (Букв.: Еще бы чуть-чуть, и я бы забыл.)) В каждом из приведенных примеров форма БПВ *чыкьаджакъ эди (сошел бы с ума), исьян котереджек эдилер (подняли бы бунт), унутаджакъ эдим (забыл бы)* предваряется фразой *аз кьалды (чуть-чуть, вот-вот; букв.: немного осталось)*, которая однозначно сигнализирует неосуществление описываемого далее действия, которое необратимо состоялось бы, если бы ему не воспрепятствовали другие обстоятельства.

В английском языке с эквивалентным значением употребляется конструкция *be about to*, которая передает мысль о том, что действие должно было вот-вот состояться, но по какой-то причине

не состоялось [19, с. 218]: He was about to hit me. (Он чуть меня не ударил / Еще чуть-чуть, и он бы меня ударил.) Данное значение может также передаваться другими способами, один из которых — сочетание глагола в форме прошедшего простого времени Past Simple Tense и слов almost, barely, hardly (едва, чуть было): I barely escaped. (Я едва спасся.) He almost tripped and fell in the mucky water. (Я чуть было не поскользнулся и упал в мутную воду.) I almost forgot. (Я чуть не забыл. / Я почти забыл.)

Выводы. Как крымскотатарская форма глагола БПВ, так и английские формы будущего в прошедшем Future in the Past используются для выражения действий и состояний, которые должны были или могли произойти после момента времени в прошлом. Время предполагаемого осуществления действия обычно остается в прошлом по отношению к моменту высказывания. На основании примеров из художественной литературы установлено, что часто форму БПВ следует воспринимать не как ирреалис, обозначающий противоположное реальному действию, а как форму для констатации наличия в прошлом плана осуществить действие, без указания на то, осуществилось это действие на самом деле или нет. Крымскотатарской форме БПВ соответствует целый набор разнообразных конструкций английского языка, выражающих взгляд из прошлого на будущее, таких как would + перфектный инфинитив (чаще всего в сложноподчинённых условных предложениях с if), was / were going to + инфинитив, would + инфинитив; was / were about to + инфинитив; almost / barely / hardly + Past Simple Tense.

Литература

1. Болат Ю. Алим (роман). Симферополь: Тарпан, 2009. 384 с.
2. Дмитриев Н.К. Грамматика бакирского языка. М.—Л., 1948. 276 с.
3. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940. 206 с.
4. Караева Л.И. Лексико-семантическая и морфологическая структура форм прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в современном крымскотатарском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.13 / Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2006. 193 с.
5. Каушанская В.Л. Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов / В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер, О. Н. Кожевникова, Е. В. Прокофьева и др. 5-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008. 384 с.
6. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. 192 с.
7. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 312 с.
8. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Ленинград: Наука, 1980. 256 с.
9. Къырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи, ишленильген нешир / Тертип эткенлер: К. Джаманакълы, А. Усеин. Симферополь: КъДжИ «Къырымдевокъув-педнешир» неширияты, 2008. 384с.
10. Меметов А. Крымскотатарский язык. История изучения. Лексикология. Фонетика. Морфология: монография. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2013. 576 с.
11. Нагаев С. Йылнамелердеки излер: Къырымтатар эдебияты акъкъында этюдлар. Ташкент: Гъ. Гулам адына Неширият-матбаа бирлешиеси, 1991. 304 с.
12. Озенбашлы А. Къырым фаджиасы. Сайлама эсерлер. (Трагедия Крыма. Избранные произведения.): Из истории трагической судьбы крымскотатарского народа. Симферополь: «Таврида» неширияты, 1997. 256 с.

Швед Е.В.

Будущее-прошедшее время на -джакъ эди крымскотатарского языка в сопоставлении с глагольными формами английского языка
Язык и текст
2019. Том 6. № 1.С. 89–96.

Shved E.V.

Crimean Tatar Future-Past Tense Ending in -джакъ эди
Contrasted With English Verb Forms
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 89–96.

13. Паши И. Джанлы нишан (роман). Симферополь: «Таврия» неширяты, 1998. 208 с.
14. Татарская грамматика. В 3-х томах. Т. II. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 398 с.
15. Эдемова У. Айдын геджеде (роман). Акъмесджит: Таврия, 2005. 340 с.
16. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1965. 274 с.
17. Greenbaum S. *The Oxford English Grammar*. New York: Oxford University Press Inc., 1996.
18. Kavitskaya D. *Crimean Tatar. Languages of the World/Materials 477: Lincom Europa*, 2010.
19. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar Of The English Language. First Published 1985. London and New York: Longman*, 2012.
20. Twain M. *The Adventures of Tom Sawyer and Adventures of Huckleberry Finn. Penguin Books*, 2002.

Crimean Tatar Future-Past Tense Ending in -джакъ эди Contrasted With English Verb Forms

Shved Ye.V.,

PhD Student, Chair of Crimean Tatar Philology, Department of Crimean Tatar and Oriental Philology, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia kitap.inform@gmail.com

The article researches the semantic meanings of the Crimean Tatar Future-Past Tense ending in джакъ эди, as well as determines the English language verb forms that carry equivalent meanings. The research is based on the analysis of literature written by seventy-five Crimean Tatar authors. The research allows to make a conclusion that the tense ending in -джакъ эди has three main semantic meanings: unrealized intent, relaying of information about a past intention without clarifying whether it was completed, past agreement or plan to carry out an action, and also a separate case involving the construction with аз къалды. It is determined, that similar meanings are carried respectively by the English constructions of Future Perfect in the Past, constructions with was/were going to with an infinitive, constructions with Future Indefinite in the Past, and also constructions with was/were about to with an infinitive, as well as constructions involving Past Simple Tense together with the words almost and barely.

Keywords: Crimean Tatar, English, Future-Past Tense, Future in the Past, verb form

References

1. Bolat Yu. Alim (roman) [Alim (novel)]. Simferopol': Tarpan, 2009. 384 p.
2. Dmitriev N.K. Grammatika bashkirskogo yazyka [Grammar of Bashkir language]. Moscow—Leningrad, 1948. 276 p.
3. Dmitriev N.K. Grammatika kumykskogo yazyka [Grammar of Kumyk language]. Moscow — Leningrad, 1940. 206 p.
4. Karaeva L.I. Leksiko-semanticheskaya i morfologicheskaya struktura form proshedshego vremeni glagola iz "yavitel'nogo nakloneniya v sovremennom krymskotatarskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.13 [Lexical-semantic and morphological structure of indicative mood past tense verb forms in modern Crimean Tatar language. Ph. D. (Philology) diss.]. Tavricheskii natsional'nyi un-t im. V. I. Vernadskogo. Simferopol', 2006. 193 p.
5. Kaushanskaya V.L. Grammatika angliiskogo yazyka. Posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov [Grammar of the English language. Textbook for students of pedagogical institutes]. In V.L. Kaushanskaya, R. L. Kovner, O. N. Kozhevnikova, E. V. Prokof'eva i dr. 5-e izd., ispr. i dop. Moscow: Airis-press, 2008. 384 p.
6. Kondrat'ev V.G. Grammaticheskii stroi yazyka pamyatnikov drevnetyurkskoi pis'mennosti VIII—XI vv. [Grammatical structure of the language of monuments of ancient writing system of VIII—XI cc.]. Leningrad: Publ. Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1981. 192 p.
7. Kononov A.N. Grammatika turetskogo yazyka [Grammar of Turkish language]. Moscow: Publ. Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1941. 312 p.

8. Kononov A.N. Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII—IX vv. [Grammar of the language of Turkic runic monuments of VII—IX cc.]. Leningrad: Nauka, 1980. 256 p.
9. K"yrymtatar khalk" masallary. 2-ndzhi, ishlenil'gen neshir [Crimean Tatar folk tales. 2-nd ed. expanded]. Tertip etkenler: K. Dzhamanak"ly, A. Usein. Simferopol': K"DzhI K"yrymdevok"uvpedneshir neshriyaty, 2008. 384 p.
10. Memetov A. Krymskotatarskii yazyk. Istoriya izucheniya. Leksikologiya. Fonetika. Morfologiya: monografiya [Crimean Tatar language. History of study. Lexicography. Phonetics. Morphology. Monograph]. Simferopol': Publ. KRP Izdatel'stvo Krymchpedgiz, 2013. 576 p.
11. Nagaev S. Iylnamelerdeki izler: K"rymtatar edebiyaty ak"k"ynda etyudlar [Footprints of the years. Stories about Crimean Tatar literature]. Tashkent: G". Gulam adyna Neshriyat-matbaa birleshmesi, 1991. 304 p.
12. Ozenbashly A. K"yrym fadzhiasy. Sailama eserler. (Tragediya Kryma. Izbrannye proizvedeniya.): Iz istorii tragicheskoi sud'by krymskotatarskogo naroda [Crimean Tragedy. Selected Works. From the history of the tragic fortune of the Crimean Tatar people]. Simferopol': Tavrida neshriyaty, 1997. 256 p.
13. Pashi I. Dzhanly nishan (roman) [Live target (novel)]. Simferopol': Tavriya neshriyaty, 1998. 208 p.
14. Tatarskaya grammatika. V 3-kh tomakh. T. II. [Tatar grammar: in 3 vol. Vol. 2]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 398 p.
15. Edemova U. Aidyn gedzhede (roman) [In clear night (novel)]. Ak"mesdzhit: Tavriya, 2005. 340 p.
16. Yuldashev A.A. Analiticheskie formy glagola v tyurkskikh yazykakh [Analytical verb forms in Turkic languages]. A. A. Yuldashev. Moscow: Nauka, 1965. 274 p.
17. Greenbaum S. The Oxford English Grammar. New York: Oxford University Press Inc., 1996. 652 p.
18. Kavitskaya D. Crimean Tatar. Languages of the World/Materials 477: Lincom Europa, 2010. 132 p.
19. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar Of The English Language. First Published 1985. London and New York: Longman, 2012. 1780 p.
20. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer and Adventures of Huckleberry Finn. Penguin Books, 2002. 304 p.

Модернизация учебного перевода как методического приема обучения русскому языку в турецкой аудитории

Шеремет О.В.,

Кандидат педагогических наук, отделение русского языка и литературы, Агрыйский университет имени Ибрагима Чечена, г.Агры, Республика Турция tor_olya.1990@mail.ru

В статье проанализировано понятие учебного перевода как приема формирования профессиональной компетентности будущих филологов в условиях турецко-русского двуязычия. Выявлено, что применение учебного перевода, наряду с приемами сравнения и сопоставления способствуют развитию коммуникативных знаний, умений и навыков личности студентов в овладении русским языком. Подчеркивается тот факт, что в условиях учебного турецко-русского двуязычия использование модернизированного учебного перевода положительно влияет на предупреждение и преодоление культурно-речевого шока. Рассмотрены особенности применения данного приёма при изучении русского языка как иностранного. Проанализирован широкий спектр научно-методических и лингвистических источников, на основании чего предложена классификация билингвальных упражнений по учебному переводу.

Ключевые слова: учебный перевод, турецко-русское двуязычие, приемы сравнения и сопоставления, русский как иностранный, билингвальные переводческие упражнения

Для цитаты:

Шеремет О.В. Модернизация учебного перевода как методического приема обучения русскому языку в турецкой аудитории [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Sheremet.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060117 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Sheremet O.V. Modernization of educational translation as a methodical method of teaching Russian in a Turkish audience [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Sheremet.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060117 (Accessed dd.mm.yyyy)

Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) вне языковой среды имеет свои особенности. Турецко-русский билингвизм предполагает формирование вторичной языковой личности обучаемого с опорой на имеющийся филологический опыт, прежде всего, в родном языке. Значение его, особенно на начальном этапе обучения иностранному языку очень велико: студенты сознательно или бессознательно стремятся к сравнению и сопоставлению лингвистических фактов в двух языках.

Это подчеркивал еще Л.В. Щерба, считая что при обучении на билингвальной основе важно «отгалкиваться от родного языка: учащиеся должны изучать всякое новое, более трудное явление иностранного языка, сравнивая его с соответственным по значению явлением родного языка» [10, с. 96].

В ряде лингводидактических источников подтверждается целесообразность сопоставления фонетических, грамматических, морфологических, синтаксических систем турецкого языка как родного и русского языка как языка обучения.

Проблемами теории и практики перевода занимались такие ученые, как В.Н. Комиссаров, Ю.В. Плеханова, Э. Сепир, Б. Уорф, П.Г. Чеботарев. Методические и лингводидактические особенности учебного перевода в процессе профессиональной подготовки будущих филологов рассмотрены в научных трудах Е.В. Зелениной, В. Шуана. Непосредственно вопросы учебного перевода при обучении РКИ рассматривали И.Э. Абдрахманова, Р.Ш. Адбуллахитов, Р.Э. Назарин, И.Ю. Попович.

Следует подчеркнуть, что отдельную группу исследований, затрагивающих проблему профессиональной подготовки будущих специалистов к использованию учебного перевода в условиях полилингвальной учебной среды составляют работы И.И. Акимовой, Р.Р. Девлетова, Л.С. Селендили.

Методическими приемами, позволяющими реализовать концепцию языкового обучения на билингвальной основе являются сопоставление и сравнение. Однако использование лишь этих приемов не позволило бы в полной мере достичь образовательного результата в профессиональной подготовке будущих филологов. Важное место в этом плане занимает учебный перевод.

Согласно лингвистическим источникам, под переводом следует понимать вспомогательный вид речевой деятельности, в процессе которой осуществляется преобразование речевого сообщения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении смысла этого сообщения [5, С. 193–194]. Также переводом называют точное воспроизведение оригинала через использование другого языка с сохранением единства содержания и стиля [8, с.367].

Анализ научно-методических источников по теме исследования, а также опыт работы в турецкой аудитории позволил сделать следующие выводы: во-первых, проблема формирования переводческой компетенции обучаемых в процессе обучения РКИ остается одной из актуальнейших, поскольку русский язык в данном контексте выступает и как язык будущей специальности и как средство развития вторичной языковой личности студента. Во-вторых, вопрос об использовании собственно учебного перевода в условиях русско-турецкой среды требует более детального рассмотрения. Данная проблема связана с тем фактом, что в последнее время наблюдается положительная динамика в изменениях дипломатических отношений между Турцией и Россией, следовательно, возникает спрос на изучение турецкими студентами русского языка в ходе получения высшего образования. Закономерно, что в результате претерпевает изменение и содержание методики РКИ, в частности, требует пересмотра и обогащения лингводидактическое обеспечение учебного процесса.

В методической литературе принято рассматривать перевод в двух аспектах: как компонент профессиональной компетентности будущего филолога и как способ познания иностранного языка.

Являясь составляющей профессиональной компетентности студента, перевод рассматривается как навык, приобретаемый в ходе профессиональной подготовки. Подчеркнем, что интенсивность формирования переводческих навыков должна коррелироваться с познавательными потребностями и уровнями владения студентами РКИ. Важно также, чтобы актуальность использования перевода была отражена и в предметном содержании дисциплины.

В широком значении перевод играет одну из ведущих ролей при изучении РКИ, поскольку понимание любого языкового материала, предлагаемого студентам, стимулирует их к использованию техники перевода на родной язык. Организация их познавательной деятельности в таком случае предполагает формирование умения находить лексико-грамматические эквиваленты в родном (турецком, курдском, туркменском) языке. Переходу таких умений в навыков способствует выполнение билингвальных переводных упражнений. Таким образом, мы можем говорить об учебном переводе как методическом приеме.

Целесообразность учебного перевода аргументировали в своих научных публикациях Э.Г. Азимов, Л.С. Бархударов, А.Н. Шукин. Р.Р. Девлетов справедливо подчеркивает, что умение переводить с одного языка на другой – это наиболее характерная черта многоязычного индивида [6, с. 29]. Он рассматривает учебный перевод как средство реализации иммерсии в условиях

трилингвальной учебной среды. Нельзя не согласиться с мнением Д. Солвека (Dale Salwak) о том, что углубление в тонкости перевода – прямая задача образования, задача которого – расширение кругозора и развитие аналитических навыков студентов [1]. В.Шуан считает, что учебный перевод позволяет «постичь основы иностранного языка, методы и технику перевода, углубить знания в языке» [9, С.65-66].

Таким образом, сформированность навыков перевода у студентов-филологов способствует формированию билингвальности языковой личности, владеющей умением использовать русский или турецкий языки в зависимости от ситуации общения.

Однако не все ученые придерживаются подобной точки зрения. Против использования учебного перевода при обучении иностранному языку выступал Е.И. Пассов. Он писал, что «перевод – это сознательное сопоставление с родным языком, а при обучении иностранным языкам нужно добиваться именно этой сознательности, а не учить переводу» [7, с. 20]. Сторонники коммуникативного подхода в образовании (Д. Хаймс, Л.М. Камышева, Р. Ладос) считают, что учебный перевод негативно влияет на качество усвоения иностранного языка, поскольку нарушает системность организации коммуникативных навыков на изучаемом языке.

Опираясь на авторитетные источники по лингвистике, лингводидактике, нейролингвистике и методике мы считаем, что использование учебного перевода в процессе изучения РКИ в турецкой аудитории необходимо. Таким образом реализуется ряд важных обще- и частнометодических принципов: опоры на родной язык (Л.В. Щерба), принцип мажорности обучения (Р.Р. Девлетов), принцип междисциплинарности (М.Х. Шхапацева), принцип коммуникативности (HymesD.), принцип профессиональной направленности, систематичности, принцип индивидуальности и дифференциации (О.А. Кучерук), принцип поликультурности (В.В. Сафонова).

Объем использования учебного перевода на занятиях зависит от того, какая модель обучения второму языку реализуется. Анализ научно-методических источников по проблеме билингвизма показал, что принято различать такие модели: дублирующую, аддитивную, паритетную и вытесняющую.

Согласно исследованиям Р.Р. Девлетова, при реализации дублирующей (сопровождающей) модели учебный материал подается на изучаемом языке с последующим переводом на родной язык. Таким образом в языковом сознании студента устанавливаются «устойчивые ассоциативные связи между содержательной единицей и набором соответствующих ей языковых норм» [6, с.193].

В контексте проблемы нашего исследования необходимо отметить, что, согласно дублирующей модели, учебный перевод необходимо использовать особенно интенсивно на начальном этапе знакомства студентов-турок с РКИ (элементарный уровень А1).

Аддитивная модель обучения на билингвальной основе предполагает получение студентами дополнительной информации по изучаемой теме на иностранном языке. Формой подачи учебного материала является устное сообщение преподавателя, дополнительный раздаточный материал, инфографика [6, с.193]. Данный вид модели подходит для занятий со студентами, владеющими русским языком как иностранным на базовом уровне (А2).

Реализация паритетной модели обучения РКИ предполагает использование русского и турецкого языков в ходе организации познавательной деятельности студентов. Отметим, что паритетная модель требует высокого уровня языковой подготовки студентов. Это значит, что уровень владения РКИ должен позволять будущему филологу удовлетворять основные коммуникативные потребности в реальных ситуациях общения с носителями языка. Это соответствует уровням В1-В2. С другой стороны, паритетная модель требует от преподавателя профессиональной компетентности в обоих языках (владение терминологией на русском и турецком языках, знание содержания дисциплины, умение использовать сравнение и сопоставление при объяснении иноязычных фактов на изучаемом студентами языке с учетом их профессиональной направленности и др).

Для вытесняющей модели характерна паритетная роль изучаемого языка в раскрытии предметного содержания [6, с.193]. Ее реализация подразумевает свободное владение двумя языками

и понимание предметного содержания дисциплин, изучаемых в билингвальном режиме (уровни B2-C1).

Формирование вторичной языковой личности должно осуществляться при постепенном переходе от дублирующей модели к вытесняющей. Соответственно, это требует организации учебного процесса с точки зрения интенсивности применения основных приемов двуязычного обучения – сравнения, сопоставления и учебного перевода.

Изучение особенностей использования в билингвальной учебной среде позволяет говорить о двух его видах:

1) целостный учебный перевод (изучение и автоматизация коммуникативных навыков посредством работы над микротекстом (напр., диалогом) и макротекстом. Использование такого типа учебного перевода направленно на преодоление интерференции в русском языке у носителя турецкого языка.

2) фрагментарно-ярусный перевод (используется при переводе словосочетания, языкового клише, предложения или отдельных фрагментов текста. Данный вид учебного перевода может быть осуществлен при аудиальном или визуальном восприятии речевого сообщения.)

Приведем примеры использования данных видов учебного перевода при изучении дисциплины «Türkçe Rusça Çağdaş Metin Çeviri» / «Перевод текстов на турецкий и русский языки», изучаемой на 2 курсе. В задачи данной дисциплины входит формирование и развитие коммуникативных навыков студентов в устной и письменной формах; систематизация знаний по русскому языку на грамматическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом уровнях; формирование переводческой и социокультурной компетенций; развитие умений анализировать и сопоставлять языковые композиционные и выразительные средства; умение работать с двуязычными терминологическими и учебными словарями.

Учебный перевод в условиях русско-турецкой учебной среды используется в ходе выполнения студентами упражнений (за основу взята классификация, предложенная А.Э. Абдрахмановой) [4].

1. Пропедевтические / предпереводческие билингвальные упражнения.

Представляют собой подачу в табличной форме терминологии, лексики по теме, которую предстоит изучить. Направлены на подготовку к распознаванию и воспроизведению незнакомой лексики.

* Ознакомьтесь с лексическим минимумом по теме. Сравните / Sözcüksel yetersizliğiyle tanıştınız. Karşılaştırınız.

Erek dil Язык перевода, язык-реципиент

Kaynak dil Язык-источник, язык-оригинал

Sözlü çeviri Устный перевод

Yazı çeviri Письменный перевод

Edebi çevirinin prensipleri Принципы художественного перевода

* Соедините стрелками следующие термины / Aşağıdaki bulunan terimleri okuyunuz ve oklarıyla birleştiriniz.

Yazı çeviri Язык-источник, язык-оригинал

Edebi çevirinin prensipleri Письменный перевод

Erek dil Устный перевод

Kaynak dil Язык перевода, язык-реципиент

Sözlü çeviri Принципы художественного перевода

* Прочитайте предложение. Из предложенных вариантов выберите точный перевод на русский язык / Cümleyi okuyunuz. Aşağıdaki verilen seçeneklerden doğru çeviriyi bulup işaretleyiniz.

Ruslar sevdiğine GÜVERCİNİM derler.

А) Слово «голубка моя» используется русскими для любимой.

Б) Русские словом «голубка моя» называют любимую.

В) У русских слово «голубка моя» значит «любимая».

* Тренировочные упражнения.

Рецептивно-аналитические.

Используются с целью развития навыков активизировать билингвальное мышление студентов, их умение сопоставлять речевые сообщения на двух языках. Упражнения могут предъявляться как в устной, так и в письменной формах. Выполняя их, студенты работают с двуязычным материалом. В зависимости от цели занятия это может быть термин (слово), словосочетание, предложение, микротекст. Сначала они ознакамливаются с текстом на турецком языке, затем переходят к чтению перевода на русском языке. После этого необходимо сравнить оба текста, проанализировать переведенные выделенные грамматико-синтаксические конструкции и объяснить выбор средств в языке-оригинале (турецкий) и изучаемом (русском) языке; найти ошибки, допущенные при переводе и аргументировать свое мнение.

* Прочитайте тексты. Сравните перевод / Metinleri okuyunuz ve çevirileri karşılaştırınız.

Çeviri dili, kaynak ve erek diller arasında gerçekleşen bir yöntemdir. Çeviri tarihsel süreççerisinde çeşitli biçimlerde tanımlanmıştır. Bu tanımlar daha çok dil, kültür ve iletişim bağlamlarında yoğunlaşmıştır[3, с.2]. Перевод – это способ, используемый между языком оригинала и языком-реципиентом. В ходе исторического процесса он приобретал разные формы. Эти формы наиболее сосредоточены в языке, культуре и общественных отношениях.

Собственно-переводческие упражнения.

В отличие от билингвальных упражнений предыдущего типа собственно-переводческие упражнения выполняются только на примере текста, воспринимаемого зрительно. Различают конструктивные и репродуктивные упражнения. Приведем примеры этих упражнений, используемых в ходе преподавания дисциплины «Türkçe-Rusça Edebi Çeviri» / «Художественный перевод текстов (с турецкого на русский)» на 4 курсе.

а) конструктивные упражнения направлены на перевод и отработку языковых единиц. Задания могут быть сформулированы следующим образом:

* Переведите на русский язык и подберите к выделенным словам синонимы / Rusçaya çeviriniz ve altı çizilen kelimelere eş anlamları bulunuz:

Masal, kimse bilmezdi, öteki, yok olmak, ıvır-zıvır, ahım şahım bir şey, söz etmek, başlamak.

* Переведите на турецкий язык / Türkçeye çeviriniz:

Рассказывать сказку -; никто не купил -; деньги исчезли -; кармашек для мелочей -; прекрасная история -; беседовать о погоде -; занятие началось -

Б) репродуктивные, в процессе выполнения которых перевод осуществляется на уровне коммуникативных единиц (предложений, микро-и макротекстов).

* Прочитайте и переведите текст / Metni okuyunuz ve çeviriniz.

Onun iki masalı vardı. Birikendisinininivebaşkakimsebilmezdi. Ötekiniisededesianlatmıştıona. Sonraikisi de yokolupgitti. Şimdi biz bunlardansözedeceğiz.

O yıl yedi yaşını doldurmuş, sekizine basıyordu. Ona önce bir çanta aldılar. Siyah deri taklid bir çanta. İvır-zıvır şeyleri koymak için güzel bir üstcebi de vardı. Ahım şahım bir şey değildim diye de güzel bir okul çantasıydı işte. Aslında her şey bu çantanın alınmasıyla başladı (С. Айтматов «Белая лодка»).

После ознакомления с художественным текстом предлагаются такие формулировки заданий:

* Напишите пересказ текста на русском языке / Okuduğunuz metni Rusça yazarak anlatınız.

* Составьте и запишите 10 вопросов к тексту на русском языке / Metne göre 10 soru oluşturunuz ve yazınız.

Отличительная особенность собственно-переводческих упражнений состоит в том, что после анализа текста на турецком языке студенты сами делают его перевод. Вслед за известным лингводидактом А.Н. Шукиным, мы считаем, что в процессе выполнения студентами билингвальных переводческих упражнений решаются важные образовательные и предметные задачи [11]. В

частности, в условиях турецко-русской образовательной среды будущие филологи приобретают аналитико-синтетические навыки, помогающие преодолевать интерференционное влияние родного языка. Чётко структурированная система работы по использованию учебного перевода, сопоставления и сравнения как методических приемов способствует предупреждению и преодолению культурно-речевого шока студентов. Они учатся работать над смысловой структурой высказывания, абзацно-фразовым членением текста, усваивают порядок расположения слов (инверсию) и знакомятся с другими синтаксическими явлениями.

Выводы. Рациональное использование перевода в учебном процессе способствует комплексному формированию переводческих умений и навыков, необходимых будущим филологам для осуществления профессиональной деятельности в условиях турецко-русского и русско-турецкого билингвизма. В таком контексте перевод может рассматриваться и как средство профессиональной подготовки студентов и как эффективный учебный прием, используемый наряду с сопоставлением и сравнением. Анализ методических возможностей учебного перевода в билингвальной учебной среде позволяет говорить о целостном и фрагментарно-ярусном видах. Изучение РКИ в турецкой аудитории предполагает использование модернизированных билингвальных переводческих заданий, включающих в себя работу над словом, словосочетанием и текстом.

Литература

1. Dale Salwak. *Translation is a powerful teaching tool* / [Электронный ресурс] URL: <https://www.timeshighereducation.com/content/dale-salwak> (дата обращения: 05.02.2019)
2. Hymes D.H. *On Communicative Competence*. In: J.B. Pride and J. Holmes (eds) *Sociolinguistics. Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin, 1972. PP. 269-293. (Part 2) / [Электронный ресурс] URL: <http://www.homes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-2.pdf> (дата обращения: 08.02.2019)
3. Öztürk İlyas. *Metin Türlerine göre çeviri süreçleri* / İlyas Öztürk. – Sakarya, 1997. 64 s.
4. Абдрахманова, И.Э. *Перевод как средство обучения на уроках родного языка в средних классах общеобразовательной школы: Монография*. – Нижнекамск: изд. Нижнекамского муниципального института «Чишмэ», 2001. 181 с.
5. Азимов Э.Г. *Новый словарь методических терминов и понятий* / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
6. Девлетов Р.Р. *Теоретико-методические основы обучения будущих учителей начальных классов крымскотатарскому языку в условиях трилингвальной речевой среды* : дис.... докт.пед.наук. Симферополь, 2012. 375 с.
7. Пассов Е.И. *Коммуникативный метод обучения иностранному говорению*. М.: Просвещение, 1991. 223с. (2-е изд.)
8. Попович И.Ю. *Место перевода с родного языка в процессе усвоения русского языка как иностранного // Теория и практика общественного развития*, № 2. 2011. С.368-370.
9. Шуан В. *Методика использования учебного перевода в обучении китайских студентов-филологов устной речи на русском языке* : дис. ... к.пед.н. М., 2016. 192 с.
10. Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 1974. 424 с.
11. Щукин А.Н. *Методика обучения речевому общению на иностранном языке*. М.: ИКАР, 2011. 454 с.

Modernization of educational translation as a methodical method of teaching Russian in a Turkish audience

Sheremet O.V.,

PhD (Pedagogy), Department of Russian Language and Literature, Agri Ibrahim Chechen University, Agri, Republic of Turkey top_olya.1990@mail.ru

The article analyzes the concept of training translation as a means of forming the professional competence of future philologists in the context of Turkish-Russian bilingualism. It is revealed that the using of training translation, along with the methods of comparison and comparative studying, could have made the contribution to the development of students's communicative personality. It is emphasized that in the functional bilingualism's conditions modernized training translation has a positive effect on the creation of an assertive educational environment. It also helps to overcome the cultural and speech shock. The features of the using of this method during the study of Russian as a foreign language are considered as well. A wide range of scientific, methodological and linguistic sources has been analyzed, on the basis of which a classification of bilingual translation exercises has been proposed.

Keywords: training translation, Turkish-Russian bilingualism, methods of comparison and comparative studying, assertive educational environment, Russian as a foreign language, bilingual translation exercises.

References

1. Dale Salwak. Translation is a powerful teaching tool / [Available at]: <https://www.timeshighereducation.com/content/dale-salwak> (Accessed: 05.02.2019)
2. Hymes, D.H. (1972) "On Communicative Competence" In: J.B. Pride and J. Holmes (eds) Sociolinguistics. Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, pp. 269-293. (Part 2) / [Available at]: <http://www.homes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-2.pdf> (Accessed: 08.02.2019)
3. Abdrahmanova, I. Je. Perevod kak sredstvo obucheniya naurokah rodnogo jazyka v srednih klassah obshheobrazovatel'noj shkoly: Monografija [The translation as a tool of the teaching within the Mother tongue lessons at the secondary school]. Nizhnekamsk: izd. Nizhnekamskogo municipal'nogo instituta «Chishmje», 2001. – 181 p.
4. Azimov Je.G. Novyjslovar' metodicheskikh terminov i ponjatij / Je.G. Azimov, A.N. Shhukin [The new dictionary of the methodological terms and concepts]. – M.: IKAR, 2009. – 448 p.
5. Devletov R.R. Teoretiko-metodicheskie osnovy obucheniya budushhih uchitelej nachal'nykh klassov krymskotatarskomu jazyku v uslovijah trilingval'noj rechevojsredy : Dis.... dokt.ped.nauk. [The theoretical and methodical bases of the Crimean Tatar language learning of the prospective primary school teacher's within trilingual speech environment. Dr. Sci. (Pedagogy)] . – Simferopol', 2012. – 375 p.
6. Passov E.I. Kommunikativnyj metod obucheniya inostrannomu govoreniu [Communicative method in the studying of the foreign language]. – M.: Prosveshhenie, 1991. – 223 p. (2-e izd.)
7. Popovich I. Ju. Mestoperevoda s rodnogo jazyka v processe usvoeniya russkogo jazyka kak inostrannogo [The role of the translation from the mother tongue] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya, № 2. – 2011. – P.368-370.

Шеремет О.В.

Модернизация учебного перевода как методического приема обучения русскому языку в турецкой аудитории
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 97–104.

Sheremet O.V.

Modernization of educational translation as a methodical method of teaching Russian in a Turkish audience
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 97–104.

8. Shuan V. Metodika ispol'zovanija uchebnogo perevoda v obuchenii kitajskih studentov-filologov ustnoj rechju na russkom jazyke. Dis. ... kand. ped. nauk. [The methodology of using the training translation within the teaching the Russian oral speech of Chinese students. Dr. Sci. (Psychology)], – Moscow, 2016. – 192 p.
9. Shherba L.V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language system and speech activity]. – L.: Nauka, 1974. – 424 p.
10. Shhukin A.N. Metodika obuchenija rechevomu obshheniju na inostrannom jazyke [The teaching of speech communication in foreign language]. – M.: IKAR, 2011. – 454 p.

К столетию Таврического университета: зарождение высшей школы иранистики в Крыму¹

Сухоруков А.Н.,

старший преподаватель кафедры восточной филологии, факультет крымскотатарской и восточной филологии, Таврическая академия (структурное подразделение), КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь, Россия sankafd2004@gmail.com

В данной статье рассматривается история становления и развития преподавания персидского языка и литературы в Крыму в первой половине XX века, указывается на переход от эпизодического преподавания персидского языка в классических медресе к предоставлению академического образования в первом вузе Крыма. Несмотря на постоянные преобразования вуза и его структурных подразделений кафедра персидского языка продолжала работу с 1921 года по 1929. Неизменным руководителем персидского направления на протяжении всего этого времени был профессор Филоненко. При написании статьи автором использованы оригинальные архивные материалы, прежде не получившие широкого распространения в научной среде.

Ключевые слова: Крымский федеральный университет, преподавание, персидский язык, персидская литература, Таврический университет, Крымский педагогический институт, Филоненко.

Для цитаты:

Сухоруков А.Н. К столетию Таврического университета: зарождение высшей школы иранистики в Крыму [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Sukhorukov.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060118 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Sukhorukov A.N. On the centenary of Tavrichesky University: the birth of Iranian higher education in Crimea [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Sukhorukov.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060118 (Accessed dd.mm.yyyy)

В 2018 году главный университет Крыма отметил столетие со дня своего основания. В настоящее время он известен как Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. В состав этого учебного заведения входит восемь академий и институтов, пять колледжей и научных и образовательных центров, 11 филиалов по всему Крыму и 7 научных организаций. Одним из редких направлений, получивших развитие в этом университете, является восточная филология, в частности - изучение персидского языка и литературы.

Вопрос о создании в Крыму востоковедного центра в рамках высшего учебного заведения был поднят ещё на первых учредительных собраниях инициативной группы профессуры, волею судьбы оказавшейся в Таврической губернии.

Формирование востоковедной школы в Крыму происходило не только за счёт специалистов, направленных из крупных столичных университетов, но и на основе квалифицированных местных кадров, так как преподавание восточных языков на Крымском полуострове к тому времени имело

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта 19-011-00030 "Развитие востоковедной мысли в Крыму".

многовековую историю и большой опыт, обусловленный широкими контактами крымской интеллигенции с учёными из Персии, Османской Турции и арабских стран, в первую очередь Египтом.

Появление на территории Крыма носителей персидского языка, учёных и правоведов относится ко второй половине 13 века, когда хан Берке после победоносного похода в Среднюю Азию привёл с собой, по преданию, 1800 уважаемых улемов, чтобы обучить своих подданных исламу. Хан Берке построил для них мечети и медресе «и сделал их обладателями супруг» [12, с.7]. Только переселением значительной части образованного населения из Средней Азии в Крым можно объяснить всплеск научной активности в Крыму в XIV веке. Так, именно здесь на рубеже XIII и XIV столетий был составлен знаменитый латино-татарско-персидский словарь на 164 страницах, более известный как Кодекс-Куманикус. Кроме того, в Солхате, столице Крымского улуса Золотой орды, в начале XIV века было написано крупное богословское сочинение на персидском (!) языке «Каландарнаме». По структуре и тематике оно напоминает «Маснави» Дж.Руми — также состоит из пяти частей, написано тем же стихотворным метром и раскрывает многие аспекты мировоззрения суфиев. Автором его является Абу-Бакр Каландар, вероятно, имам пятничной мечети Кафы, с которым в 1334 году встречался и беседовал арабский историк ибн Баттута в ходе своего знаменитого путешествия.

Ибн Баттута обращает внимание читателя на широкое распространение в Крыму учёных с характерной нисбой – «Хорасани», «Бухарайи», «Табризис» и др., что однозначно указывает на их иранское происхождение. Свидетельства Эвлия Челеби, посетившего Крым в середине 17 века, подтверждают присутствие в прошлом на полуострове значительного числа выходцев из Персии. В частности, Э.Челеби пишет: «В этом городе [Эски Крым / Солхат] похоронено много сот тысяч великих и прекрасных святых из Хорасана, Балха и Кырыма, числу их нет границ и пределов» [8, с.321]. Подробный анализ сохранившихся персидских надписей на отдельных саркофагах поселения вблизи Бахчисарая произведён в исследовании А.А.Иванова «Надписи из Эски-Эрта» [6], который опирается на результаты археологической экспедиции 1924 года под руководством А.С. Башкирова и У. А. Боданинского. А. Иванов, автор отмеченного исследования, приходит к выводу: «Факты заставляют более внимательно отнестись к этнической ситуации на Крымском полуострове в XIV в. и искать тут место, где жили носители персидского языка» [6, с.31].

О степени распространённости персидского языка в Крыму в средние века и влиянии его на развитие культуры и науки на полуострове можно судить также по популярности персидской поэзии при дворе ханов Бахчисарая. Некоторые из них сами пробовали писать стихи, и в их творчестве явно прослеживается влияние персидской литературной традиции. Дополнительным аргументом в пользу тезиса о заметном персидском влиянии на развитие науки в Крыму является наличие многочисленных толковых и двуязычных персидско-арабских и персидско-турецких словарей, хранившихся в различных музеях Крыма. Примечательно, что экспонируемый в музее Бахчисарая Коран XV века, в отличие от традиционных экземпляров, является двуязычным - оригинальный арабский текст сопровождается параллельным переводом на персидский язык. Лингвистический анализ других коранов Крыма на турецком и татарском языках показало, что они являются переводом именно с персидского языка. Другими словами, для крымских переводчиков Корана в средние века персидский язык был более понятным, чем арабский.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании на территории Крымского полуострова на протяжении нескольких столетий (по меньшей мере со второй половины XIII до первой половины XV в.) значительного числа образованного населения, хорошо знакомого с персидским языком. Естественно, что это было бы невозможным без обеспечения культурной и образовательной преемственности поколений и функционирования соответствующих учебных центров.

Известно, что в Крыму в течение нескольких столетий персидский язык преподавался в крупных теологических центрах. Это Кафа (современная Феодосия), Кёзлев (Евпатория), Зынджирлы-медресе в Бахчисарае, а также медресе в селении Дерекой (в последующем вошло в

состав Ялты). Данные об их деятельности разрозненные и лишь отдельные свидетельства подтверждают факт преподавания в них персидского языка и литературы.

Медресе в Дерекое и Зынджирлы-медресе в Бахчисарае действовали до окончательного установления советской власти в Крыму и были окончательно закрыты только в 1921 году. При расформировании этих традиционных учебных центров книги из их библиотечных фондов были переданы в музеи Бахчисарая и Ялты. Анализ изъятой литературы говорит о том, что при обучении персидскому языку в качестве учебников использовались поэтические сборники иранских классиков, прежде всего, «Гулистан» Саади, «Панд-наме» Фарид-ад-дина Атгара и «Маснави» Дж. Руми. Непосредственно грамматике персидского языка особого внимания не уделялось. Упомянутый в 1927 году в архиве Восточного музея Ялты (бывший Дворец Эмира Бухарского) единственный экземпляр грамматики персидского языка, записанный на турецком (османском) языке, является, скорее, исключением, чем правилом.

Попытку привести преподавание персидского языка в соответствие с новой методикой, принятой на Западе, предпринял Исмаил Гаспринский, бывший в своё время городской главой Бахчисарая и ректором Зынджирлы-медресе. Ему удалось собрать в подведомственном медресе большую библиотеку. После закрытия медресе книги разошлись отдельными партиями по всей территории огромной новой страны. Однако специальная печать Зынджирлы-медресе, появившаяся по инициативе Гаспринского, позволила в дальнейшем выявить многих из них в частных и государственных коллекциях.

Из сохранившегося в Бахчисарае персоязычного наследия библиотеки Гаспринского стоит указать на учебник «Краткое руководство по персидскому языку» (ی ف ارس بی ای امن هار هص ال خ) 1891-го года издания. В 1910 году в типографии газеты «Переводчик-Терджиман» вышел целый комплект учебников и учебных пособий, составленных самим И. Гаспринским. В числе этих пособий стоит отметить «Талик-е фарси» [3], представляющую из себя собрание прописей на 48 страницах распространённого в Иране почерка «талик». Гаспринский собрал большую личную библиотеку восточной литературы, в том числе редкие рукописи на персидском языке. Значительная часть этой библиотеки в последующем была передана в дар библиотеке Зынджирлы-медресе [13, с.64]. Сам Исмаил Гаспринский был лишь поверхностно знаком с персидским языком и признавал, что не владеет им в полной мере [7, с.342]. За многочисленные заслуги в области просвещения И. Гаспринский был награжден шахом Персии орденами «Льва и Солнца» IV и III степени. Когда в 1893 году в Бахчисарае проводился 10-летний юбилей издаваемой Гаспринским газеты «Терджиман», с поздравлениями к нему прибыли официальные лица из нескольких стран, в том числе специальные представители шахиншаха Персии.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что в Крыму к началу XX века уже имелся достаточный опыт преподавания персидского языка. Совсем неудивительно, что когда встал вопрос об учреждении в Крыму высшего учебного заведения, вопрос открытия в нём восточного отделения с изучением персидского языка не встретил препятствий.

После октябрьской революции 1917 года группа профессоров киевского университета Св.Владимира, оказавшаяся волею судьбы в Ялте, выступила с инициативой учреждения в Крыму, желательно в Ялте, филиала киевского университета. С самого начала обсуждения формата и структуры высшего учебного заведения в Крыму был поднят вопрос об открытии в нём востоковедного отделения. Ещё в 1917 году этот вопрос рассматривался коллегией профессоров в Ялте, затем в Совете Киевского университета Св.Владимира и на заседаниях университетской комиссии при Таврическом губернском земстве, где неизменно получал поддержку и одобрение. 11 декабря 1917 (28.11.1917 по старому стилю) в Симферополе под председательством С.С.Крыма состоялось заседание комиссии при губернской земской управе с участием делегации коллегии профессоров Ялты. На этом заседании была рассмотрена и предварительно утверждена структура создаваемого университета, а также распределение его факультетов и отделений [11, с.24].

15 мая 1918 года (02.05.1918 ст.ст.) Ялтинская коллегия профессоров постановила выступить с ходатайством о скорейшей открытии в Таврическом филиале университета Св. Владимира

факультета восточных языков или турецко-татарского отделения при историко-филологическом факультете. На всех инстанциях, где проходило обсуждение этого вопроса – Совете Киевского университета Св.Владимира, в Таврическом земстве, в Попечительском Совете Таврического университета – везде высказывалось однозначное мнение о необходимости преподавания востоковедных дисциплин в новом университете [11, с.30].

21 сентября 1918 года (08.09.1918 по старому стилю) состоялось совместное заседание Попечительного Совета с профессорами Таврического университета и делегацией университета Св.Владимира в составе четырёх профессоров, в том числе известного курдоведа и специалиста по народам Закавказья С.А. Егиазарова, который выступил с докладом. В своём обстоятельном докладе он приводил аргументы в пользу незамедлительного открытия при Таврическом университете восточного отделения или целого факультета. Предложение профессора Егиазарова получило поддержку и было решено создать специальную комиссию для выяснения всех обстоятельств и условий открытия востоковедного факультета [11, с.40].

В «Докладе об учреждении Отделения восточных языков», опубликованном в «Известиях Таврического университета», следующим образом раскрываются мотивы руководства университета, настаивавшего на развитии востоковедения в Крыму: «К этому побуждали не только соображения чисто научного интереса, но и в особенности практического характера, а именно, с одной стороны, желание пойти навстречу научным и вообще культурным запросам местного татарского, армянского и греческого населения, так и, в особенности, настоятельная необходимость подготовить контингент образованных людей, которые могли бы посвятить себя службе на Ближнем Востоке или в качестве дипломатических представителей и образованных администраторов, или в качестве преподавателей средних учебных заведений, или, наконец, в качестве коммерческих агентов, знающих экономическую жизнь, нравы и обычаи восточных народов, условия рынков и т.д.» [5, с.41].

К середине мая 1919 года было сформулировано решение о развитии востоковедения в Крыму в рамках отделения на базе историко-филологического факультета, а не как самостоятельного подразделения, как это предлагалось изначально. 15 мая 1919 года (02.05.1919 ст.ст.) на заседании учёного совета историко-филологического факультета Таврического университета было рассмотрено и одобрено предложение об организации Восточного отделения, посвящённого изучению Ближнего Востока. Факультет наметил ряд предметов, преподавание которых он находил желаемым, с тем, чтобы более детальная разработка его учебного плана была представлена преподавателям отделения по мере его формирования. На том же заседании факультет признал желательным установить в составе Восточного отделения три разряда (направления): тюрко-татарской филологии, армяно-грузинской филологии и арабско-сирийской филологии [5, с.41]. Несмотря на отсутствие персидского разряда, преподавание персидского языка, тем не менее, было предусмотрено на разрядах тюрко-татарской филологии и армяно-грузинской филологии [5, с.42].

Для обеспечения полноценного учебного процесса на том же заседании 29 мая (16-го мая ст.ст.) 1919 года одобрено было предложение ввести 5 кафедр (арабской филологии, тюрко-татарской филологии, сирийской филологии, мусульманского законоведения, этнографии) и прибавить в штат историко-филологического факультета 6 ставок для профессоров (по числу кафедр, а также профессора по общей истории) и 6 ставок для преподавателей по языковому признаку, в том числе для преподавателя по персидскому языку [5, с.43].

Постановление Историко-филологического факультета от 29.05.1919 об учреждении Отделения восточных языков было доложено Совету Таврического университета, который на своём заседании 20 июня (07.06.1919 ст.ст.) согласился с мнением факультета и единогласно постановил признать желательным открытие Восточного отделения на Историко-филологическом факультете с 1-го сентября 1919 года и ходатайствовать перед властями об учреждении соответствующих кафедр и финансировании [5, с.43].

В условиях нестабильного военного времени открытие восточного отделения было отложено на неопределённый срок. Решение Совета Таврического университета об открытии восточного отделения было исполнено только в 1921 году - после окончательного освобождения Крыма от армии

Врангеля и закрепления советской власти. Таврический университет сразу же был переименован в Крымский государственный университет имени М.В.Фрунзе, восточное отделение в нём возглавил Н.П.Новицкий.

В новых условиях было решено отказаться от первоначальной структуры отделения. Вместо пяти кафедр было создано четыре языковые, в том числе персидская, которая не была запланирована в 1919 году, а также кафедра Истории Востока. На восточном отделении началась подготовка специалистов в области персидского, арабского, турецкого и татарского языков.

Планировалось, что персидский язык будет преподавать молодой профессор Бекир Чобанзаде, окончивший факультет восточных языков Будапештского университета и преподававший некоторое время в университете Лозанны. Однако сам Чобанзаде порекомендовал на эту должность Виктора Иосифовича Филоненко, выпускника Петербургского университета. Это был прекрасный знаток персидского языка с большим преподавательской и административной деятельности. Филоненко уже хорошо знали в Крыму, - ещё в 1915 году он был назначен директором Симферопольской татарской учительской школы. После революции В. Филоненко, дослужившийся ранее до звания штатского генерала, перешёл работать в 1-ю женскую гимназию. В 1921 году он с готовностью принял приглашение преподавать в Таврическом университете. Две проведённые им пробные лекции (одна по выбору факультета, другая на своё усмотрение) более чем удовлетворили руководство университета, и 19 июля 1921 года В. Филоненко по конкурсу был избран приват-доцентом восточного отделения с правом читать лекции по персидскому языку, персидской литературе и истории Персии [15, с.8]. 3 марта 1922 года Государственный учёный совет Наркомпроса РСФСР утвердил В. Филоненко в должности преподавателя персидского языка, Чобанзаде, как имеющий докторскую степень, этим же указом был утверждён в звании профессора [15, с.12].

Весной 1922 года произошла реорганизация университета, благотворно отразившаяся на деятельности нового востоковедного центра. В результате реформы восточное отделение было преобразовано в отдельный факультет, в рамках которого была сформирована кафедра персидского языка. Возглавил её В. Филоненко. В 1925 году он, благодаря высокой публикационной активности и плодотворной деятельности в нескольких научно-исследовательских центрах Крыма, получил звание профессора [1, с.20].

Первый набор студентов был проведён летом 1921 года. Дмитрий Павлович Урсу пишет: «Учебный план первого года существования восточного отделения носил в значительной мере случайный характер, так как предметы включались под наличных преподавателей. Отсюда такие курьёзы, когда будущим востоковедам читались анатомия и физиология, русский язык, учение о социально-правовых условиях торговли» [16, с.5].

Д.П.Урсу в Государственном архиве Российской Федерации обнаружил документ [4], который позволяет полнее восстановить картину преподавания специальных дисциплин на восточном отделении на первом этапе его функционирования. Среди прочего, он указывает: «Так, в осеннем семестре 1921 года были прочитаны следующие курсы: тюрко-татарский язык, 2 часа в неделю (Чобанзаде), персидский язык, 2 часа (Филоненко), крымское наречие татарского языка, 2 часа (Одабаш). Преподавались такие две исторические дисциплины: историю тюрко-татарского племени (так в тексте. - Д.У.) читал Чобанзаде, а историю Персии - Филоненко» [16, с.5]. Далее со ссылкой на издание Крымского педагогического института от 1928 года [10, с.38-39] Д.П.Урсу сообщает: «Тогда же в КГУ был создан кабинет востоковедения (заведующий Филоненко), здесь собирались источники на восточных языках, специальная литература по ориенталистике, коллекция предметов по крымоведению. Сюда поступили многие книги из личного собрания Филоненко» [16, с.5]. Таким образом, уже на начальном этапе функционирования востоковедного отделения в Крымском университете изучение Персии, и персидского языка в частности, становится, наряду с тюркологией, главным направлением научной и педагогической деятельности.

1922-1923-ые годы стали временем краткого расцвета востоковедного направления в Крыму первой половины XX века. В Крымском государственном университете имени М. В. Фрунзе в эти

годы готовили специалистов в области персидского, арабского, турецкого и татарского языков. Чтение лекций и проведение практических занятий обеспечивали преподаватели самого высокого уровня. Так, профессор А. М. Лукьяненко вёл сравнительное языкознание, а профессор Деревницкий — историю искусств Востока. Каллиграфию преподавал, по мнению специалистов из музея Петербурга, лучший каллиграф России – Осман Акчокраклы, получивший образование сначала в Зынджирлы-медресе, а затем в Аль-Азхар в Египте. Профессор Бекир Чобан-заде читал историю тюрко-татарского племени и тюрко-татарские языки. Восточные языки (кроме персидского) читали А. Одабаш и И. Леманов. Филоненко преподавал студентам персидский язык, персидскую литературу и историю Персии. Что касается преподавания языка, то отведённых на эту учебную дисциплину двух занятий считалось достаточным. В мае 1924 года для чтения лекций студентам Крымского университета приехал академик И.Ю.Крачковский - близкий друг В. И. Филоненко. Крачковский прочитал студентам восточного отделения два спецкурса: «Арабский язык в прошлом и настоящем» и «Арабская литература XIX-XX веков». Здесь, в стенах крымского университета, он встретил своего бывшего преподавателя О. Акчокраклы, который в 1901 году был приглашён преподавать восточную каллиграфию в Петербургском университете на факультете восточных языков [9, с.111].

Деканом факультета восточных языков в это время был профессор Михаил Осипович Гредингер, специалист в области права, человек энциклопедических знаний и прекрасный администратор. О степени его авторитетности может свидетельствовать тот факт, что когда в январе 1923 года было получено распоряжение об учреждении педагогического факультета, правление Крымского университета с просьбой разработать проект нового факультета обратилось именно к декану факультета восточных языков и уполномочило его привлечь в помощь любых специалистов по своему усмотрению [14, с.6].

В конце 1922 года Филоненко подготовил и опубликовал «Персидскую хрестоматию» как пособие для студентов факультета восточных языков [17]. В неё вошли образцы повествовательного характера лёгкой персидской прозы, а также полностью четвёртая («Выгоды молчания») и седьмая («Следы, оставляемые воспитанием») главы полупрозаического-полустихотворного «Гулистана» Саади. Пособие вышло с грифом «Издание Факультета Восточных Языков Крымского Государственного Университета». Как отмечалось в предисловии, хрестоматия была рассчитана на студентов первого и второго курсов. Составитель также указывает на материальные и технические трудности, с которыми пришлось столкнуться в процессе подготовки издания, а именно на отсутствие некоторых персидских букв в шрифте и наборщиков, знакомых с персидским языком. Ограниченность в материальных ресурсах не позволила снабдить хрестоматию словарём. В предисловии автор выразил признательность декану факультета восточных языков профессору Михаилу Осиповичу Гредингеру за предоставление материальной помощи в это сложное время. Автор благодарит также преподавателя Абибуллу Одабаша, вскоре избранного на должность доцента, за помощь в переписке части текстов, преподавателя Леманова - за предоставленную бумагу, студентов первого курса Хондо и Заславского - за помощь в типографии и, особенно, студента второго курса Омер Лютфи Абдуллу - за содействие в чтении корректур [17, с.3]. Обращает на себя внимание факт привлечения студента к такому ответственному делу, как вычитка корректур персоязычного текста, что может свидетельствовать о достаточно высокой квалификации обучающегося, вероятно, знакомого с персидским языком ещё до поступления в университет.

Вслед за первой частью хрестоматии Филоненко планировал выпустить вторую, которая предназначалась бы студентам старших курсов. В ней автор-составитель намеревался поместить, главным образом, образцы классической персидской поэзии из произведений Фирдоуси, Омара Хайяма, Хафиза и других крупных поэтов Ирана X-XV вв. К сожалению, эти планы не удалось осуществить по вполне объективным причинам - ещё в предисловии к первой части хрестоматии составитель дважды указывает на «слишком высокие типографические расценки» [17, с.1]. Эта хрестоматия оказалась единственным опубликованным изданием факультета восточных языков.

Второй набор студентов, проведённый летом 1922 года, стал самым масштабным, - тогда на восточный факультет поступило 90 человек. Изначально обучение было бесплатным, тем не менее, поток желающих получить высшее востоковедное образование в следующие годы заметно уменьшился, что было вызвано как изменением внутривосточной ситуации в Крымской АССР, так и резким ухудшением общего благосостояния населения и массовым голодом. Инициатива руководства университета о выдвигании востоковедного факультета как форпоста востоковедения в масштабах всей страны не получила продолжения.

В начале 1923 года профессор М.О.Гредингер навсегда покинул Крым. В это время выдвигается новая яркая фигура, заметно повлиявшая на судьбу восточного направления в университете – проф. П. И. Новицкий. Ещё в 1921 году он возглавлял восточное отделение, теперь же он стал деканом педагогического факультета и развернул бурную активность, постоянно координируя и согласовывая деятельность с руководителями из Москвы. Постановлением от 31 августа 1923 года Восточный факультет полностью вошёл в педагогический в качестве его составной части. Педагогический факультет (Педфак) получил четыре отделения. Профессора и преподаватели бывшего восточного факультета, наряду с сотрудниками словесно-исторического отделения стали основой научно-учебного персонала нового факультета [14, с.7-8].

Преподавание восточных языков, в т.ч. персидского, проводилось в условиях отсутствия учебно-методической стабильности. Постоянно меняющееся руководство пыталось внести свои коррективы в учебный процесс, что не всегда положительно сказывалось на его результатах. Кроме того, заметно ослабляли позиции востоковедного направления существовавшие идеологические настроения среди преподавателей, многие из которых видели своё будущее скорее на политической арене, чем в качестве учёных или педагогов. Филоненко по этому поводу в письме академику Крачковскому писал: «... в последнюю минуту, когда стало известно, что факультет превращается в отделение, декан и присные его разбежались. Я буквально остался один» [15, с.11].

Структурные изменения продолжились. Им предшествовала инициированная Главпрофобр, высшим органом управления профессиональным образованием в РСФСР того времени, качественная проверка студентов весной 1924 года. По результатам этой проверки педагогический факультет лишился 257 студентов [14, с.10]. Вслед за этим был поставлен вопрос о слиянии педагогического факультета (в котором продолжалось преподавание персидского языка и литературы) с физико-математическим факультетом. Это указание вызвало дискуссии на обоих факультетах, деятели которых выказывали полное отсутствие желания к слиянию факультетов. Тем не менее, 1 октября 1924 года Главпрофобр, как высший орган управления профессиональным образованием в РСФСР того времени, издал указ об объединении факультетов под общим названием «Физико-математический факультет» [14, с.9-10]. Таким образом, студенты-востоковеды, закончившие обучение в 1924 году, в том числе знаменитый в последующем египтолог Ю.Я.Перепёлкин, имели диплом, выпускника физико-математического факультета Крымского государственного университета им. Фрунзе.

Востоковедное отделение продолжило свою работу, хотя в условиях политической нестабильности, его будущее оставалось неопределённым. Настроения этого периода хорошо переданы в переписке Филоненко и его друга академика Крачковского. 19 сентября 1924 года Филоненко пишет: «Лекции ещё не начались. Кажется, будет что-то весьма хаотичное и сумбурное. Восточное отделение пока сохраняется» [15, с.11].

В самом конце 1925 года Крымский государственный университет имени М.В.Фрунзе был преобразован в Крымский педагогический институт (КПИ), а восточное отделение стало именоваться Отделением татарского языка и культуры. Учебно-производственное Бюро назначило руководителем нового подразделения профессора В.И. Филоненко, которому удаётся сохранить персидскую кафедру. В это время своим студентам он преподаёт персидский язык, персидскую литературу, а также читает некоторые общие страноведческие дисциплины, в том числе этнографию тюркских народов. Упомянутый выше О. Акчокраклы, также в определённой степени знакомый с персидским языком, обучал студентов восточной каллиграфии.

Сохранившиеся документы позволяют восстановить общую картину учебного процесса на татарском лингвистическом отделении (бывшем восточном отделении) в 1925-1926 учебном году, т.е. уже после преобразования Крымского государственного университета в Крымский педагогический институт, когда отделение вошло в состав педагогического факультета. Срок обучения составлял четыре года. Обучение стало платным (100 рублей - полная оплата, 50 рублей - для льготных категорий). Первые немногочисленные выпускники покинули стены института летом 1925 года. Платность обучения негативно сказалась на контингенте обучающихся. Так, осенью 1926 года на отделении обучалось всего 38 человек: I курс - 9 человек, II-й - 5, III-й - 9 и IV - 15 (из поступивший 90) [16, с.11].

В 1927 году татарское лингвистическое отделение на педагогическом факультете было преобразовано в отделение татарского языка и культуры. Несмотря на продолжавшиеся структурные изменения, все эти годы кафедра персидского языка и культуры под руководством профессора В. И. Филоненко продолжала существовать, и студенты слушали курс персидского языка.

Представление относительно учебников и пособий, которые использовались в процессе обучения персидскому языку, можно составить, опираясь на фонд личной библиотеки В. И. Филоненко, переданный им незадолго до смерти в дар университету. Так, с большой долей вероятности можно предположить, что основы персидского языка преподавались по «Грамматике персидского языка» (Березин Н., 1853 г., 480 с.). Источником текстов для закрепления теории и практических навыков перевода были «Арабо-персидско-турецко-русские разговоры» (составитель: Ажвердов И., 1900 г., 84 с.), стихи Саади, Хаяма, Фирдоуси, а также упомянутая ранее «Персидская хрестоматия» самого Филоненко. Изучению страноведческих дисциплин помогали такие опубликованные работы, как «Историко-географический обзор Ирана (Бартольд В., 1903 г., 176 с.), «Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении» (Богданов Л.Ф., 1909 г., 146 с.) и несколько фундаментальных трудов на иностранных языках (немецком, французском, английском).

В 1929 году кафедра персидского языка и культуры на отделении татарского языка и культуры в Крымском педагогическом институте была упразднена. В.И.Филоненко был переведён на отделение русского языка и литературы Института по русской литературе. В 1930 году он был избран сотрудником I-го разряда Крымского научно-исследовательского института по секции антропологии и этнографии, в 1932 году возглавил кафедру языков Крымского отдела особого назначения. В середине 1935 году, после начала серии арестов крымской интеллигенции, в т.ч. его бывших коллег по педагогическому институту, Филоненко неожиданно покидает Крым, не оставляя точного нового адреса. Его следы обнаруживаются потом в Каракалпацкой АССР (г.Турткуль, 1935 г.), но уже через год, в 1936 году, он опять переезжает, на этот раз в Нальчик, где возглавил кафедру русской литературы в Кабардинском педагогическом институте, с 1944 г. он работал в Пятигорском институте иностранных языков.

В 1935 году, покидая Симферополь после 20 лет активной работы, Филоненко оставил много воспитанников. Наибольших успехов в области востоковедения достигли два его ученика. Это египтолог Ю.Я. Перепёлкин и тюрколог Э.В.Севортян. Юрий Яковлевич Перепёлкин прослушал у Филоненко неполный курс персидского языка в 1921-1922 г., выпустился в 1924 году и продолжил обучение в Ленинграде, стал доктором исторических наук, сотрудником Института востоковедения АН СССР. Академик Лихачёв в 1980 году назвал его «наиболее крупным египтологом» [2, с.52]. Э.В.Севортян выпустился в 1930 году, потом окончил аспирантуру в Московском НИИ языкознания, был заведующим сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР, деканом филологического отделения Института восточных языков при МГУ, являлся непосредственным научным руководителем многих выдающихся тюркологов, в т.ч. К.М.Мусаева.

Своё особое отношение к Крымскому государственному педагогическому институту Филоненко продемонстрировал, передав в дар ему свою богатейшую личную библиотеку, насчитывавшую 3288 томов, в числе которых имеются редкие издания персидских классиков, Коран 17 века и много другой ценной литературы.

После отъезда Филоненко в 1935 году крупных специалистов по персидскому языку в Крыму не осталось. Кафедра персидского языка была упразднена ещё в 1929 году, продержавшись, тем не менее, дольше других восточных кафедр.

Таким образом в середине первой половины XX века произошёл переход от эпизодического преподавания персидского языка в классических медресе к предоставлению академического образования в первом вузе Крыма. Несмотря на постоянные преобразования вуза и его структурных подразделений кафедра персидского языка продолжала работу с 1921 года по 1929. Неизменным руководителем персидского направления на протяжении всего этого времени был профессор Виктор Иосифович Филоненко.

Литература

1. Автобиография Виктора Иосифовича Филоненко, составленная им 8 апреля 1974 г. в г. Пятигорске // *Востоковедный сборник*. - 2002. № 5. С.17-24
2. Вассоевич А.Л. О Ю. Я. Перепёлкине и его научных открытиях / *История Древнего Египта: — Общ. ред., вступит. статья и коммент. д. филос. н. А. Л. Вассоевича. — СПб.: «Летний Сад» — Журнал «Нева», 2000. — 560 с.*
3. Гаспринский И. Народная школа. Комплект одобренных учебников и пособий, с приложением 8-ми образцов из тетрадей для чистописания и 6-ти ученических групп новометодных мектебов разных областей. Бахчисарай, 1910. - 48 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.1565, оп.3, д.192, л.41
5. Доклад об учреждении Отделения восточных языков при Историко-филологическом Факультете Таврического Университета / *Известия Таврического Университета, Книга 2. — 1920, Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства. — С.41-43*
6. Иванов А.А. Надписи из Эски-Эрта / *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. — Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1989. — с.24-31*
7. Исмаил Гаспринский. Полное собрание сочинений. Т. 2. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитметова. — Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. — 384 с., 23 ил.
8. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). — Симферополь: Дар. 1999. — 345 с.
9. Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Изд. 2-е. - М.-Л.: Изд. Академии Наук, 1946, 168 с.
10. Крымский педагогический институт. 1918-1928. — Симферополь, 1928. — С.38-39
11. Маркевич А.И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического Университета / *Известия Таврического Университета, Книга 1. — 1919, Симферополь: Первая Советская Типография. — С.11-42*
12. Резюме “Истории” Тохта Бая / Транскрипция и перевод на рус. яз. Н. Сейитяхья // *Научный бюллетень (Орган НИЦ КГИПУ). — 2002. — № 2. — С. 3-8*
13. Сеитметова С. А. Коллекция арабоязычной и тюркоязычной литературы религиозной тематики в личной библиотеке Исмаила Гаспринского / *Східний світ, 2014, № 1. С.60-70*
14. Сынопалов А.К. Возникновение и организация Крымского педагогического института / *Известия Крымского педагогического института имени М.В.Фрунзе. Книга 1. — Симферополь, 1927. — С.1-10*
15. Урсу Д.П. Востоковед профессор В.И.Филоненко: жизнь и творчество // *Востоковедный сборник*. - 2002. № 5. С. 4-16

Сухоруков А.Н.
К столетию Таврического университета: зарождение
высшей школы иранистики в Крыму
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 105–116.

Sukhorukov A.N.
On the centenary of Tavrichesky University: the birth
of Iranian higher education in Crimea
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 105–116.

16. Урсу Д.П. *Новые архивные материалы по истории востоковедения в Крыму // Востоковедный сборник. - 2001. № 4. С. 3-19*
17. Филоненко В.И. *Персидская хрестоматия. Ч.1. – Симферополь: Издания Факультета Восточных Языков Крымского Государственного Университета, 1922. – 42 с.*

On the centenary of Tavrichesky University: the birth of Iranian higher education in Crimea²

Sukhorukov A.N.

Senior Lecturer at the Department of Oriental Philology, Faculty of the Crimean Tatar and Oriental Philology, Tavricheskaya Academy (structural unit), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia sankafd2004@gmail.com

This article discusses the history of the formation and development of teaching Persian language and literature in the Crimea in the first half of the twentieth century, points to the transition from episodic teaching of the Persian language in classical madrasas to the provision of academic education in the first university of Crimea. Despite the constant transformations of the university and its structural subdivisions, the Persian language department continued to work from 1921 to 1929. Professor Filonenko was the constant leader of the Persian direction throughout this time. When writing the article, the author used rare sources that had not been widely spread in the scientific community before.

Keywords: Crimean Federal University, teaching, Persian language, Persian literature, Tauride University, Crimean Pedagogical Institute, Filonenko

References

1. Avtobiografiya Viktora Iosifovicha Filonenko, sostavlenaya im 8 aprelya 1974 g. v g. Pyatigorske // Vostokovednyj sbornik. - 2002. № 5. pp.17-24
2. Vassoevich A.L. O Yu. Ya. Perepyolkine i ego nauchnyh otkrytiyah / Istoriya Drevnego Egipta: — Obshch. red., vstupit, stat'ya i komment. d. filos. n. A. L. Vassoevicha. — SPb.: «Letnij Sad» — Zhurnal «Neva», 2000. — 560 p.
3. Gasprinskij I. Narodnaya shkola. Komplekt odobrennyh uchebnikov i posobij, s prilozheniem 8-mi obrazcov iz tetradej dlya chistopisaniya i 6-ti uchenicheskikh grupp novometodnyh mektebov raznyh oblastej. Bahchisaraj, 1910. - 48 p.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f.1565, op.3, d.192, l.41
5. Doklad ob uchrezhdenii Otdeleniya vostochnykh yazykov pri Istoriko-filologicheskom Fakul'tete Tavricheskogo Universiteta / Izvestiya Tavricheskogo Universiteta, Kniga 2. – 1920, Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo Gubernskogo Zemstva. – pp.41-43
6. Ivanov A.A. Nadpisi iz Eski-Erta / Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyah Vostoka i Zapada v XII-XVI vekah. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RGU, 1989. – pp.24-31
7. Ismail Gasprinskij. Polnoe sobranie sochinenij. T. 2. Rannyya publicistika: 1879–1886 gg. / Gl. red. R. S. Hakimov; sost. S. A. Seitmemetova. – Kazan' – Simferopol': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. – 384 p., 23 il.
8. Kniga puteshestvij. Tureckij avtor Evliya Chelebi o Kryme (1666-1667 gg.). – Simferopol': Dar. 1999. – 345 p.
9. Krachkovskij I.Yu. Nad arabskimi rukopisyami. Izd. 2-e. - M.-L.: Izd. Akademimi Nauk, 1946, 168 s.

This work was supported by grant RFFI № 19-011-00030 “The development of oriental thought in the Crimea”.²

Сухоруков А.Н.

К столетию Таврического университета: зарождение
высшей школы иранистики в Крыму
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 105–116.

Sukhorukov A.N.

On the centenary of Tavrichesky University: the birth
of Iranian higher education in Crimea
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 105–116.

10. Krymskij pedagogicheskij institut. 1918-1928. – Simferopol', 1928. – pp.38-39
11. Markevich A.I. Kratkij istoricheskij ocherk vozniknoveniya Tavricheskogo Universiteta / Izvestiya Tavricheskogo Universiteta, Kniga 1. – 1919, Simferopol': Pervaya Sovetskaya Tipografiya. – pp.11-42
12. Rezyume “Istorii” Tohta Baya / Tranckripciya i perevod na rus. yaz. N. Sejityah"ya // Nauchnyj byulleten' (Organ NIC KGIPU). – 2002. – № 2. – pp. 3-8
13. Seitmemetova S. A. Kollekcija araboyazychnoj i tyurkoyazychnoj literatury religioznoj tematiki v lichnoj biblioteke Ismaila Gasprinskogo / Skhidnij svit, 2014, № 1. - pp.60-70
14. Synopalov A.K. Vozniknovenie i organizaciya Krymskogo pedagogicheskogo instituta / Izvestiya Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M.V.Frunze. Kniga 1. – Simferopol', 1927. – pp.1-10
15. Ursu D.P. Vostokoved professor V.I.Filonenko: zhizn' i tvorchestvo // Vostokovednyj sbornik. - 2002. № 5. - pp. 4-16
16. Ursu D.P. Novye arhivnye materialy po istorii vostokovedeniya v Krymu // Vostokovednyj sbornik. - 2001. № 4. - pp. 3-19
17. Filonenko V.I. Persidskaya hrestomatiya. Ch.1. – Simferopol': Izdaniya Fakul'teta Vostochnyh Yazykov Krymskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 1922. – 42 p.

Образы мужчины и женщины в дагестанской языковой картине мира (на материале рутульского языка)

Махмудова С.М.

доктор филологических наук, зав. кафедрой «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», институт «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия rutulsveta@mail.ru

Автохтонные дагестанские языки относятся к эргативной типологии, при которой вся языковая система подчинена отражению семантики активности/пассивности субъекта, его участию/неучастию в происходящем с ним или вокруг него событии, влиянию субъекта на объект, активность/пассивность которого тоже контролируется субъектом. В то же время субъект и сам может оформляться разными падежами, выражающими его роль в происходящем или производимом им самим событии. Выражению семантики активности субъекта подчинена вся система склонения рутульского языка, основной семантической составляющей которой является принцип антропоцентризма. В статье обсуждаются особенности отражения мышления народа и его представления об окружающем мире в языке, накладывающие отпечаток не только на языковую картину мира, но и на сам строй языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, дагестанские языки, рутульский язык, лексико-семантические классы имен существительных, образ мужчины, образ женщины.

Для цитаты:

Махмудова С.М. Образы мужчины и женщины в дагестанской языковой картине мира (на материале рутульского языка) [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Makhmudova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060119 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makhmudova S.M. Images of men and women in the Dagestan language picture of the world (based on the Rutul language) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Makhmudova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060119 (Accessed dd.mm.yyyy)

В последнее время в лингвистике наблюдается интерес к особенностям мышления народа, отражающегося в языке, накладывающего отпечаток не только на языковую картину мира, но и на сам строй языка. Материал рутульского языка демонстрирует, что данные особенности мышления народа, отраженные в языке, имеют еще одну особенность – в рутульской языковой картине мира в центре мыслится мужчина.

Рутульский язык относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанских языков. Получил письменность на кириллице в 1991 году, хотя, возможно, был письменным в эпоху Кавказской Албании. Носителей насчитывается около 35 тысяч в России, приблизительно столько же проживает в данное время на своей исконной территории в Республике Азербайджан от города Нуха до правого берега реки Самур.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью рассмотрения фразеологического фонда рутульского языка, отражающего языковую картину мира и особенности менталитета горца, выраженных при помощи устойчивых выражений.

Задачей нашего исследования является выявление своеобразия и национально-культурной специфики рутульских фразеологизмов и паремиологических выражений, рассматривающих роль мужчины и женщины в языковой картине мира.

Целью данного исследования является выявление и сопоставление семантики концептов «Мужчина» и «Женщина» в рутульском языке, в котором, в силу того что язык до 1991 года оставался бесписьменным, сохраняются многие черты грамматики и семантики, не подвергшиеся влиянию языковой агрессии со стороны крупных языков.

“Фразеологизмы возникают на основе образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями” [Телия 1993 с. 302].

Одним из основных образов в языковой картине мира горца является образ мужчины, который язык выводит на первый план, вершину иерархии в субъектно-объектных отношениях. Имена существительные в языке делятся по семантическому принципу на четыре класса, в которых класс мужчин – это первый класс, где никакого имени, кроме названий людей - представителей мужского пола и имени Бога, быть не может:

Ми выгЫлий-иъи
этот-ном.п. муж-ном.п. 1-являться-наст.вр.
Это муж.

Ми Йинишй-иъи
этот-ном.п. муж-ном.п. 1-являться-наст.вр.
Это Бог.

Второй класс – класс женщин, куда входят и названия божеств условного женского пола, как и названия ведьмы и кукол:

Ми кьарир-иъи
этот-ном.п. жена-ном.п. 2-являться-наст.вр.
Это жена.

Ми кьараненийр-иъи
этот-ном.п. ведьма-ном.п. 2-являться-наст.вр.
Это ведьма.

Животные относятся к третьему классу, неодушевленные к четвертому классу, но два последних класса уже не так строго различаются, как класс мужчин и класс женщин. О важности категории мужского и женского классов в дагестанских языках свидетельствует факт отнесения новорожденного ребенка в некоторых диалектах даргинского языка к классу животных – к третьему классу, до тех пор, пока ему не исполнится год, после которого ребенка будут относить к своему по семантику классу.

Образ мужчины и образ женщины – это два важных концепта для языка, однако в языке содержатся сведения о разном отношении к ним. Мужчина представляется гордым, не боящимся ничего, даже смерти, лишь бы не уронить свою честь и честь своей семьи. В конституции горца существует кодекс чести мужчины, который в рутульском языке известен как Абыр, четко регламентирующий поведение мужчины в любой жизненной ситуации. За нарушение этого кодекса мужчина может лишиться чести и даже жизни, самым легким наказанием за нарушение закона гор является изгнание нарушителя и его семьи из селения, что покрывало позором весь его род [Махмудова 2018 с. 75-81].

Своеобразным регламентом поведения для рутулов, однако не таким строгим, как кодекс Абыр, служили пословицы, значение которых для управления повседневной жизнью носителей языка подчеркивает пословица

Гъакъалдахъунарых,
ум- пост-эссив следовать-деепр. идти-имп.

гъакъаладишди – мисаладыхда
ум-абс.п. иметь –нег. когда пословица – пост-эссив
Следуй за своим умом, если ума нет, следуй за пословицей.

если мужчина храбр:
Къадамхъулирхъеди, хъуьгамакъ
Делаяшагвперед, неоглядывайсяназад;

Хъуьлакъадйигитдиш
Тотнехрабрец, ктодумает о последствиях и т.д.,

мужественен -
Выгъылды садагъухуд и, сада йикъид
Мужчинаодинразрождается и одинразумирает,

Об уважении к мужчине свидетельствует рутульская пословица–
Тикъгъдывыгъылдыкибармакаскъухъайиьи
Даже самый маленький мужчина старше женщины на папаху.

Об уважении к мужчине свидетельствует и тот факт, что, по обычаю, все женщины в доме обязаны были встать при входе мужчины, даже если этому мужчине всего три года. Вставала даже бабушка этого мальчика, которая таким образом показывала пример более молодым представительницам женского пола.

Образ женщины в рутульской языковой картине мира в корне отличается от образа мужчины. Женщина здесь ведомая, хранительница очага, которая не должна ничем обнаруживать себя и свое присутствие в обществе, ее поведение четко регламентируют пословицы и фразеологические выражения. Женщина в патриархальном рутульском обществе изначально не достаивается положительной характеристики, как это демонстрирует паремиологический фонд:

а) женщина не отличается умом –
клатъырдыкъулгъад
(букв.) «имеющая голову курицы» (тулая);

хъыдынйдыгъакъалдабне а –лаълурзуйне, саъсивилхъварад
(букв.) «ум женщины в подоле платья – если встанет, ум падает на пол»;

б) женщина не должна высовываться из общей массы, люди не должны о ней ничего слышать: высшей похвалой женщине являются устойчивые фразы:

сада рухури, хъур, иришири, сада – рикъири, хъур
О ней слышали только два раза – в день ее рождения и в день ее смерти”;

дуригъидхъусдыхъаулигъибхъуй
лучше пусть лишится глаза, чем люди слышат ее имя;

къыръыласаърыхъыдхъыдылдыдиш

она никогда не переступала границу своего селения
и так далее;

в) и даже красота женщины, не желательная в доме, передается интересным сравнением:

йибтИидхьырыскалды
(букв.) похожая на связанный веник
очень красивая ;

бытИрадкьари не юргъайиванкъумшияхдайикий!
Красавица жена и конь-иноходец пустьбудут у соседа.

В лакском языке незамужняя женщина относится к классу животных до тех пор, пока не выйдет замуж, после чего попадает в класс людей – женщин. Если девушка не выйдет замуж, то до самой смерти остается в классе животных.

Таким образом, дагестанская языковая картина мира отражает патриархальные взгляды на устройство общества, восхваляя мужчину и принижая женщину, образы которых кардинально противопоставляются в языковой системе, вывод о чем позволяют сделать пословицы и фразеологизмы – тот слой лексики, который создавался тысячелетиями и наиболее точно отражающий менталитет и языковое мышление народа.

Литература

1. Махмудова С. М. (1992) *МыхаИбишдымисалабыр. (Рутульские пословицы). На рутульском языке. Махачкала, Дагкнигоиздат.*
2. Махмудова С. М. *Жемчужины рутульской мысли. Махачкала, 2014.*
3. Махмудова С. М. *О философской основе соматических фразеологизмов в рутульском языке. Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (55), 2016, часть 1. Тамбов, издательство “Грамота”. Стр.154-158.*
4. Махмудова С.М. (2018) *Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта «Этика» («Абыр») в национальной картине мира рутулов. Язык и текст. Т. 5, № 2. Стр. 75-81.*
5. Мокиенко В. М. *Загадки русской фразеологии. М., 2005.*
6. Телия В. Н. (1993) *Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука. С. 302-314.*
7. Телия В. Н. (1996) *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа “Языки русской культуры”.*

Images of men and women in the Dagestan language picture of the world (based on the Rutul language)

Makhmudova S.M.,

Doctor of Philology, head of Department of "Linguodidactics and intercultural communication" of the institute "Foreign languages, modern communications and management", MSUPE, Moscow, Russia rutulsveta@mail.ru

The autochthonous Dagestan languages belong to an ergative typology, in which the entire language system is subordinated to the reflection of the semantics of the subject's activity / passivity, his participation / non-participation in the event happening with him or around him, the subject's influence on the object, the activity / passivity of which is also controlled by the subject. At the same time, the subject himself can take shape in different cases, expressing his role in what is happening or produced by the event itself. The whole system of declination of the Rutul language is subordinated to the expression of the semantics of the subject's activity, the main semantic component of which is the principle of anthropocentrism.

The article discusses the features of the reflection of the people's thinking and their ideas about the world in language, which imprint not only on the linguistic picture of the world, but also on the structure of the language itself.

Keywords: linguistic picture of the world, Dagestan languages, Rutul language, lexico-semantic classes of nouns, the image of a man, the image of a woman

References

1. Mahmudova S. M. (1992) Myhalbishdy misalabyr. (Rutul'skie poslovicy). Na rutul'skom yazyke. Mahachkala, Dagknigoizdat.
2. Mahmudova S. M. Zhemchuzhiny rutul'skoj mysli. Mahachkala, 2014.
3. Mahmudova S. M. O filosofskoj osnove somaticheskikh frazeologizmov v rutul'skom yazyke. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 1 (55), 2016, chast' 1. Tambov, izdatel'stvo "Gramota". Str.154-158.
4. Mahmudova S.M. (2018) YAzykovaya reprezentaciya aksiologicheskoy dominanty koncepta «Ehtika» («Abyr») v nacional'noj kartine mira rutulov. YAzyk i tekst. T. 5, № 2. Str. 75-81.
5. Mокienko V. M. Zagadki russkoj frazeologii. M., 2005.
6. Teliya V. N. (1993) Kul'turno-nacional'nye konnotacii frazeologizmov (ot mirovideniya k miroponimaniyu) // Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. M.: Nauka. S. 302-314.
7. Teliya V. N. (1996) Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: SHkola "YAzyki russkoj kul'tury"

Функционирование названий космических объектов в крымскотатарском языке

Абсемиева Л.С.,

*Старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского» (ФГАОУ «КФУ им. В.И.Вернадского»), Симферополь, Крым, Россия
leniyar.absemieva@mail.ru*

Предметом анализа в статье являются слова, связанные с названиями космических объектов в крымскотатарском языке. Космонимы и астронимы составляют ономастическое пространство, представляя уникальный пласт лексики крымскотатарского языка. Космонимы – названия вселенной, луны, солнца и других космических объектов, область исследования называется космонимией. Названия космических объектов часто встречаются в крымскотатарском фольклоре, народных песнях, поэзии.

Молодая отрасль ономастики крымскотатарского языка практически не изучена. В данной статье исследуются и группируются космические объекты, которые извлечены методом сплошной выборки из фольклорных образцов, поэзии Эшрефа Шемьи-заде. Изучение космонимов и астронимов необходимо, так как они дают бесценный исторический, культурный, этнографический материал.

Ключевые слова: ономастика, оним, космонимия, космоним, астроним

Для цитаты:

Абсемиева Л.С. Функционирование названий космических объектов в крымскотатарском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Absemieva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060120 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Absemieva L.S. Functioning of space objects in the Crimeantatar language [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Absemieva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060120 (Accessed dd.mm.yyyy)

В данной статье рассматриваются космонимы в крымскотатарском языке. В настоящее время есть острая необходимость в изучении крымскотатарских названий реалий небесной сферы. Так как космонимы имеют ярко выраженную национальную, культурную семантику, могут предоставить много интересных фактов лингвистического, географического, исторического характера. С давних времен небесные светила были объектами интереса людей. Они помогали человеку найти нужную сторону света, выйти к намеченной точке какой-либо местности, определять время, а иногда даже выжить. Науку, которая изучает названия небесных тел и космическое пространство, называют космонимикой, а их объекты – космонимами. В ономастике для обозначения астрономических названий употребляют два термина: космоним (космонимика) и астроним (астронимика). В «Словаре русской ономастической терминологии» под редакцией Н.В. Подольской зафиксированы два определения. Астроним как вид онима, собственное имя отдельного небесного тела и космоним – как собственное имя зоны космического пространства [3.]

Названия космических объектов - древний пласт лексики крымскотатарского языка. Космонимы часто встречаются в крымскотатарском фольклоре, народных песнях, поэзии. Очень много названий космических объектов уже забыты, выявить их не представляется возможным.

Как считает В. Д. Бондалетов, космонимы схожи с топонимами. От топонимов космонимы отличаются тем, что их объекты (звёзды, созвездия и др.) в принципе одни для всех народов. Они – межнациональны, интернациональны. [2, 199]

Как отмечает Э. Г. Алим-заде, тюркские названия основных созвездий и связанные с ними традиционные представления позволяют реконструировать их глубинную семантическую доминанту, которая определяется бытом кочевников: на тюркском небе видны засады, охотник, маралухи, пасущиеся кони, разбойники, пытающие украсть коней или девушек. [1, 103]

Поэтому крымскотатарские названия космических объектов имеют соответствия с наименованиями космических объектов с другими тюркскими языками. Например: Кунеш, (Солнце), Ай (Луна), Йылдыз (Йылдыз), Улькер (Плеяды), Чолпан (Венера, Утренняя звезда), Демиркызыкйылдызы (Полярная звезда) и др.

В извлечённых нами материалах первое место среди крымскотатарских космонимов занимает Солнце и единицы с компонентом «солнце». Потому что для крымских татар Солнце – символ света, добра, мощи. Лексема Солнце используется в значении живого образа. К примеру,

Кунеш (Солнце) – догъа (рождает), авуша (движется), къавуша (соединяется), энъе (опускается), таджыны кие (надевает корону), нурларыны сача, сепе, (раскидывает лучи), парылдай (блестит), кунеш нурлары балкылдай (лучи солнца переливаются), джоюла (пропадает), сакълана (прячется), окрашивается в разные цвета: алтын (золотой), ал (алый), кырмазы (красный), бакъыр (медный) и др.

Кунешдогъа, авуша,
Акшамолса, къавуша. [4,50]

Подстрочный перевод:

Солнце рождает, движется,

К вечеру соединяется

Кунешсарды, солды.

Акшамларузакълды. [4,92]

Подстрочный перевод:

Солнце пожелтело, завяло.

Вечера стали длиннее.

Второе место в крымскотатарской космонимической «иерархии» занимает космоним Луна. Человек постоянно чувствует связь с ней. Крымские татары с особым почтением относятся к Луне. Для определения времени более недели крымские татары используют фазу Луны. На Луну нельзя указывать пальцем, долго на нее смотреть. Крымские татары клянутся Луной: Айгъабакъып, ант этем. – Смотри на Луну, клянусь. У крымских татар с месяцем сравнивают только молодых и красивых. К примеру, Айнынъ он дёртно – четырнадцатый день месяца; молодой и красивый. Лексема Луна, так же, как и Солнце, используется в значении живого образа. К примеру, Ай (Луна)-догъа, тува (рождает), корюне (виднеется), янъы ай (молодой месяц), ай тутула (затмение луны), толу ай (полная луна) и др.

Башыкъашкъа – айдыр о, чыбарыйылдыз,
Агъарыпаткъантанъдыр о, сарысы – куньдюз.[4,270]

Подстрочный перевод:

Луна – с отметиной, звёзды пёстрые,

Побелев наступивший это рассвет, жёлтое – день

Третье место занимает Йылдыз (Звезда), для обозначения созвездия – йылдызуюрлери (скопление звёзд). Кроме того, имеются лексемы для обозначения общих понятий небесных светил, производные от слова йылдыз, например: названия звёзд и созвездий: Едиярыкъйылдызуюри (букв. скопление семи ярких звезд, Большая Медведица), Танъйылдызы (Венера, Утренняя звезда), Сары

йылдыз (Юпитер), Къызылйылдыз (Марс), Демиркъазыкъйылдызы (Полярная звезда), Акъбоз-атйылдызы и Кокбоз-атйылдызы (в созвездии Малой Медведицы названия двух звёзд).

Лексемы, производные от йылдыз (звезда), например: къуйрукълыйылдыз (комета, букв.: звезда с хвостом), къуйрукълыйылдызлар (кометы, букв.: звезды с хвостами), зодиакальйылдызуюрлери (зодиакальные созвездия). Для крымских татар звезда являлась особым символом вечности, устремлений, совершенства. Например:

Биркуньдетаньда

ДжетеменЕргеъбарасаркъкъанда,

Акъбоз-атненКокбоз-ат

Куньге селям айткъанда.

Подстрочный перевод:

В один день на рассвете Джетемен

На землю глядя, свисая,

Акъбоз-ат и Кокбоз-ат

Приветствовали солнцу. [6,168]

Джетеменергесанчылса, тань тез олур. [6,281]

Подстрочный перевод:

Если Джетемен вонзится в землю, рано наступит рассвет.

Мор уфукътакуньденалдынЧолпанйылдызуяна.[6,54]

Подстрочный перевод:

На фиолетовом горизонте просыпается звезда Чолпан (Венера, Утренняя звезда).

Крымскотатарские космонимы – кладезь ценнейших сведений о культуре народа, его национальном характере и менталитете.

Литература

1. Азим-задеЭ.Г. К сопоставительному анализу славянских и тюркских названий созвездий// Советское славяноведение. 1980. № 1.
2. Бондалетов В.Л. Русская ономастика – М.: Просвещение, 1983. –224 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
4. Манелервечынълар / Топлагъанвешилеген Риза Фазыл. – Ташкент: ГъафурГъуламадынаэдебиятвесанъатнеирияты, 1975. – 372 с.
5. Меметов А. М. Земаневийкъырымтатар тили. – Симферополь: Къырымдеветокъув педагогика неирияты, 2006. – 320с. – Къырымтатартилинде.
6. Шемьи-заде Э. Ширилрвепозмалар Э. Шемьи-заде – Ташкент: ГъафурГъуламадынанеирияты, 1978. – 220 с.

Functioning of space objects in the Crimeantatar language

Absemieva L.S.,

FGAOU "KFU of V. I. Vernadsky", Simferopol, Crimea, Russia leniyar.absemieva@mail.ru

The subject of the analysis in the article are the words related to the names of space objects in the Crimean Tatar language. Cosmodome and astronomy are onomastic space, providing a unique layer of vocabulary of the Crimean Tatar language. Comanime – name universe, the moon, the sun and other cosmic objects, research is called cosmania. Names of space objects are often found in the Crimean Tatar folklore, folk songs, poetry.

The young branch of onomastics of the Crimean Tatar language is practically not studied. This article investigates and groups space objects, which are extracted by the method of continuous sampling from folklore samples, poetry of EshrefShemya-zade. The study of kosminkov and astronomov necessary, as they provide invaluable historical, cultural, ethnographic material.

Keywords: onomastics, onim, cosmodome, komonen, astronim

References

1. Azim-zade E.G. К сопоставительному анализу славянских и тюркских названий созвездий // Советскославяноведение. 1980. № 1. [On the comparative analysis of Slavic and Turkic names of constellations // Soviet Slavonic studies. 1980. No. 1.].
2. Bondaletov V.L. Russkaya onomastika – M.: Prosveshchenie, 1983. – 224 s. [Russian names – M.: Education, 1983. - 224 p.].
3. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. – M.: Nauka, 1988. – 192 s. [Dictionary of Russian onomastic terminology. - Moscow: Science, 1988. - 192 p.].
4. Manelervechynlar / Toplaganveishlegen Riza Fazyl. – Tashkent: Gafur Gulamadyna ehdebiyat vesan'atneshriyaty, 1975. – 372 s. [Ditties/Riza Fazyl – Tashkent, 1975. – 372 p.].
5. Memetov A. M. Zemanevij qyrymtatartili. – Simferopol': Qyrymdevletoquv pedagogikaneshriyaty, 2006. – 320 s. – Qyrymtatartilinde. [Modern Crimeantatar language, 2006 – 320 p.].
6. Shem'i-zade E.H. Shiirlervepoehmalar E. Shem'i-zade – Tashkent: Gafur Gulamadynaneshriyaty, 1978. – 220 s. [The poems E. Shemji-zade – Tashkent, 1978. – 220 p.].

Проблема перевода звукоподражательных слов в крымскотатарском языке

Аджимуратова З.Н.,

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии, ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского» (ФГАОУ «КФУ им. В.И.Вернадского»), Симферополь, Крым, Россия, lzarema@email.ru

При переводе художественной литературы переводчик сталкивается с проблемой перевода звукоизобразительных слов. Согласно современной теории перевода главной задачей переводчика является целостная и наиболее точная передача содержания текста с сохранением его стилистических и экспрессивных особенностей. Особое место при переводе занимает проблема сохранения и передачи лексических единиц, отражающих национальный колорит оригинального текста.

Казалось бы, при переводе звукоподражаний не должно возникать проблем, и люди, говорящие на разных языках, должны одинаково воспринимать и отражать звуки природы. Но в реальности передача звуков окружающей действительности подчиняется разным языковым традициям и зависит от разных языковых возможностей.

Ключевые слова: перевод, звукоподражательные слова, крымскотатарский язык

Для цитаты:

Аджимуратова З.Н. Проблема перевода звукоподражательных слов в крымскотатарском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Adzhimuratova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060121 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Adzhimuratova Z.N. The problem of translation of onomatopoeic words in the Crimeantatar language [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Adzhimuratova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060121 (Accessed dd.mm.yyyy)

Звукоподражательные слова или ономотопы – это особые языковые знаки, отражающие звуки окружающего мира или звуки, производимые людьми. Эти языковые знаки связаны со слуховым восприятием человека и отражают звуки с помощью фонематических средств языка.

В звукоподражаниях отражаются внеязыковой фактор (изображаемая звуковая действительность) и языковые факторы, в результате чего звукоподражания в структурном отношении приобретают более или менее системный характер.

Каждый переводчик художественной литературы неизбежно сталкивается с проблемой перевода ономотопов. Согласно современной теории перевода основной задачей переводчика является целостная и точная передача средствами другого языка содержания подлинника при сохранении его стилистических и экспрессивных особенностей. Особое место в теории и практике перевода занимает проблема сохранения и адекватной передачи на языке перевода тех лексических единиц, которые отражают национальный колорит оригинального текста [1; 5].

Казалось бы, при переводе звукоподражаний не должно возникать проблем, и люди, говорящие на разных языках, должны быть едины в восприятии и в фонематической передаче звуков природы. Но в реальности передача звуков подчиняется разным языковым традициям и зависит от разных языковых возможностей. Звукоподражания являются единицами языка и используют звуковой состав языка, поэтому они не могут быть полностью идентичными естественным звукам. Каждый язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, и звукоподражания разных языков не совпадают друг с другом, хотя нередко обладают сходством.

К примеру, сравним наименование дерева в языках разных языковых семей:

кр.тат. терек (дрек)

русск. дерево

англ. tree

узб. daraxt

или звуки крика петуха в языках разных языковых семей

кр.тат. кокарекок

каз. kəkərikü

кирг. кукирику

русск. кукареку

тур. kukurikuuu! ü-ürü-üüü

англ. cock a doodle doo

франц. cocorico

нем. kikeriki

швед. kukeliku, klotter, doodle

эстон. kikerikii, kukeleegu

португ. сосогосо

япон. Кокэкокко.

Следовательно, звукообраз имеет много общего в языках как родственных, так и относящихся к разным языковым семьям, но отмечаются и существенные различия в составе фонем.

Как утверждает А.Н. Тихонов, значение звукоподражаний отличается от значения других слов. Общепринятые звукоподражания имеют постоянный состав. Благодаря этому, они одинаково понимаются всеми говорящими на данном языке. Следовательно, за звукоподражаниями закреплено общественно осознанное смысловое содержание. Обладая одинаковой в процессе долгого коллективного применения звуковой формой и постоянным смысловым содержанием, такие звукоподражания выступают в языке как полноценные слова. А.Н. Тихонов имеет в виду только звукоподражания, уже вошедшие в систему, ставшие фактом языка [6, 74-75].

В устном переводе проблема передачи звукоподражаний возникает редко. В письменных же текстах, преимущественно художественных и публицистических, мы встречаем оба основных вида звукоподражаний:

а) лексикализованные – известные всем носителям языка;

б) индивидуальные – переданные так, как их слышит автор.

Лексикализованные звукоподражания имеют устойчивые эквиваленты, иногда далекие по звучанию.

Например, шырылдамакъ – журчать, бурлить.

Яваштан дагъирмагъы чалкъана, шырылдай (журчит).

Вилтхасталыгъы пек телюкелибир шейолсакерек... Не исе, хурулдап башлады (захрапел) [7, 87].

Нелексикализованные, индивидуальные звукоподражания передаются с помощью транскрипции. Например, Сетон-Томпсон характеризует поведение собаки, обозначая индивидуальными звукоподражаниями или транскрипционными переводами разные оттенки ее лая: яп-яп – сердитый лай; йип-йип – веселый лай при виде тетерева; яу-яу-яу – протяжный веселый лай при погоне за оленями; рряп-яп – ненависть к дикобразу.

Къурлуйт! Къурлуйт! (курлык-курлык) Турначыкъ, алтын телликъурназчыкъ [5, с. 31].

Большинство звукоподражаний не имеют устоявшихся языковых параллелей. В таком случае задачей переводчика становится либо поиск функционального аналога, либо создание нового соответствия. При переводе желательно сохранить основные психоакустические характеристики изображаемого звучания.

Азбаргъакирдим. Копеклеравулдап (лая)чаптылар[8, 22].

Буурынъыз, Абдурешид эфенди! — дедиманъа. — Шорба (суп) фена дегиль. Ашамакъмумкюн[8, 18].

Къавепиширмек (сварить) де керекмей[8, 12].

Кошедетыпыр-тыпыр (скряб-скряб), кимдир экенбуишкыр? [5, 17]

В некоторых научных работах можно обнаружить наблюдения, суть которых состоит в утверждении того, что при переводе различных текстов звукоподражания в них в большинстве своем остаются без изменений и без соответствующих эквивалентов, отражающих значение ономотопа в языке перевода [2]. Несомненно, при таком переводе слова, передающие национальный колорит и обладающие особой выразительностью, остаются в тексте перевода малопонятными, чуждыми остальному тексту. Для переводчика важно передать в тексте определенные звучания с помощью фонетических, графических и интонационных возможностей языка перевода.

Бомба патлавларындан (взрыв), гемизтрафындакисувкъайнамакъта, энъджесюрденъизджилер биле буатешягъмасыичин денчыкъалмай чекишелер [8, с. 20].

Арадан учьдакъыкъакечер – кечмез агъач басамакълар дантасыр – тусурэтип (скрипя) экинджи къаткъа котерильген адамнын къатты адымдавушлары эшитильди[7].

Литература

1. Влахов С., Флорин. *Непереводимое в переводе*. - М.: Высшая Школа, 1986. -416с.
2. Германович А. И. *Междометия и звукоподражательные слова русского языка: Автореф. дис. д-ра, филол. наук.* -Симферополь, 1961.
3. Крупнов В.Н. *В творческой лаборатории переводчика*. - М.: Международные отношения, 1976.
4. Меметов А. М. *Земаневийкъырымтатар тили*. – Симферополь: Къырымдеветокъув педагогика неширияты, 2006. – 320с. – Къырымтатартилинде.
5. Саттарова С.С., Саттарова М.С. *Эдебийокъув: 2-нджи сыныф, окъутувкъырымтатартилиндеалыпбарылгъанумумтасильмектеплириичюндерслик*. — Симферополь: «Къырымдевокъувнеднешир» неширияты», 2012. — 192 с.
6. Тихонов А.Н. *Междометия и звукоподражания - слова? [Текст] / А. Н. Тихонов // Русская речь*. - 1981. - № 5. - С. 72-76.
7. Алядин Ш. *Сайламаэсерлер: художественная лит-ра / Ш. Алядин* - Симферополь: Спутник, 2004. - 377 с.
8. Алядин Ш. *Чорачыкълар: Сайламаэсерлер / Ш. Алядин*. - Ташкент: ГъафурГъуламадынаэдебиятвесангъатнешир., 1987. - 560 с.

The problem of translation of onomatopoeic words in the Crimeantatar language

Adzhimuratova Z.N.,

Candidate of philological sciences, senior lecturer of the Department of Crimeantatar Philology, faculty of Crimeantatar and Oriental Philology, Taurida Academy, Crimean Federal University of V. I. Vernadsky" (FGAOU "KFU of V. I. Vernadsky"), Simferopol, Crimea, Russia. lzarema@email.ru

When translating fiction, the translator is faced with the problem of translating sound-producing words. According to the modern theory of translation, the main task of the translator is the integral and most accurate transfer of the text content with preservation of its stylistic and expressive features. A special place in the translation is the problem of preservation and transmission of lexical units that reflect the national color of the original text.

It would seem that the translation of onomatopoeia should not be a problem, and people who speak different languages should equally perceive and reflect the sounds of nature. But in reality, the transmission of the sounds of the surrounding reality is subject to different linguistic traditions and depends on different language capabilities.

Keywords: translation, onomatopoeic words, Crimeantatar language

References

1. Vlahov S., Florin. Neperevodimoe v perevode. - M.: VysshayaShkola, 1986. -416s. [Untranslatable in translation. - Moscow: High School, 1986. - 416c].
2. Germanovich A. I. Mezhdometiyaizvukopodrazhatel'nyeslovarusskogoyazyka: Avtoref. dis. d-ra, filol. nauk. -Simferopol', 1961.[Interjections and onomatopoeic words of the Russian language: autoref. dis. Dr. Phil. sciences'. - Simferopol, 1961].
3. Krupnov V.N. V tvorcheskojlaboratoriiperevodchika. - M.: Mezhdunarodnyeotnosheniya, 1976. [In the translator's creative laboratory. - Moscow: International relations, 1976].
4. Memetov A. M. Zemanevijqyrymtartili. – Simferopol': Qyrymdevletoquvpedagogikaneshriyaty, 2006. – 320s. – Qyrymtartilinde.[Modern Crimeantatar language, 2006 – 320 p.].
5. Sattarova S.S., Sattarova M.S. Edebijokquv: 2-ndzhi synyf, oqutuvqyrymtartilindealypbarylghanumumtasil' mektepleriichyunderslik. — Simferopol': «Qyrymdevoquvpedneshir» neshriyaty», 2012. — 192 s. [Literary reading: for 2 classes, Simferopol, 2012. – 192 p.].
6. Tihonov A.N. Mezhdometiyaizvukopodrazhaniya - slova? [Tekst] / A. N. Tihonov // Russkayarech'. - 1981. - № 5. - S. 72-76. [Interjections and onomatopoeia – words? / A. N. Tikhonov // Russian speech. - 1981. - № 5. - P. 72-76].
7. Alyadin SH. Sajlamaehserler: hudozhestvennaya lit-ra / SH. Alyadin- Simferopol': Sputnik, 2004. - 377 s. [Selected works, Simferopol, 2004. – 377 p.]

Аджимуратова З.Н.
Проблема перевода звукоподражательных слов в
крымскотатарском языке
Язык и текст
2019. Том 6. № 1.С. 126–130.

Adzhimuratova Z.N.
The problem of translation of onomatopoeic words in
the Crimeantatar language
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 126–130.

8. Alyadin SH. Chorachyqlar: Sajlamaehserler / SH. Alyadin. - Tashkent: GafurGulamadyahdebiyatvesanatneshr., 1987. - 560 s. [Slaves: selected works. – Tashkent, 1987. – 560 p.].

Лексико-семантические и лексико-грамматические особенности компонентов парных слов (глаголов и форм глагола) в крымскотатарском языке

Ваапова М.Р.,

Преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И.Вернадского», г. Симферополь, Крым, Россия meret.vaapova@mail.ru

Статья посвящена исследованию лексико-семантических и лексико-грамматических особенностей компонентов парных слов (глаголов и форм глагола) в крымскотатарском языке, имеющих компонентную семантику и участвующих в развитии словарного состава и грамматического строя; для выяснения общих закономерностей слово- и формообразования рассматриваются редуцированные конструкции из разряда сложных слов. Редуцированные конструкции в крымскотатарском языке представляют собой сложные языковые единицы, состоящие из двух слов, где функционирует синтаксическое явление в чисто морфологических целях.

Ключевые слова: редуцированные конструкции, деепричастие, причастие, основа, значение

Для цитаты:

Ваапова М.Р. Лексико-семантические и лексико-грамматические особенности компонентов парных слов (глаголов и форм глагола) в крымскотатарском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Vaapova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060122 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Vaapova M.R. Lexical-semantic and lexical-grammatical features of the components of paired words (verbs and verb forms) in the Crimeantatar language [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Vaapova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060122 (Accessed dd.mm.yyyy)

Особенностью парных глаголов как сложных лексических единиц является то, что их составляющие компоненты выступают парными как в фонетическом (ритмико-интонационном) и морфологическом, так и лексико-семантическом отношениях. С фонетической точки зрения парность подобного сложного глагола заключается в том, что оба его компонента имеют такие отличительные особенности, как наличие одинаковой интонации, отдельного ударения, а также во многих случаях наличие аллитерации, слогового созвучия начальных или конечных компонентов. Рассматривая морфологические особенности парных глаголов, в первую очередь следует обратить внимание на морфологический состав компонентов и самих парных конструкций, изменимость компонентов. С точки зрения морфологии оба его компонента вполне самостоятельны, принадлежат к одной и той же знаменательной части речи, за исключением тех случаев, когда второй компонент является всего лишь бессодержательным созвучием первого компонента. С лексико-семантической точки зрения парные глаголы характеризуются тем, что: 1) оба компонента имеют реальное значение, слагаемое либо из синонимического значения, либо из антонимического; 2) первый компонент имеет реальное лексическое значение, а второй не имеет.

Универсальной лексико-семантической особенностью крымскотатарского языка является то, что редулицированные конструкции встречаются, помимо прилагательных, и среди других частей речи. (Понятие «редулициация» (от лат. reduplicatio - удвоение) в различных трактовках описывает неодинаковый круг явлений - от разнообразных внутрисловных до разнообразных межсловных удвоений, лингвисты обращают внимание на различие в понятиях «редулициация» и «повтор». Под повторами понимаются непосредственно следующие друг за другом повторения одинаковых слов, усиливающие выразительность речи. Часто повторы используются в целях привлечения внимания или интереса к своей речи, мысли, предложению, в то время как при редулициации происходит трансформация грамматического и семантического значений). Если среди прилагательных процесс редулициации способствует усиленному проявлению качества, свойства, заложенного в предмете, то в системе других частей речи выявляются совершенно другие особенности: бара-келе букв. идя-приходя; перен. много раз ходил, приходил, то есть в этих деепричастиях, как формах глагола, проявляется значение собирательной многократности действия, то же самое значение проявляется и среди других деепричастий типа бере-ала (или ала-бере) букв. давая-беря; перен. много раз давал и брал; келе-кете букв. приходя-уходя; перен. много раз приходил и уходил.

Маргаританычагыра-кыдырабашладым [6,197].

Именно присоединение редулицирующего компонента к условно опорному слову способствует проявлению значения многократности действия. Данные конструкции следует рассматривать как полную разновидность редулициации, когда друг к другу присоединяются две разные по значению основы одной части речи.

Шайэтип, йыкыла-тура, кыяларнынастынакельдик [6,428].

Универсальной особенностью этих основ, участвующих в редулициации, является то, что они могут употребляться, меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции, в препозиции: келе-бара бук. приходя-уходя; перен. много раз приходил, ходил, ала-бере букв. беря-давая; перен. много раз брал и давал. Ещё одной особенностью процесса редулициации является то, что, несмотря на перестановку компонентов конструкции, значение многократности сохраняется. Другой особенностью рассмотренных примеров является то, что их компоненты в отрыве друг от друга также могут создавать другие конструкции, например: бара-бара идя-идя; келе-келе приходя-приходя, саллана-саллана качаясь-качаясь.

Мушукылыгы эр кестенсонтьюшти, кевдесиниогтеберип, деве кибисаллана-саллана, кенишадымлар ненгидромониторлар барагыбеткеджонеди [6,257].

Если лексической особенностью редулицированных деепричастных конструкций является выражение значения собирательной многократности, то их грамматической особенностью является возможность спрягаться по лицам и числам.

К числу грамматических особенностей редулицированных конструкций глагольного типа относится то, что они могут употребляться в форме повелительного наклонения с использованием отрицательной частицы -ма/-ме: барма-кельме, не ходи – не приходи; берме-алма, не давай-не бери; кельме-кетме, не приходи-не уходи. Другой грамматической особенностью отрицательных форм повелительного наклонения является то, что они могут образовать деепричастные формы с участием ее аффиксов: бармай-кельмейбукв. не ходя-не приходи; бермей-алмайбукв. не давая-не беря; кельмей-кетмейбукв. не приходи-не уходя.

Грамматической особенностью редулицированных деепричастных конструкцийна-ып/-ип: барып-келип, берип-алып, келип-кетип, атып-тутып, делирип-кытурып является то, что они могут употребляться, меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции - в препозиции: келип-барып, алып-берип, кетип-келип, делирип-кытурып.

Ашагыда Чиль-Сайделирип-кытурыпакыа, учурымнынастындакиташларгы ауруныпайланма каналгы акрип кете [6,372].

Другой особенностью перечисленных основ является то, что их компоненты в отрыве друг от друга также могут создавать редуцированные конструкции типа: келип-келип, барып-барып, кетип-кетип, сыкылып-сыкылып для усиления значения. Во всех деепричастных формах выражается значение многократного совершения действия.

Келинзевкъсефаичинде, кулкуденсыкылып-сыкылыпкъалавеэлинисаллайбере [6,301].

Редуцированными следует квалифицировать и причастные конструкции, образованные именно от тех же глагольных основ, что и деепричастия, с помощью аффикса -гъан/-ген: баргъан-кельген, идущий-приходящий; берген-алгъан дающий-берущий; кельген-кеткен, приходящий-уходящий.

Универсальной особенностью этих основ является то, что они могут употребляться, меняя свои позиции, например, основы, находящиеся в препозиции, могут быть в постпозиции, а основы, находящиеся в постпозиции – в препозиции; ср: кельген-баргъан, приходящий-идущий; алгъан-берген берущий-дающий; кеткен-кельген, уходящий-приходящий.

Грамматической особенностью редуцированных конструкций на -гъан/-ген является то, что они могут употребляться в отрицательной форме. Отрицательная частица -ма/-ме располагается между корнем и аффиксом -гъан/-ген: бармагъан-кельмеген и они склоняются по падежам по образцу имен существительных, и принимают окончание множественного числа -лар/-лер: бармагъанлар-кельмегенлер

Если компоненты деепричастных конструкции в отрыве друг от друга могут создавать редуцированные сочетания, то компоненты причастных конструкции в отрыве друг от друга не могут создавать редуцированных основ.

Литература

1. Ганиев Ф.А. *Образование сложных слов в татарском языке*. М.: Наука, 1982. 150 с.
2. Дмитриев Н.К. *О парных словосочетаниях в башкирском языке // Строй тюркских языков*. М., 1962. С. 133-144.
3. Меметов А. М. *Земаневийкъырымтатар тили / А.М. Меметов – Симферополь: Къырымдеветокъув педагогика нещиряты, 2006. – 320 с.*
4. Меметов А. М., Мусаев К. М. *Крымтатарский язык / А.М. Меметов, К.М. Мусаев – Симферополь: Крымское научно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.*
5. Хабичев М.А. *Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения)*. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во Карачаево-Черкесское отделение, 1971. 304 с.
6. Алядин Ш.Эгерсевсен. *Роман. Текст /Ш. Алядин. –Ташкент:Озбекистан ССР нефисэдебиятдеветнещиряты., 1962. –447с.*

Lexical-semantic and lexical-grammatical features of the components of paired words (verbs and verb forms) in the Crimeantatar language

Vaapovaa M.R.,

*Lecturer of the Crimeantatar Philology faculty of Crimeantatar and Oriental Philology, Taurida
Academy, Crimean Federal University of V. I. Vernadsky" (FGAOU "KFU of V. I. Vernadsky"),
Simferopol, Crimea, Russia merem.vaapova@mail.ru*

The article is devoted to the study of lexical-semantic and lexical-grammatical features of the components of paired words (verbs and verb forms) in the Crimean Tatar language, having component semantics and participating in the development of vocabulary and grammatical structure; to clarify the General laws of the word and form formation, the reduplicated constructions from the category of complex words are considered. The reduplicated constructions in the Crimean Tatar language are complex linguistic units consisting of two words, where the syntactic phenomenon functions for purely morphological purposes.

Keywords: regulirovanie design, gerund, participle, base, value

References

1. Ganiev F.A. *Obrazovaniyeslozhnyhslov v tatarskom yazyke*. M.: Nauka, 1982. 150 s.[Formation of complex words in the Tatar language. M.: Science, 1982. 150p.]
2. Dmitriev N.K. *O parnyhslovosochetaniyah v bashkirskom yazyke // Strojtjurkskihyazykov*. M., 1962. S. 133-144. [On paired phrases in the Bashkir language // System of Turkic languages. M., 1962. P. 133-144]
3. Memetov A. M. *Zemanevijqyrymtartili / A.M. Memetov – Simferopol': Qyrymdevletoquvpedagogikaneshriyaty*, 2006. – 320 s.[Modern Crimeantatar language, 2006 – 320 p.]
4. Memetov A. M., Musaev K. M. *Krymtatarskiyazyk / A.M. Memetov, K.M. Musaev – Simferopol': Krymskoenauchno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo*, 2003. – 288 s.[Crimeantatar language, 2003 – 288 p.]
5. Habichev M.A. *Karachaevo-balkarskoe imennoeslovoobrazovanie (opytsravnitel'no-istoricheskogo izucheniya)*. Cherkessk: Stavropol'skoe kn. izd-vo Karachaevo-Cherkesskoe ot d-nie, 1971. 304 s.[Karachay-Balkar nominal word formation (experience of comparative historical study). Cherkessk: Stavropol book. ed. in the Karachay-Cherkess, 1971. 304 p.]
6. Alyadin SH. *Eger sevsen. Roman. Tekst / SH. Alyadin. – Tashkent: Ozbekistan SSR nefishdebiyatdevletneshriyaty.*, 1962. – 447s.[If you like. 1962 – 447 p.]

Известные американцы и изучение русского языка в США в XIX веке

Зенкевич И.В.,

доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», институт ИЯСКУ, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, syrkevich@rambler.ru

В статье приводятся данные, полученные в ходе исследования процесса популяризации и распространения преподавания русского языка в США в XIX веке, и факты из биографии известных американцев этого периода, доказывающие проявление их интереса к изучению русского языка. Интерес к русскому языку в США в XIX веке носил исключительно личный характер, и до того, как американская система образования и частные фонды обратили пристальное внимание на необходимость внедрения преподавания русского языка в школьную и вузовскую программу, его изучали энтузиасты, небольшое количество американцев, которые руководствовались личными причинами, побуждавшими их обращаться к русскому языку.

Ключевые слова: энтузиасты, русский язык, Новая Англия, север и северо-восток США.

Для цитаты:

Зенкевич И.В. Известные американцы и изучение русского языка в США в XIX веке [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Zenkevich.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060123 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Zenkevich I.V. Famous Americans and learning of the Russian Language in the USA in the XIX century [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Zenkevich.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060123 (Accessed dd.mm.yyyy)

В американском обществе XIX века интерес к русскому языку носил исключительно личный характер. Его изучали в основном выходцы из Новой Англии. Новая Англия, мультикультурный регион, в котором расположены крупные порты, служила воротами в Соединенные Штаты. Ее жители говорили на разных языках, что давало большие возможности для знакомства с иноязычным миром. Личный интерес этих людей готовил почву для дальнейшего становления и развития интереса к России в целом и русскому языку в частности. В жизни каждого из них процесс изучения языка нашей страны носил хаотичный бессистемный характер, что неудивительно в условиях отсутствия учителей и учебных заведений, преподающих русский язык. Эти люди принадлежали к разным сферам деятельности, однако всех их объединял искренний и глубокий интерес к России и русскому языку.

В этом плане значительный интерес представляет деятельность Джеймса Гейтса Персиваля (1795-1856), выпускника медицинского факультета Йельского университета, увлекавшегося поэзией и лингвистикой, который в 1828 г. помогал Н. Вебстеру составлять «Американский словарь английского языка». В 1830 г. он увлекся русским языком. Персиваль учился по русским словарям и грамматикам, английским, немецким и французским работам, посвященным русской поэзии, которая его особенно увлекала. Он заказывал у американских дилеров книги о России, которые читал с большим удовольствием, совмещая изучение языка с изучением культуры страны. Он занимался переводами русской поэзии, которые, из-за недостаточности знаний русского языка, скорее

представляли собой вольные пересказы (например, стихотворений Карамзина, Дельвига, Дмитриева, Державина). На гонорары от них Персиваль покупал книги о России на русском языке.

Миссис Эдвард Робинсон (1797-1870), немка по происхождению, провела с отцом семь лет (по другим сведениям от трех до пяти лет) в Харькове, где тот преподавал в университете, а она изучала славянские языки и литературу и занималась собственным литературным творчеством. Позже, когда ее отца пригласили в Санкт-Петербург, она переехала туда с ним. Выйдя замуж за американского профессора теологии Эдварда Робинсона, она поселилась в Бостоне, а потом в Нью-Йорке, где проявился ее интерес к мировой литературе и собственному литературному творчеству. Сборники ее эссе «Историческое исследование славянского языка и его разновидностей» (1834) и «Историческое исследование языка и литературы славянских наций, сопровождаемое очерками об их поэзии» (1850) г. к концу века привлекли большое внимание как самостоятельные исследования в области славистики [7].

Выдающийся американский поэт и переводчик Генри Уодсворд Лонгфелло (1807-1882) увлекся русским языком в 1859-1860 гг.. Особенно его привлекала идея прочитать в оригинале басни И. С. Крылова, в которых он видел глубину мысли и знания природы поступков человека. Поэт изучал русский у русскоязычного жителя Бостона, однако вскоре занятия прекратились, и Лонгфелло, скорее всего, не смог до конца осуществить задуманное. Возможно, его учителем был донской казак Алексей Евстафьев, русский консул, который, помимо своей основной деятельности, занимался переводами на английский язык с русского драматических произведений, а также писал на английском языке собственные сочинения на политические темы, поэзию и драмы [7:29-30; 39; 5]. По другой версии, Лонгфелло мог брать уроки у итальянца, который до приезда в США жил некоторое время в Москве, но когда оказалось, что учитель сам не владеет русским в достаточной степени, уроки пришлось прекратить [1]. Как бы то ни было, интерес Лонгфелло к России представляется глубоким и искренним. Он не упускал случая побеседовать о нашей стране с теми, кто в ней бывал, а сам часто читал русскую литературу по имевшимся в то время переводам [4].

Просветительская популяризаторская деятельность Лонгфелло огромна: он отредактировал и издал тридцатидвухтомную антологию «Поэзия мест», книги которой знакомили американского читателя с поэзией, географией, культурой, историей, бытом разных стран мира: двадцатый том этой антологии, выпущенный в 1878 г., целиком посвящен России. Стихотворения, дающие представление американскому читателю о быте и истории России, в Антологии распределены по рубрикам, носящим названия различных географических местностей (например, Азов, Новгород, Полтава и др.). Причем, это были не только стихи, написанные русскими поэтами, но и американскими, польскими, французскими и английскими. В Антологию также помещены примеры русских народных песен [8]. Антология была рассчитана на широкий круг читателей и сыграла свою роль в популяризации России в американском обществе.

Изабель Флоренс Хапгуд (1851-1928), уроженка Бостона, в Новой Англии самостоятельно изучила русский язык за два года по словарям и справочникам по грамматике. Ее любовь к русской литературе была столь велика, что она посвятила 20 лет жизни переводам, в том числе Толстого и Тургенева [7:38]. О причинах интереса Хапгуд к России нет достоверной информации, но можно предположить, что здесь сыграли свою роль общие гуманитарные наклонности Изабель (она знала многие языки романо-германской группы, а из славянских, кроме русского, еще польский и церковнославянский); а также многоязычная среда Бостона, самого крупного города Новой Англии, в котором она родилась, и Нью-Йорка, в котором она впоследствии жила и работала; и, не в последнюю очередь, ее увлеченность разными религиями, в том числе Православием (сама она была приверженцем Англиканской Епископальной церкви). Ее увлеченность православной литургией, православной церковной музыкой и хорами привела ее к знакомству с Тихоном, в тот момент архиепископом Аляски и Алеутских островов, который поддержал желание Хапгуд перевести тексты русской литургии и хоровых песен на английский язык. Первое издание ее книги «Молитвенник святой православно-католической церкви» появилось в 1906 г., второе в 1922. Ее вклад в популяризацию русской литературы, культуры, языка огромен. Помимо уже упомянутых переводов

русской церковной литургии, она выпустила книги переводов произведений Л. Н. Толстого (например, «Детство, отрочество, юность», «Крейцера соната»), Н. В. Гоголя (например, «Тарас Бульба», «Шинель»), М. Горького («Фома Гордеев»), И. С. Тургенева («Дворянское гнездо»), И. А. Бунина («Деревня»). Собственные работы Хапгуд о России и русских были посвящены Л. Н. Толстому, С. Ковалевской, а также обзору русской литературы.

Помимо филологов и поэтов, личный интерес к русскому языку проявляли бизнесмены и инженеры, которые вели дела с Россией. Их вклад в популяризацию русского языка в США зачастую сопоставим по значимости с деятельностью ученых.

Самый известный среди них, Джордж Вашингтон Уистлер (1800-1849), инженер, эксперт в области железных дорог, прибыл в Россию в 1842 г. для участия в строительстве железнодорожной двухпутной ветки Москва – Санкт Петербург. Он также был приглашен заведовать строительством военного арсенала и доков в Крондштате. По его приглашению в Россию приехали представители семей механиков и подрядчиков Винанс, Иствик и Харрисон [3]. Многие остались в России и выучили русский, необходимый им для общения не только в быту, но и в профессиональной сфере. Информации о том, знал ли русский язык сам Уистлер, не сохранилось, однако есть точные сведения о его сыновьях. Джеймс Эббот Макнил Уистлер (1834-1903), впоследствии известный художник, оказался в России в возрасте девяти лет и очень легко овладел русским языком. Позже, рассказывая о своей биографии, Джеймс Эббот Уистлер указывал местом своего рождения Санкт-Петербург, хотя в действительности он родился в Массачусетсе. Возможно, Петербург оказал определенное влияние на становление его как художника, а возможно, просто казался ему достаточно экзотическим местом. Как бы то ни было, первые шаги на поприще живописи им были сделаны именно в Петербурге: до отъезда обратно в Соединенные Штаты (в 1849 г.) будущий известный художник успел поучиться в Петербургской Академии художеств за счет российской казны. Старший же сын Уистлера – Джордж Уильям – остался в России и работал инженером на железной дороге [7:30-31].

Американские дипломаты, работавшие в Санкт-Петербурге, самостоятельно и не очень успешно изучали в России русский язык. Будущий шестой президент США Д. К. Адамс (1767-1848) сначала работал секретарем американского посланника в России, а потом был официальным послом США в России в 1809-1814 гг. Есть предположения, что, выполняя эти обязанности, он самостоятельно выучил русский язык [6]. В то же время, необходимо отметить, что люди, которых американское правительство отправляло в Россию на дипломатическую службу, обычно знали французский язык, а, значит, у них не возникало проблем в общении с определенными кругами русского общества того времени, соответственно их желание изучить русский носило несерьезный характер и не приводило к сколько-нибудь значительным успехам в его освоении.

С середины XIX в. интерес к русскому языку немного усилился в северных и северо-восточных штатах США. В основном это было связано с политическими причинами: Россия поддержала действия американского правительства в Гражданской войне севера и юга (1861-1865). Данный регион исторически имел неоднородную демографию, многие его территории изначально были освоены французскими и голландскими поселенцами, а потом, по мере развития этой части США, к ним прибавлялись выходцы из других европейских стран. Так же, как в Новой Англии, здесь создавалась благоприятная среда для развития межкультурных, межэтнических и межъязыковых контактов. Среди представителей этого региона, увлекавшихся русским языком, были как лингвисты, так и люди далеких от изучения языков профессий. Однако общая тенденция осталась прежней: русский язык изучался отдельными немногочисленными увлеченными энтузиастами самостоятельно или у носителей языка, которые не были профессиональными преподавателями. В то же время эти американские энтузиасты внесли весомый вклад в популяризацию русского языка и России в американском обществе, поскольку каждый из них направил свой интерес в созидательное русло, что впоследствии приводило к написанию и изданию общедоступных печатных трудов, посвященных России. Сам факт существования этих работ свидетельствует о заинтересованности некоторых американцев Россией, их желании не только описать и осмыслить тот опыт, которой они приобрели, работая в ней или самостоятельно изучая ее литературу и язык, но и желание поделиться

своими впечатлениями, открыть Россию читателям в США. Ценность этих произведений заключается в том, что их появление можно рассматривать как шаг вперед к узнаванию России, проявлению интереса к жизни ее народов, их языку и культуре. Кроме того, некоторые выходцы из этого региона получили высшее образование в Гарвардском или Йельском университетах, расположенных в Новой Англии, что свидетельствует о проявлении интереса к русскому языку в среде американской интеллигенции. Также важным представляется тот факт, что в это время начинают появляться переводы русской литературы на английский язык, выполненные американцами. Таким образом, можно утверждать, что американское общество получило возможность познакомиться с Россией с разных сторон: через переводы литературных произведений русских писателей того времени и через книги, написанные самими американцами, увлеченными русской культурой.

Иеремия Куртин (1835-1906), сын ирландских иммигрантов, уроженец Мичигана, прошедший свое детство в Висконсине, расположенном на севере центральной части США, будучи студентом в Гарварде, познакомился с У. В. Лонгфелло, который, как считается, увлек его русским языком [7]. Позже в Нью-Йорке он изучал право и русский язык и, по рекомендации из Гарварда, в 1863 г. был представлен русскому консулу, с которым впоследствии подружился и в библиотеке которого продолжил заниматься русским языком, который изучал по русско-немецкому словарю. Таким образом, Куртин осваивал русский через посредничество немецкого языка [7:34 ; 2]. Когда в этом же году в Нью-Йорк прибыл русский флот, отправленный Александром II с целью продемонстрировать решимость России поддержать северян и не допустить вмешательства Великобритании и Франции в Гражданскую войну, Куртин воспользовался случаем попрактиковаться в разговорном русском языке с офицерами русского флота, включая его командующего, адмирала С. С. Лесовского. Вскоре Куртин был направлен в Санкт-Петербург в американскую дипломатическую миссию в качестве переводчика (этот пост он получил по собственной просьбе), а затем секретаря. Царь Александр II был поражен его знаниями русского языка и неоднократно выражал свое восхищение его блестящим русским и способностью цитировать Пушкина. За это лицейский друг Пушкина К. Данзас назвал Куртина волшебником.[7:36]. В 1860-е гг., будучи в России, Куртин собирал фольклорные истории, мифы, легенды, которые он с удовольствием слушал от стариков во время путешествий по стране. В 1890 г. был издан его труд «Мифы и народные сказки русских, западных славян и венгров». В 1900 г. Куртин посетил Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, с которым провел весь день, беседуя по-русски. Толстой был покорен его безупречным произношением и богатством лексического запаса [7:36]. После смерти Куртина были изданы еще две книги, посвященные России: «Монголы в России» (1908) и « Путешествие по Южной Сибири: монголы, их религия и мифы» (1909) [2].

Прибытие русского флота под командованием адмирала С. С. Лесовского произвело большое впечатление на уроженца Нью-Йорка Евгения Шуллера (Юджина Скайлера) (1840-1890). Шуллер изучал языки, литературу и юриспруденцию в Йельском университете. А в 1863 г., году прибытия в Нью-Йорк русского флота, он начал брать уроки у русского священника, чья личность до сих пор не установлена. В 1867 г. Шуллер работал консулом Соединенных Штатов в Москве, в 1869 г. в Ревеле, в 1870 г. секретарем дипломатической миссии в Санкт-Петербурге. Он был состоявшимся лингвистом с хорошим знанием русского языка. В 1867 г. он выполнил первый перевод на английский язык романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» с одобрения самого Тургенева, а также издал собственный пересказ повести «Казачи» Л. Н. Толстого на английском языке также с разрешения и одобрения автора. Здесь надо заметить, что Шуллер был лично знаком с обоими русскими писателями: в 1864 г. в Бадене он встречался с Тургеневым, который в свою очередь дал ему рекомендательное письмо к Толстому; в 1868 г. он гостил в Ясной Поляне [9].

Помощник библиотекаря Йельского университета Джоэл Самнер Смит (1830-1903) стал в 1896 г. основателем одного из первых собраний книг в США, посвященных славянским странам. Он собирал и каталогизировал книги об истории и культуре России XVIII и XIX вв., его дар Йельскому университету составил более пяти тысяч книг (по некоторым данным – более шести тысяч), не только на русском языке. Не ясно, что подтолкнуло Смита начать собирать книги о России, на этот счет существует несколько версий. А. Парри считает, что делал он это по заданию самого университета

[7:38]. Однако Татьяна Лоркович, куратор коллекции Йельского Университета, в своей речи, посвященной Смигу, высказывает мнение, что коллекция книг о России -- это его собственная инициатива. Также не ясно, что привело Смита к изучению русского языка, как и когда он его выучил, тоже не известно. Возможно, это произошло как раз в процессе приобретения и каталогизирования книг для библиотеки Йельского Университета [7]. В то же время есть предположение М.М. Коулмана о том, что сам климат Йельского университета, созданный профессором Уильямом Двайтом Уитни, пропагандистом славянских языков, мог повлиять на Смита. Также Коулман предполагает, что пример другого выпускника Йеля, Шуллера, мог оказать определенное воздействие. Кроме того, есть сведения, что еще до появления коллекции Смит знал русский и в 1886 г. выпустил анонимный перевод стихотворения А. Н. Некрасова «Мороз, Красный нос» на английском языке.

В начале XX века, когда русский язык уже вошел в программу некоторых университетов США (например, Гарвардского и Колумбийского), проблема нехватки его преподавателей стояла очень остро. Традиция приглашать непрофессиональных преподавателей русского языка продолжилась. В 1921 г. в Колумбийский университет преподавать начальный, средний и продвинутый курсы русского языка была приглашена Елена Могилат, вдова морского офицера. Самым известным ее учеником был Поль Робсон, американский певец и актер, который первый раз посетил Советский Союз в 1934 г., а лето 1935 г. провел в советском колхозе, где с удовольствием слушал истории и сказки на русском языке, которые рассказывали ему местные дети [7: 85-86].

Таким образом, русским языком в XIX веке в США интересовались энтузиасты, представители разных профессий и сфер деятельности, для многих из которых лингвистика не была специальностью. В основном это были выходцы из мультикультурных и полиэтнических регионов, таких как Новая Англия и север и северо-восток США. Многие из них, руководствуясь жаждой знаний о России и необходимостью применить русский язык на практике, посещали нашу страну, были представлены при дворе, знакомились с великими русскими писателями, что часто приводило к еще большей заинтересованности в изучении России и русского языка. На фоне отсутствия профессиональных преподавателей, увлеченные энтузиасты вынуждены были либо заниматься самообразованием, либо нанимать непрофессионалов, носителей русского языка, которые были далеки от филологической сферы деятельности. Личная увлеченность этих людей способствовала популяризации русского языка посредством переводов русской литературы, а также издания книг, статей о России и русских людях. Благодаря их просветительской деятельности, русский язык начал постепенно проникать в американское общество.

Литература

1. Арсеньев Юрий. Воспоминание о Лонгфелло. // *Московские ведомости*, 1882, № 76, с. 5.
2. *American National Biography Online*. Jeremiah Curtin. Stable URL: <http://www.anb.org/articles/14/14-01161.html> (дата обращения 25.03.2019)
3. *American Society of Civil Engineers*. George Washington Wistler. Stable URL: <http://www.asce.org/templates/person-bio-detail.aspx?id=11231> (дата обращения 25.03.2019)
4. Fields A. *Authors and Friends*. New York, 1969, p. 53.
5. Hecht David. *Longfellow in Russia* // *The New England Quarterly* Vol. 19, No. 4 (Dec., 1946), pp. 531-534
6. Moore Coleman Marion. *A Yale Man Studies Russian. James Gates Percival (1795-1856) and Russian in New Haven a Century Ago* // *The Russian Review* Vol. 8, No. 2 (Apr., 1949), pp. 127-134
7. Parry, Albert. *America Learns Russian: A History of the Teaching of the Russian Language in the United States*. N.Y. : Syracuse University Press, 1967 – 205 pp.
8. *Poems of Places. Russia*. Ed. by Longfellow H. W. Boston, 1878, vol. 20.
9. Schuyler, Eugene, *Selected Essays, with a Memoir by Evelyn Schuyler*, New York: Scribner, 1901 -- 382 pp.

Famous Americans and learning of the Russian Language in the USA in the XIX century

Zenkevich I.V.,

Assistant professor of the chair «Linguodidactics and Cross-Cultural Communication», Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia syrkevich@rambler.ru

The article presents data obtained in the course of the study of the process of popularization and dissemination of Russian language teaching in the USA in the 19th century. The author gives facts from the biographies of famous Americans of this period, which prove the manifestation of their interest in learning Russian. The article suggests that the interest in the Russian language in the USA in the 19th century was purely personal. Before the American education system and private foundations paid close attention to the need to introduce teaching Russian into the school and university curriculum, it was learnt by enthusiasts and a small number of Americans who were guided by personal reasons that prompted them to turn to learning Russian language. The article also discusses these reasons, as well as the consequences of this learning.

Keywords: enthusiasts, the Russian language, New England, north and northeastern United States.

References

1. Arsen'yev Yuriy. Vospominaniye o Longfello. // Moskovskiye vedomosti, 1882, № 76, s. 5.
2. American National Biography Online. Jeremiah Curtin. Stable URL: <http://www.anb.org/articles/14/14-01161.html> (Accessed: 25.03.2019)
3. American Society of Civil Engineers. George Washington Wistler Stable URL: <http://www.asce.org/templates/person-bio-detail.aspx?id=11231> (Accessed: 25.03.2019)
4. Fields A. Authors and Friends. New York, 1969, p. 53.
5. Hecht David. Longfellow in Russia // The New England Quarterly Vol. 19, No. 4 (Dec., 1946), pp. 531-534
6. Moore Coleman Marion. A Yale Man Studies Russian. James Gates Percival (1795-1856) and Russian in New Haven a Century Ago // The Russian Review Vol. 8, No. 2 (Apr., 1949), pp. 127-134
7. Parry, Albert. America Learns Russian: A History of the Teaching of the Russian Language in the United States. N.Y. : Syracuse University Press, 1967 – 205 pp.
8. Poems of Places. Russia. Ed. by Longfellow H. W. Boston, 1878, vol. 20.
9. Schuyler, Eugene, Selected Essays, with a Memoir by Evelyn Schuyler, New York: Scribner, 1901 -- 382 pp.